

**Все думы – о Вас
священник Павел Флоренский**

Завещание

*Моим детям: Анне, Василию
и Кириллу, и Олечке – на случай моей смерти*

1917.IV.11.

Сергиев Посад

1. Прошу вас, мои милые, когда будете хоронить меня, – приобщиться Святых Таин в этот самый день, а если уж будет никак нельзя, то в ближайшие дни. И вообще прошу приобщаться вскоре после смерти моей чаще.

2. Обо мне не печальтесь и не скорбите по возможности. Если вы будете радостны и бодры, то мне этим доставите успокоение. Я всегда буду с вами душой, а если Господь позволит – буду часто приходить к вам и смотреть на вас. Но вы уповайте на Господа и на Его Пречистую Матерь и не печальтесь.

3. Самое главное, о чем я вообще прошу вас, – это чтобы вы помнили Господа и ходили пред Ним. Этим я говорю все, что я имею сказать. Остальное – либо подробности, либо второстепенное. Но этого не забывайте никогда.

4. Не забывайте рода своего, прошлого своего, изучайте своих дедов и прадедов, работайте над закреплением их памяти.

1917.V.08.

Старайтесь записывать все, что можете, о прошлом рода, семьи, дома, обстановки, вещей, книги т. д. Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел отношение к семье, к роду, знакомых, родных, друзей. Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме и пусть все около вас будет напитано воспоминаниями, так чтобы ничего не было мертвого, вещного, неодухотворенного.

5. Дома, библиотеки, вещей не продавайте, без самой крайней нужды. Главное же мне хотелось бы, чтобы дом оставался долго в нашем роде, чтобы под крылом Преподобного Сергия вы, и дети, и внуки ваши долго-долго имели крепость и твердую опору.

1917.07.06. Сергиев Посад

6. Мое убеждение – что роду нашему должно иметь предстоятелей у Престола Божия. Мое чувство – что тысячи вразумлений Божиих и тысячи подстерегающих враждебных глаз направляют наш род к одной Цели – не

изменять назначенному нам стоянию в алтаре Господнем. Отказ от этого стояния, бегство алтаря поведет к тяжелому року над нашим домом.

Мне думается, то тяжелое, что пережил наш род, начиная от деда, есть следствие уклонения от алтаря Господня. Пусть же в каждом поколении хоть один будет иерей, лучше всего – как я, т.е. иерей для себя, Иерей ради службы Божией, имеющий ремеслом что-нибудь особое! Подумайте об этом, сыны мои!

7. Мне думается, что задачи нашего рода – не практические, не административные, а созерцательные, мыслительные, организационные в области духовной жизни, в области культуры и просвещения. Старайтесь вдуматься в эти задачи нашего рода и, не уклоняясь от прямого следования им, по возможности твердо держаться присущей нам деятельности.

8. Не ищите власти, богатства, влияния... Нам не свойственно все это; в малой же доле оно само придет, – в мере нужной. А иначе станет вам скучно и тягостно жить.

1919.VI.26. Сергиев Посад, ст. ст.

9. Дети мои милые. Это время революции было так тяжело, как только можно было себе представить; было – и есть, и Бог знает, сколько еще продлится. Эпидемические болезни, голод, невероятная дороговизна, бесправие, возможность всякого насилия – все, что только можно представить себе тяжелого, не отсутствовало кругом нас. Но Милосердие Божие, Покров Пречистой Девы и Помощь Преподобного Сергия, а также молитвы Иеромонаха Исидора¹ и Епископа Антония,² а может быть – и Архимандрита Пимена – не оставляли нас, и великим чудом мы не терпели недостатка, хотя по человеческому разумению должны были бы тысячу раз умереть от голода, холода и болезней, а также претерпеть все виды насилий. Милые мои дети. Господь хранил нас, мы не оставались без Его Покрова. Не забывайте никогда, прошу вас и завещаю вам, этого времени вашего детства и всегда обращайтесь за помощью к Господу, Божией Матери, угоднику Божию Сергию, а еще святым Николаю Чудотворцу, преподобному Серафиму и своим Ангелам. Обращайтесь с горячею просьбою и мольбою о помощи к друзьям и покровителям нашего дома Иеромонаху Исидору и Епископу Антонию и Архимандриту Пимену. Не забывайте этого, помните, опытами многими убедился я, убедились мы в действительности молитв и просьб к ним. И еще раз скажу, не забывайте их, милые мои, обращайтесь к ним с каждою нуждою, помните, что в лице их вы имеете домашних покровителей, знавших нас, и любивших нас, и заботившихся о нас при жизни своей.

1920.VI.03.

10. Мои милые, в это тяжелое время друзья и знакомые много помогали нам, и без помощи их нам не выжить бы. Многие проявляли доброту и внимание, нами не заслуженные. И вы, мои хорошие, будьте всегда в жизни добры к людям и внимательны. Не надо раздавать, разбрасывать имущество, ласку, совет, не надо благотворительности. Но старайтесь чутко прислушиваться и уметь вовремя прийти с действительной помощью к тем, кого вам Бог пошлет как нуждающихся в помощи. Будьте добры и щедродательны.

Когда же вам самим будет плохо, то воззовите к Богу, обратитесь к святым угодникам – к Николаю Чудотворцу, к преподобным Сергию и Серафиму, обратитесь к покровителям нашего дома, о которых я говорил вам уже. Верьте, мои милые, что я говорю по многому опыту, – они не оставят вас без помощи.

Много-много раз я убеждался в действительности молитв к ним и не бывал не услышан, когда просил их. И вот, мои родные, мои родимые, никогда не забывайте молиться и обращаться за помощью к небесным покровителям. Из друзей же, помогавших нам, в особенности назову: Наталию Александровну Киселеву, Софию Сергеевну Тучкову, Софию Ивановну Огневу³, некоторых моих учеников по Академии.

11. Мои милые, грех, который особенно тяжело было бы мне видеть в вас, это зависть. Не завидуйте, мои дорогие, никому. Не завидуйте, это измельчает дух и опошляет его. Если уж очень захочется что иметь, то добывайте и просите Бога, чтобы было желаемое у вас. Но только не завидуйте. Мещанство душевное, мелочность, дерзкие сплетни, злоба, интриги – все это от зависти. Вы же не завидуйте, утешьте меня, а я буду с вами, и сколько можно мне будет, буду молить Господа о помощи вам.

И еще – не осуждайте, не судите старших себя, не пересуживайте, старайтесь покрывать грех и не замечать его. Говорите себе: «Кто я, чтобы судить, и знаю ли я внутренние побуждения, чтобы осуждать?» Осуждение рождается по большей части из зависти и есть мерзость. Воздавайте каждому должное почтение, не заискивайте, не унижайтесь, но и не судите дел, которые вам не вручены Богом. Смотрите на свое собственное дело, старайтесь сделать его возможно лучше, и делайте все, что делаете, не для других, а для себя самих, для своей души, стараясь из всего извлечь себе пользу, назидание, питание души, чтобы ни одна минута вашей жизни не утекала мимо вас без значения и содержания.

Москва. 1921 .III. 19–20. Ночь у В.И. Лисева.

Суббота под воскресенье

12. Милые мои детки, тоскует мое сердце по вас. Когда вы вырастете,

то узнаете, как тоскует отцовское и материнское сердце по детям. И тоскует оно по моей бедной маме, которая сидит одинокая и к которой нет сил приблизиться внутренно. Много-много хочется написать мне вам. Приходят вереницы мыслей и чувств, но нет ни времени, ни сил записывать. Вот одно, что особенно настойчиво просится к записи:

Привыкайте, приучайте себя все, чтобы ни делали вы, делать отчетливо, с изяществом, расчленно; не смазывайте своей деятельности, не делайте ничего безвкусно, кое-как. Помните, в «кое-как» можно потерять всю жизнь, и напротив, в отчетливом, ритмическом делании даже вещей и дел не первой важности можно открыть для себя многое, что послужит вам впоследствии самым глубоким, может быть, источником нового творчества. Почему-то в этом отношении я спокоен за Олечку и отчасти за Киру и более всего опасаясь, что мой первенчик Васенька оплошает и будет жить спустя рукава. Дай Господи, чтобы это было не так. Но опасаясь, что Вася выйдет в своего дядю Шуру.

И еще.

Кто делает кое-как, тот и говорить научается кое-как, а неряшливое слово, смазанное, не прочеканенное, вовлекает в эту неотчетливость и мысль. Детки мои Милые, не позволяйте себе мыслить небрежно. Мысль – Божий дар и требует ухода за собою. Быть отчетливым и отчетным в своей мысли – это залог духовной свободы и радости мысли.

1922.VIII.14.

Давно хочется мне записать: почаще смотрите на звезды. Когда будет на душе плохо, смотрите на звезды или лазурь днем. Когда грустно, когда вас обидят, когда что не будет удаваться, когда придет на вас душевная буря – выйдите на воздух и останьтесь наедине с небом. Тогда душа успокоится.

1923.III.19 с.с. Перед отъездом в Москву.

Великий Понедельник.

Милое мое дитяtko Мик, ты все болеешь, не выходя из болезней и страданий. Не вини свою маму, мое родное; она страдала и страдает больше твоего – время твое мучит тебя. Да будет вовеки над тобою, мой ясный ангел, Покров Матери Божией! Знай, что мы любим тебя всею душою и плачем над тобою, мой сыночек родной. Живи на радость себе и всем. Господь да хранит тебя, дитяtko.

Письма семье

13–14 октября 1933 г., ст, Ксениевская

1933.X.13–14. Дорогая мама, я наконец приехал ночью 1-го октября на место, хотя, быть может, и не окончательное⁴. Тут очень красивая местность – на берегу реки, быстрой и прозрачной, среди невысоких, но многочисленных гор или точнее высоких холмов, покрытых лиственницей. Климат очень здоровый – сухой, солнечный, с хорошим горным воздухом, почва песчаная. Словом, здесь вполне можно было бы устроить курорт. Пейзаж напоминает кавказский, по Куре. А т.к. живу я около железной дороги и вдобавок интересами дороги, то все вместе мне приводит на мысль ту обстановку, которая была при моем рождении.⁵ Как и быть должно, конец совпадает с началом. – Беспokoюсь о вас, как-то вы живете и как устраиваются мои дома.⁶ Писал тебе я с дороги несколько раз, но не знаю, дошли ли письма. Радуюсь, что повидал тебя. Скажи Кире, чтобы Михаил Владимирович печатал Словарь изоляционных материалов без меня, мне же можно будет прислать корректуру для просмотра, или как-нибудь пусть устроит иначе; статью о «Жизни изделий» пусть Михаил Владимирович приведет в порядок, как может, а копию пришлет мне на исправление – я постараюсь добавить кое-какие общие соображения. Впрочем, если хочет, пусть сдает в печать (в «Сорена») сам.⁷ Затем пусть он собирает материалы по биологическим факторам, вредящим сети (насекомые, грызуны и т.д.) и, обработав как сумеет, пришлет мне, но это еще, надеюсь, будет не скоро. – Только что посмотрел на адрес и увидел, что письмо это предназначалось, собственно, не тебе, а Оле. Поэтому напишу и ей здесь же. Целую тебя и всех.

Твой П. Флоренский

23 ноября 1933 г., ст. Ксениевская

1933.XI.23. Дорогая мамочка, со дня на день я жду своего отъезда в г. Свободный, но пока все нахожусь в Ксениевской. Насколько мне известно из различных рассказов, в Свободном могут быть известные условия для научной работы, но я не вполне уверен в их достаточности. Это побуждает меня желать скорейшего переселения, хотя и не люблю перемен обстановки. Здесь, в Ксениевской, живется не плохо: вполне достаточная еда, комната не слишком тесная, в которой живут со мною еще пятеро, электрическое освещение, тепло – мы топим себе железную печку, – более-менее удобные условия служебной работы. Работа эта вообще не по мне, т.к. она чисто инженерная или статистико-экономическая; но зато у

меня культурный и воспитанный начальник, хорошо относящийся ко мне⁸. Одежду теплую я получил – все ватное и валенки, так что, несмотря на здешние холода, не ощущаю их. Впрочем, мне не приходится бывать много на воздухе, больше сижу в рабочей комнате у нас в штабе. Выходы на улицу – 4 раза в день, в лагерь и из лагеря. Иногда немного пройдусь подышать воздухом и прогреться солнцем. Замечательно, тут даже в сильные морозы солнце греет, как в Москве весной. Солнца вообще очень много, почти всегда солнечно с раннего утра до позднего вечера. Но морозы уже и сейчас большие, до 40°.

27 ноября 1933 г., ст. Ксениевская

1933.XI.27. Дорогая Аннуля, я получил твои письма от 8 и 15 ноября, а также письма Тики, Мика и Оли, последнее от 14 октября (если только Оля не ошиблась, письмо с вокзала из Москвы). Письмо от 15 ноября получено 27, письмо от 8-го – ноября 23-го. Как видишь, письма доходят чрез все инстанции через 7–8 дней, и следовательно я вовсе не так далеко от вас, как кажется. Зато мои письма, по-видимому, до тебя не доходят. Ведь я много раз уже писал по поводу твоих сомнений и беспокойства, но ты в каждом письме повторяешь все то же. Пишу еще раз.

Обо мне следует беспокоиться менее всего. Живу я в теплой, даже пожалуй иногда чересчур теплой, комнате, работаю – также в хороших условиях и в тепле. Освещение электрическое. Еда – трижды в день: завтрак, обед и ужин, причем чай можно устраивать, когда дома, когда хочешь. Хлеб у меня остается, несмотря на то, что он вкусный (полу-пшеничный), и несмотря на то, что я хлеба всегда ем много. Получаем дважды в месяц немного печенья и конфет. Одет я весьма тепло, в валенках, ватных брюках и ватной телогрейке, поверх которой надеваю еще ватное полупальто, называемое бушлатом. Еда здесь, во всяком случае, гораздо более сытная и питательная, чем в Москве и тем более – у вас. Мой начальник относится ко мне вполне хорошо и ласково, так что мне из-за этого не хотелось бы уезжать из Ксениевской. Что касается до работы, то она не по моей квалификации, так как сводится к разного рода статистико-экономическим подсчетам, таблицам, графикам и т.д. Но вышло так, что я начал с мелких единиц организации БАМЛАГа и постепенно перехожу к более крупным, чтобы попасть в центр. Таким образом за короткое время я ознакомился по всему разрезу с новым для меня делом железнодорожного строительства за короткое время, и притом во всех его отраслях, включая и хозяйство, так что составил себе представление в целом о государственном предприятии огромного размера и значения. Доставляет, кажется, удовлетворение видеть большое и

историческое дело в его процессе а это дается не так-то часто и не столь многим, вспоминаю своего отца, который работал над подобными же вопросами, но в масштабе гораздо меньшем и не столь разнообразного строения, как здесь, при комплексной организации всего дела.⁹ Подробности, сами по себе не интересные, вроде валенок или рыбы, ликбеза или процентов использования лошадей и т.п., получают в общей картине свое значение и смысл, как необходимые слагающие целого. Предо мною вырисовываются большие задачи по экономике местного края, по изучению и может быть использованию вечной мерзлоты и т.д., и я надеюсь, что в дальнейшем и моим специальным знаниям найдется применение, полезное для государства. Предварительное знакомство с подробностями хозяйства, быта и техники конечно будет хорошей школой, без которой более тонкие научные вопросы висели бы в воздухе. Если бы не беспокойство за вас и мысль, что вы страдаете во всех отношениях, то я был бы просто доволен дальностью от Москвы и участию в самой гуще исторического строительства. Единственная действительная неприятность у меня, кроме вас, это отсутствие очков. Без них работать мне трудно, приходится гнутья, и вообще чувствуется какая-то низверженность. Но надеюсь, со временем и это устроится. Посылок и денег от вас я не получал. Решительно прошу мне ничего не посылать, тем более, что посылки обычно весьма запаздывают – иногда на 6 месяцев, денег же мне, скорее всего, не выдадут. Но деньги я получаю здесь в виде так называемых премиальных. Уплатил в столовую ИТР, часть осталась, и я ношу ее без пользы, так как покупать здесь нечего, да и не для чего – все есть готовое.

Чтобы тебе была более ясна картина жизни, скажу еще о лагерниках. Подавляющее число их, как из интеллигентского состава, так и более серых, – рослые, осанистые, большинство довольно полных, все с великолепным цветом лица, которому горожане могли бы позавидовать. Не знаю, зависит ли этот прекрасный наружный вид от здешнего замечательного климата или от правильного распорядка жизни, а может быть от того и другого вместе, но наших лагерников стоило бы показать какому-нибудь иностранцу, или хотя бы Горькому¹⁰. Тут не увидишь московской, а тем более ленинградской, бледности и испитости.

Доверенности я выслал тебе 1¹/₂ месяца тому назад, но, как обнаружилось, и притом случайно, они застряли в Ксениевской, а теперь пересланы в Свободный. Когда я буду там, то постараюсь выполнить твою просьбу, отсюда же не стоит высылать, т.к. боюсь, опять будут задержки. Относительно писем. Вы можете писать, сколько хотите, но число моих

писем ограничено. Правда, из любезности, может быть и позволят нарушить норму (1 письмо в месяц), но нельзя этим снисхождением злоупотреблять. Поэтому не беспокойся, получая мои письма сравнительно редко.

Хорошо, что ты завела себе очки, но плохо, что не лечишь себе руку. Между прочим, растирай ее камфарною мазью, а кроме того непременно посоветуйся с врачом. Больная рука не только помеха в работе, но и причина тяжелого настроения. Постарайся устроиться как-нибудь со светом или в крайнем случае заправляй хорошую керосиновую лампу. Крепко целую тебя, моя дорогая. Будь добра и заботься о здоровье. Порадуй чем-нибудь маленьких и особенно Тику.

Твой П. Флоренский

1933.XI.28. [Маме] Только что узнал о своем назначении в г. Свободный, еду завтра, – конечно, если удастся сесть на поезд, а это при здешней загруженности поездов не так-то просто. С сожалением расстаюсь с Ксениевской, т.к. успел уже привыкнуть к людям и до известной степени к работе. Но все говорят, что там, в Свободном, будут более благоприятные условия для научной работы. Вероятно там меня ждут ваши первые письма. Климат в Свободном мягче, чем здесь, – сказывается более низкое местоположение и близость, конечно относительная, к морю. По здешним расстояниям 1000 км считается «близко», а т.к. до Свободного мне ехать 1200, то и это близко. Мальчики, мне пишут, бывают у тебя часто. Я очень рад этому, и за них, и за тебя. Может быть помогут тебе в чем-нибудь по хозяйству. Ты ничего не сообщаем мне, как живут Андрей, Шура и Лиля,¹¹ впрочем об Андрее написала, о рождении у него сына¹². Поздравь его от моего имени, когда будешь писать.

Тут я наслаждаюсь солнцем. Каждый день, с раннего утра до позднего вечера небо безоблачно, солнце сияет так, что даже в самый сильный мороз делается тепло под его лучами, все залито светом. Мне все время вспоминается Гомеровское описание Олимпа, где, по переводу Жуковского, кстати сказать очень тонкому, *«воздух лазурью разлит, и повсюду тончайшим сияньем»*.¹³

Поэтому и сам я чувствую себя вознесенным к небожителям.

Но говорят, и в Свободном солнечности тоже не менее. Как уверял меня один свободожанин, проживший там три года, из 365 дней в году 360 бывают солнечными. А это уже настоящая стратосфера! Здесь можно провести хорошую работу по вечной мерзлоте почв и грунтов, до сих пор почти не изученных, несмотря на чрезвычайную важность этого явления

для всех областей народного хозяйства и для общего миропонимания.

Почти половина Союза находится в состоянии вечной мерзлоты (47% территории), и до сих пор мы не знаем точно даже границу распространения мерзлоты, не говоря уж об ее причинах, динамике, значении, способах борьбы с нею и об использовании ее.

Пишу тебе обо всех этих вещах, чтобы ты видела богатые возможности работы в здешнем крае. Уже и в настоящий момент, хотя я работать и не начинал, мне мерещатся некоторые практические последствия этой работы, применение мерзлоты в области электропромышленности, что м.б. весьма важно в связи с предстоящей электрификацией края. Поэтому не беспокойся обо мне и, главное, позаботься о своем здоровье.

Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Поцелуй Люсю¹⁴ и скажи, чтобы она не набирала себе слишком много работы.

Между прочим, здесь я встречаю иногда кавказцев и вспоминаю о местностях, где я бывал, о море и о горах. Вместе с видом, напоминающим Кавказ, это дает особенно яркое воспоминание о детстве.

Спешу кончить письмо, чтобы сдать его.

Еще раз целую тебя.

П. Флоренский

11 декабря 1933 г., г. Свободный

1933. XII. 11. г. Свободный. Дорогая Аннуля, уже давно не получал от вас писем. Может быть, они застряли в Ксениевской и будут привезены с какой-нибудь оказией, но во всяком случае я не знаю, что делается у вас. Письма, посланные сюда, то есть в Свободный, здесь были, их видели, но к моему приезду куда-то исчезли и найти их я не могу. Получил здесь твою посылку с маслинами, сухарями, консервами, сахаром и чаем. Все дошло в целости. Другой посылки я не получал. Денег (50 р.) я не получал, но вчера получилась повестка на 15 р., которые постараюсь получить завтра. Зачем посылаете все это, дорогая Аннуля? Ведь у меня все есть, я сыт, одет, в тепле, деньги ношу без употребления, а вы лишаете себя последнего. Ведь мне больно получать от вас, когда я знаю, что вы не пользовались необходимым даже при мне, не то что теперь. Дума о вас все время сверлит мне сердце, особенно при наличии всего необходимого.

Может быть, летом удастся устроить ваш приезд сюда или туда, где я буду к тому времени. Если бы это было на станции мерзлоты, то – самое лучшее. Вы погуляли бы в тайге, пособирали бы еще и грибов. Но надо устроиться так, чтобы приехали и дети, хотя бы трое младших, т.к. старшие будут вероятно в экспедиции. Может быть соберется с вами и

бывшая Леночка, теперь Елена Сергеевна¹⁵, так что ехать вам будет удобнее и веселее.

По послеобедам я пью чай с вашими маслинами и сухарями и вспоминаю снова вас. Впрочем, вспоминаю я непрестанно.

Сейчас сижу и пишу, а снизу доносятся звуки музыки – какие-то танцы: завтра выходной день и большинство не работает. Но нам в нашей комнате делать нечего, и мы приходим работать и в выходные дни. Веселие и оживление утомляют и не приятны, хочется жить посерьезнее и делать побольше. У меня столько разных мыслей и тем для исследования во всех областях, что досадно, когда они пролетают мимо, не оставляя следа и не воплощаясь в жизни.

Ты просишь писать о себе. Но ведь я только о себе и пишу. Но жизнь моя идет внешне очень размеренно, особенно здесь, в Свободном, и потому писать приходится все одно и то же. Я здоров, работаю. Тут встречаю разных более или менее знакомых по Москве и Ленинграду. Сижу и работаю вместе с Павлом Николаевичем¹⁶, сплю также рядом, даже в уборную ходим вместе. Был здесь Михаил Тимофеевич¹⁷, но временно уехал в командировку, живет он также с нами. По вечерам, то есть уже около 12 часов ночи, немного беседуем. Читаю французские стихи, латинские – Горация, а больше ничего из поэзии пока не попадается. На это чтение трачу минут по 10 в день, т.к. нет больше времени, да и спать хочется. По техническим вопросам тут порядочная библиотека, но случайная, и потому постоянно нет именно той книги, которая в данный момент нужна. Есть кое-что и по другим отраслям знания, но подбор книг случайный. По физике особенно мало. Еда три раза в день: утром какой-нибудь завтрак, обеда из трех блюд, вечером ужин из одного блюда. Как видишь всего вполне достаточно. Мяса тут, на мое счастье и к неудовлетворению других, весьма мало – больше все каши или что-нибудь из них, отчасти рыба, винегрет, картофель, тесто, кисель. Пока здесь я наладился со стиркой белья, которая вообще затруднительна из-за недостатка воды, – это зимой, а летом воды сколько угодно. Река Зeya, очень полноводная и большая, находится в 3 километрах от нас.

Крепко целую тебя, моя дорогая. Целую Тику, Мика, Олю и старших, которым пишу отдельно. Кланяйся бабушке¹⁸. Бываешь ли у мамы? Как идут занятия у детей? Не скучай, а живи веселее, храни детей и себя. Еще раз целую тебя.

П. Флоренский

18 февраля 1934 г., г. Свободный

1934.П.18. Дорогая Аннуля, после длительных и картельных сборов,

мы с Павлом Николоевичем наконец-то в Сквородине. Адрес: ст. Сквородино Уссурийской ж. д., Опытная Мерзлотная Станция¹⁹ (я ошибся, когда писал «Забайкальской ж. д.»). Вопреки ожиданиям и страхам доехали очень хорошо, совсем по-барски: в особом вагоне, свободно, без опасения за вещи, одним словом так, как теперь не ездят. Своим перемещением (уже не временным, а постоянным) очень довольны. Тут приятный пейзаж – волнистый горизонт, холмы кругом, кажется есть и речка. Сквородино – маленький провинциальный городок, тысяч на 10. Мерзлотная станция – уютное тихое учреждение, вполне соответствующее сосредоточенной научной работе. Людей здесь мало – всего на всего, с рабочими, 25 человек. Начальство культурное, добропорядочное и благожелательное, так что с ним можно будет хорошо работать. Станция на отлете, за нею поле, так что чувствуешь себя как в деревне или на даче. Живем мы вчетвером, причем комната наша отделена лишь перегородкой от лаборатории. Лаборатория организуется. При станции опытный участок – словом все удобно. С сотрудниками мы пока не познакомились, кажется больше все молодежь. Здоров. Письма теперь пишите по новому адресу. Давно ничего от вас не получаю и беспокоюсь, особенно когда сам живу так благополучно. Когда вам можно будет приехать ко мне, то тут будет, где походить по окрестностям. Книг здесь немного, но есть хорошие и трудно доставаемые. Надеюсь, что с книгами как-нибудь устроимся. Солнца тут больше, чем в Свободном – местность выше и воздух чище. Небо безоблачное, и солнце, попадая на лицо, греет. Вот сейчас сижу в комнате, и лицу от солнечных лучей даже жарко. Ветров здесь, кажется, не бывает, так что несмотря на более северное положение (53° 58' с. ш. 123° 57' вост. долготы) чувствуется легче, чем в Свободном. До сих пор не знаю, получены ли вами те деньги, которые были высланы из Ксенийевской и из Свободного, – последние через сберкассу. Сообщите мне. Завтра я высылаю еще, теперь уже переводом, и надеюсь на более скорую доставку. Крепко целую тебя, дорогая, и всех деток, кланяюсь бабушке. Получил письмо от Алексея Ивановича²⁰, которое весьма досадило моему спутнику. Не забывайте своего папу, живите бодро. Пусть Олечка не огорчается своими неудачами, а воспользуется этим временем, чтобы поработать самостоятельно над книгой.

П. Флоренский

1 марта 1934 "., Сквородино

1934. III.1. Сквородино, ОМС. Дорогой Кирилл, в прошлый раз я не успел написать тебе и потому пишу тебе первому сейчас, с утра. Вот уже десять дней прошло, как мы приехали на ОМС, т.е. Опытную Мерзлотную

Станцию, но время это пролетело так, что его и не заметили. С утра, т.е. с 8 часов и до 12, 12 ¹/₂, 1 ч. ночи нахожусь в лаборатории, выходя из нее только чтобы пообедать и изредка – на ¹/₂ часа заснуть после обеда. Изредка выходим наружу, посмотреть на великолепную, развивающуюся рядом со станцией, наледь. Станция – небольшое учреждение, из нескольких домов, каждый из которых раза в 2 больше нашего, или вроде нашего. От лаборатории до столовой шагов 30, шагах в 30 – дом, где живет директор. Только до бани подалее, минут 10 ходу, если не менее. Комната, в которой живем, отделена перегородкой от помещений лабораторных. Как видишь, здесь все близко и под рукою. Всегда я мечтал жить непосредственно рядом с лабораторией, в тишине и подалее от города. Но исполнение желаний приходит, можно сказать, всегда с неожиданной стороны; так и в настоящем случае. Правда, лаборатория только организуется, ни приборов, ни реактивов нет. Но пока что мы пользуемся местными ресурсами – морозом. В холодильном шкафу, пространстве между двумя оконными рамами, но специально устроенными, морозим воду и грунты во всевозможных комбинациях. Наблюдаю процессы кристаллизации, делаю зарисовки, многое уясняется и этими примитивными опытами. Малость и скудость лаборатории, пожалуй, приятны, по крайней мере в моем вкусе. Очень интересны образующиеся здесь наледи, растущие изо дня в день. Столярную мастерскую заделало льдом уже более чем на половину высоты. Вспухают большие и малые ледяные бугры. Лед постепенно завоевывает территорию и быстро растет вширь и ввысь, словно пухнет. Из трещин, образующихся на нем, вбрасываются газы, выступает вода. При вскрытии ледяного покрова на особенно приподнятых местах из отверстия бьет фонтан, например на 70 см. Местами выступает какой-то минеральный раствор, покрывающий пушистым налетом лед, какой-то карбонат, но, вопреки ожиданию, – не кальция. Образуются сложные системы мощных трещин в ледяной толще. Наледь угрожает полотну железной дороги и подбирается к столовой для рабочих. Как видишь, происходит много интересного. Разрез наледных бугров, правда, подслеповатый и чересчур мелкий, можешь посмотреть в «Физической Геологии» Мушкетова, изд. 3-е.²¹

Во главе ОМС стоит Н.И. Быков,²² физик-математик и инженер, ранее работавший на Севере, в Игарке. Он много видел в области мерзлоты и рассказывает поучительные вещи. К тому же он недурно рисует, так что его рассказы сопровождаются показыванием зарисовок, очень интересных, например, северного сияния. Н.И. человек культурный, приятный в обращении, и с ним можно работать. Живет тут с семьей²³. Старший сын

где-то работает, 2-й Кирилл похож на Васю, 3-й Игорь – вроде тебя, далее идет девочка Ира – вроде Оли и наконец мальчик Коля, похожий на Мика. Но все они немного моложе вас, года на 3, кроме самого старшего, которого я не видел. К нам Николай Иванович и его жена относятся очень ласково, балуют угощениями и всем, чем могут: Николай Иванович дает мне свои книги, краски, нарисовал мне ледяные холмики и наледи, получившиеся из обледенелых маревых кочек, даже принес цветные карандаши Коли.

Жизнь тут, по крайней мере пока, тихая, но напряженная. Ничего не успеваешь сделать; отчасти это происходит от неналаженности лаборатории, отчасти же – от того, что слишком сложны задачи. Целую тебя, дорогой; не забывай, пиши. Ведь я все время скучаю без вас и о вас беспокоюсь.

П. Флоренский

2 марта 1934 г., Сковородино

1934. III.2. Сковородино. Дорогая Аннуля, когда же я получу от вас весть, как вы живете и благополучны ли. С переездом в Сковородино связь прервалась, но я надеюсь, что она здесь будет впоследствии более надежной. О том, как я живу здесь, ты уже знаешь из письма Кире. Добавлю только, что нас закармливают, как на убой; за последнее время я так растолстел, что самому противно. Живем хотя и напряженно в смысле работы, но очень тихо и мирно. Пока что я сижу почти исключительно в лаборатории, делаю опыты, зарисовываю, как умею, полученные результаты различных промораживаний, пишу, вычисляю, часто беседую на разине научные темы с Н.И. Быковым и с другими, обсуждаю постановку опытов с Павлом Николаевичем, Участвую в заседаниях – научных, технических («производственных») и прочих, делаю указания нашему помощнику. Таковым оказался волею судеб П.К. Старикович²⁴ из Посада, учившийся в женской гимназии и на ^{Не}сколько лет (по возрасту – на 4) старше Васи. Он, Старикович, припоминает фамилию Васи, но лично его не может вспомнить, Вася скажет, не учился ли этот мальчик при нем, в одном из старших классов. Недалеко от Сковородина оказался проф. Сузин,²⁵ от которого я получил недавно поклон. Кира, наверно, помнит Сузина по Москве. Вообще, здесь на БАМе знакомых легче встретить, чем в Москве, и кроме того все оказываются более приветливы, чем в Москве.

По приезде в Сковородино я послал тебе несколько денег; сообщи мне, получила ли ты их. Теперь я переслал переводом, так что надеюсь на более быструю и более верную доставку. Было бы неприятно, если бы то небольшое, чем я могу помочь вам, не доходило бы до вас.

Ничего не знаю я и о судьбе доверенностей, послал их уже давно, из Нанагр.²⁶ Судя по твоему письму, заключаю, что ты наконец-то получила эти доверенности, но удалось ли их привести в действие – не знаю.

Если бы не беспокойство за вас, меня не оставляющее никогда, и не печаль по разлуке с вами, я бы сказал, что очень рад избавлению от Москвы и доволен своею жизнью здесь. Работа при отсутствии необходимой литературы и приборов, конечно, не может идти достаточно успешно, но я предпочитаю менее успешную работу, лишь бы не было толчеи и дергания, от которых в Москве за последнее время не было житья.

В здешних краях, кроме москвичей, встречаю немало кавказцев или живших на Кавказе и вспоминаю с ними места, знакомые им и мне. С одним полу-грузином думаю освежить в памяти то, что я когда-то выучил из грузинского, но сейчас начисто забыл. Зато сильно опасаюсь за свой русский язык. Тут везде столько слышишь не то украинской, не то полу-украинской речи, или полу-белорусской, что неправильные обороты и нерусское произношение перестают резать ухо.

Предметом моих занятий и интересов служит действие мороза на почву и воду. Получаются при замораживании красивые ледяные кристаллы, своеобразное строение льда; наблюдать эти тонкие явления и убеждаться, что в них никто ничего не понимает, радостно. Хотелось бы показать детям и тебе все это, хотя вы и сами достаточно снабжены холодом, чтобы проделать такие же опыты. Мои старые работы в родственных направлениях пригодились; однако досадно, что нет материалов, уже наработанных, которые можно было бы доработать и привести в порядок.

Очень скучаю по тебе, моя дорогая, особенно вечером, когда работа кончается или когда я остаюсь, уже часов в 12 ночи, один в лаборатории. Мне тяжело, помимо всего прочего, думать, как тебе трудно справляться со всеми делами и людьми. Правда, я всегда был плохой помощник тебе в хозяйстве и устройстве домашних дел, но все же иногда немного отвлекал тебя от дум об них. Вот потому-то и прошу тебя стараться быть бодрее, зная, что я все-таки с тобою, и заботиться о своем здоровье.

Из положительных сторон Сковородина еще надо упомянуть баню. В Свободном, при множестве людей и недостатке воды, попасть в баню то лее, что выиграть в лотерею. Тут же баня на каждую 7-дневку, и притом уютная деревенская банька, на 2–3 человека. Припоминается с ней деревня – какое-нибудь Толпыгино или Кутловы Борки.²⁷ – Крепко целую свою дорогую.

12 марта 1934 г., Сковородино

1934.ІІІ.12. Сковородино, О.М.С. Дорогая мамочка, уже, кажется, два месяца, как я не получаю ни от кого из вас известий и беспокоюсь о твоём здоровье и о том, как вы живете. Надеюсь, что вы все-таки пишете, но перебой произошел из-за перемены моего адреса. Писал я вам неоднократно, но не знаю, дошли ли мои письма до вас. Просил сообщить адрес мальчиков, и тоже не получил ответа. Слухи ходят, что в Москве эпидемия гриппа, и потому беспокоюсь вдвойне. Мне живется здесь хорошо во всех отношениях, и одно только меня тревожит – это мысль о вас всех. Целый день я работаю в лаборатории, изредка выхожу в поле кое-что посмотреть. В дальнейшем полевые наблюдения думаю усилить, а пока к ним готовлюсь. На станции очень приятная администрация, жизнь тихая, можно внимательно работать, только книг и приборов почти нет. Много рисую в связи с опытами, пишу заметки по работе. Имеется научный кружок, где делаем доклады и обсуждаем их. В общем ощущение, как в глухой деревне или в имении, где-то бесконечно далеко от столиц. Посылал я несколько раз денег понемногу, но так и не знаю, получены ли они. Я совершенно здоров и сыт, чересчур, так что стал очень толстеть и испугался. Тут были холода, но последние дни небо покрыто облаками (чего ранее не бывало), и в связи с этим потеплело: 8° мороза, а в здешнем климате это кажется оттепелью. Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Адрес мой – на обороте. Скажи мальчикам, чтобы они порадовали меня письмом, а младшим, что я собираю для них сахар.

18 марта 1934 г., Сковородит

1934.ІІІ.18. 2 часа ночи. Сковородино, ОМС. Дорогая Аннуля, если бы вы могли чувствовать и понимать, как я люблю всех вас и как страдаю за вас, то вам было бы легче. Но я не знаю, чем помочь вам и не знаю даже, чем выразить свою любовь. Знайте только, что вы для меня дороже жизни, и я всем бы пожертвовал для вас, лишь бы вам было легко и хорошо. Но я не умею и не привык говорить об этом, и потому не находится слов, чтобы высказать свое чувство. Каждого из вас я мысленно по многу раз в день представляю себе и ласкаю, как могу, и по каждому сердцу болит по-своему. Скажи об этом детям, как умеешь. Писать им не могу, да они еще малы, все, начиная с Васюшки, и не поймут моих слов, – может быть поймут когда-нибудь потом, когда вырастут. Крепко-крепко целую каждого из вас, но не знаю, чем мог бы порадовать. Да и писать не о чем, так как живу без событий, если не считать событиями явления в кристаллах и различные новые явления при замерзании воды и грунтов. Мне тяжело, что живется спокойно и мирно, когда вы, мои дорогие,

страдаете. Я принимал за это время удары за вас, так хотел и так просил Высшую Волю. Но вот опять вам тяжело, и я не могу облегчить ваше положение. Те пустяки денежные, которые я посылаю вам, конечно, мало принесут вам пользы, но мне хочется, чтобы вы знали о моей заботе, поскольку она возможна. Беречь деньги мне негде, тратить – не на что, питаюсь я не только достаточно, но и чрезмерно, так что часть своей еды каждый день отдаю кому-нибудь. И на Лубянке было так же, я раздавал пищу. Особенно приятно мне было давать мальчишкам, которые были голодны и которые напоминали мне о моих собственных. Что касается сбережений на лето, то не стоит думать о сбережениях и урезать себя. Пожалуйста не скупитесь, деньги тратьте и по возможности не голодайте. Придет лето, и что-нибудь с денежными делами сделаете помимо того, что получаете сейчас.

Относительно книг я принял кое-какие меры, посмотрим, что из этого выйдет.²⁸ Во всяком случае, не унывайте. Скажи деткам, что как-нибудь устроятся наши дела, пусть живут бодрее и радостнее настоящим.

23–24 марта 1934 г, Сковородино

1934. III. 23–24, ночь. Дорогая Аннуля, Ольга Христофоровна Быкова, жена директора Опытной Мерзлотной Станции, Николая Ивановича, доставит тебе это письмо, если сумеет – лично.²⁹ Она и Николай Иванович проявили к нам, т.е. к Павлу Николаевичу и ко мне, много внимания и участия, все время стараются сделать нашу жизнь такою, как если бы мы были их гостями. От Ольги Христофоровны ты узнаешь обо мне, о жизни и работе. Я бы хотел, чтобы она повидала детей и поговорила с ними, особенно с мальчиками. Ее собственные дети – вроде наших и по возрасту, и по воспитанию, – немного моложе. Старший, Кирилл, болезненностью и неровностью напоминает Васю, второй, Игорь, – нашего Киру, девочка Ира – Олю, а мальчик Коля – Мика. Мне бывает приятно видеть этих детей, но и грустно, потому что особенно живо вспоминаются собственные малыши, начиная с Васюшки. К тому же Кирилл склонен к легочному заболеванию, нервный, на него жаль смотреть. Кроме расспросов обо мне, спроси у Ольги Христофоровны также об условиях жизни здесь и попроси помощи как в отношении устройства свидания, так как и в отношении книг и рукописей. Николай Иванович уже предпринял некоторые шаги, но там, в Москве, это будет сделать гораздо легче. Сам Николай Иванович – очень культурный, воспитанный и благожелательный человек, так что работать с ним не только легко, но и весьма приятно; надеюсь, будет и плодотворно. Скажи мальчишкам, чтобы они не дичились Ольги Христофоровны, тем более, что она будет у вас недолго. Покажите

ей музей,³⁰ если она попадет в Загорск.

Ольга Христофоровна предлагает мне привезти от вас посылку. Я объяснил ей, что мне надо, если она найдет удобным. Кроме того, пришли мне мои ременные пояски, гребешок (около 14 см длиной, частый и редкий – с одной стороны) и хорошо бы черную рубашку на лето, но только не шерстяную и не длинную, т.к. длинная будет высовываться из теплой куртки, и свою длинную я из-за этого не ношу. Пришлите, если есть, какие-нибудь старые акварельные краски и рисовальные перья.

Скажи деткам и маме, что я их очень, очень люблю, но не умею выразить свою любовь. И раньше и теперь я все готов был отдать для вас, но со мною вам жилось невесело и нехорошо. Хотелось бы, чтобы хоть теперь, когда я только мыслями с вами, было радостно и легче.

Но сделать ничего не могу. Все это время я страдал за вас и хотел, и просил, чтобы мне было тяжелее, лишь бы вы были избавлены от огорчений, чтобы тяжесть жизни выпала на меня взамен вас. И тем более мне плохо от того, что я ни в чем не нуждаюсь, тогда как вы нуждаетесь, и твоим уверениям я не верю, будто вы живете сносно. Если бы вы могли почувствовать, как я вас люблю, вам было бы легче. Софье Ивановне кланяюсь и желаю ей здоровья. Всех вас целую крепко. Сейчас уже утро, я просидел всю ночь за срочной работой, пишу наскоро и бессвязно. Уже светает, а вы вероятно только легли спать. Напиши мне числа всех домашних памятей (рождения, именины, кончины), у меня память ослабла, и я не все могу вспомнить, хоть и стараюсь. Бываете ли вы у Гози?³¹ Пойдите к ней за меня. За этот год я был много раз утешен мыслью об ее уходе, но не в том смысле, каком ты пишешь об А. Белом³². Кстати, то что ты пишешь о нем, – несправедливо, я знал его с лучшей стороны и память о нем остается во мне светлой и белой, хотя мы и разошлись впоследствии.

Заботься о себе и сохрани мне себя и деток, это единственное, о чем я прошу тебя. Старайся не переутомляться и лечиться. У всех свое горе и свой крест. Поэтому не ропщи на свой. За это время я видел кругом себя столько горя во всех видах и по всяким причинам, что этим собственное отвлекалось. Алексею Ивановичу кланяйся, поблагодари от меня за внимание к вам и за память обо мне. Павел Николаевич в претензии на него за разговоры о дядюшках и проч., ему весьма неприятные.

Если остался свободный экземпляр «Мнимостей в геометрии», то дай Ольге Христофоровне для ее мужа.³³

2 июля 1934 г., Сковородино

Дорогая мамочка, сообщаю тебе о благополучном приезде вчера, то

есть 1-го утром, Анны с детьми.³⁴ Доехали сравнительно легко, кажется не очень устали, понемногу устраиваются. Местностью довольны. Живут в домике на горе, среди кустарников и деревьев, почти в лесу. К сожалению попали в дождливый период, порядочная грязь на наших дорогах. Вспоминаем о тебе и о всех наших. Дети не выглядят уставшими. Кажется никаких приключений по дороге не было. Из рассказов Анны узнал, что в Москве ходят басни о всяких эпидемиях и проч. у нас, все это совершенный вздор. Тут много красивых цветов. Целую тебя, дорогая мамочка, благодарю тебя и всех за посылки и заботу обо мне и о детях.

Тороплюсь закончить письмо, чтобы оно попало к экстренному поезду. Будь здорова, пиши, кланяйся Соне тете³⁵, поцелуй Лилю и Люсю. Как здоровье Саши³⁶? Непременно сообщи мне. Еще раз целую тебя.

1934.VII.2. П. Флоренский

13 октября 1934 г., г. Кемь³⁷

1934.X.13. Кемь. Дорогая Аннуля, весьма беспокоюсь о вас, так как 2 месяца не знаю ничего, а к тому же вы были в дороге. Писать мне было нельзя, да и нечего, так как я ничего не знал определенного. 16 августа выехал в Рухлово, с 17 по 1 сентября сидел в изоляторе в Свободном, с 1 по 12 ехал со специальным конвоем на Медвежью гору, с 12 сентября по 12 октября сидел в изоляторе на Медвежьей горе, а 13 приехал в Кемь, где нахожусь сейчас. По приезде был ограблен в лагере при вооруженном нападении и сидел под тремя топорами, но как видишь, *спасся*, хотя лишился вещей и денег; впрочем часть вещей найдена. Все это время голодал и холодал. Вообще было гораздо тяжелее и хуже, чем мог себе представить, уезжая со станции Сковородинской. Должен был ехать в Соловки, что было бы неплохо, но задержан в Кеми и занимаюсь надписыванием и заполнением учетных карточек. Все складывается безнадежно тяжело, но не стоит писать. Никаких особых причин к моему переводу не было, и сейчас довольно многих переводят на север. Крепко целую вас всех, особенно мальчиков, которых я не видел. Мои вещи – белье и проч. – попроси Павла Николаевича прислать тебе, но не мне, т.к. мне невозможно с ними возиться. Живу я сейчас в колоссальном бараке и притом в огромной комнате с нацменами, так что слышу разговор на всех восточных языках. Послать телеграмму не могу, так как нет денег, хорошо продались 2 открытки. Здоров, но конечно очень отощал и ослаб. Кемь город отвратительный – сплошная грязь, серо, тускло, безрадостно, хуже не придумаешь. Рассчитывать на научную работу здесь совершенно невозможно, не только на серьезную, но даже на какую-нибудь. – постоянно вижу всех вас пред собою, несмотря на сильное ослабление

памяти и общее оупение.

Пишите мне по адресу: г. Кемь, 1-й лагпункт 9-го отделения ББК, мне. Жду вашего письма, пишите скорее. Крепко целую.

П. Флоренский

24 октября 1934 г., Кремль, быв. Троицкий собор

1934.Х.24. Дорогая Аннуля, вот история моей поездки. С 17 августа по 1 сентября в Свободном, с 1 по 12 дорога до Медвежьей горы, с 12 сент. по 12 окт. на Медвежьей горе, 12-го октября переезд до Кеми, с 12 октября по 20 октября в Кеми, с 20 по 23 на Морсплаве (б. Попова гора),³⁸ 23-го переезд по Белому морю и приезд на Соловки. По дороге морем сильно укачало, несмотря на краткость времени переезда. Сегодня, после различных проволочек, наконец, попал в Соловецкий кремль.³⁹ Не знаю, что писать тебе. Первые впечатления очень тяжелые, отчасти вероятно от дорожной усталости, качки, неопределенности и неустройства. Местность тут красивая довольно, но ее, пожали, и не увижу. Кремль сложен из огромных необтесанных валунов, так что снаружи живописен. Небо серое, воздух влажный, сравнительно теплый, особенно при северном ветре. Тут 243 пруда или, точнее, озера, но я видел один пруд. Все время думаю о вас, беспокоюсь, не зная, как вы доехали, как живете, как ваше здоровье и в особенности мамы. Письмо очень спешу писать, т.к. иначе пропущу срок и будет нельзя, надо сейчас сдать его. Имей в виду, что писать отсюда можно лишь один раз в месяц, и потому не беспокойтесь, не получая от меня писем. Адрес мой: Мурманская ж.д., ст. Кемь, почтовое отделение Попов остров, 8-е Соловецкое отделение ББК, мне. Очень жалею о работах, оставленных на БАМе: там я мог бы сделать что-нибудь полезное. А также о лазурном небе ДВК и сухом воздухе. Так обрывается всякая полезная деятельность, и все приходится начинать сначала; да и придется ли? Мне сюда вещей не присылайте, т.к. их некуда класть; денег прислать можно не более рублей 10. Но необходимо, чтобы вы написали скорее, тем более, что с прекращением навигации (вероятно в начале или половине декабря) письма доходят, весьма задерживаясь. Как живет моя Тикулька? Как Мик? Что делает Оля? Приехали ли мальчики и как они себя чувствуют? Хоть бы вы все были веселы и радостны, только этого хочу. Сейчас я не успею написать каждому, но скажи им всем, как я их люблю и как страдаю, что ничем не могу помочь им в жизни. Поцелуй от меня маму и непременно сообщи об ее здоровье. Кланяйся твоей маме, как ее здоровье? – За время переезда у меня так ослабла память, что мне трудно написать это письмо и пишу наудачу, что придется. Мои вещи выпиши от Павла Николаевича⁴⁰ – белье и прочее хозяйственное оборудование, а то

боюсь, оно пропадет. – С декабря по середину мая навигация на Соловки прекращается, сообщения нет, только почтовое, но неаккуратное. Остались ли у детей какие-либо впечатления от Сквородина и дороги? Довезли ли вы корни княженики? Сделали ли что-нибудь мальчишки за лето? Хорошо бы, чтобы Кира немного исследовал минералы, о которых я говорил тебе, может быть найдет для себя что-нибудь интересное. Как здоровье Васи? Хочется, чтобы хоть мальчишкам удалось поработать и сделать что-нибудь полезное и интересное. Играет ли Олечка? Если она увидит Игоря,⁴¹ то пусть кланяется ему от меня. – Что касается меня, то я за это время ничего не делал и почти ничего не читал, если не считать 3–4 романов – было нечего читать, да и вся обстановка не дала бы возможности заняться чем-нибудь. Впрочем, на Морсплаве мне удалось прочесть трагедию Расина, это единственное хорошее впечатление за два месяца. Больше всего думаю о тебе, моя Дорогая, боюсь, что ты унываешь, и беспокоюсь о твоём здоровье. Будь радостна и добра, заботься о наших детях. Старайся, чтобы вы питались по лучше – продавайте, что можно. Крепко целую тебя и всех вас, не забывайте своего папу.

1934.Х.24. Соловки. П. Флоренский

30 ноября 1934 г., Кремль, быв. Наместнический корпус

1934.ХI.30. Дорогая Аннуля, вчера получил твое письмо от 18-го ноября. Напрасно ты опасаясь писать часто: ты можешь писать сколько угодно, а также и дети; это мне можно писать лишь раз в месяц, да и то я надеюсь на изменение условий и на большее число писем. Итак пишите почаще, ваши письма – единственное утешение. – Посылку твою получил, а всего – три, в том числе посланную на Кемь. Деньги, 20р. и 10р., пришли, но на руки я их не получил, т.к. выдача будет производиться постепенно, частями. Отсюда ты видишь бесцельность посылки денег. Да к тому же здесь деньги не на что тратить, ведь здесь же нет магазинов, а в ларьке можно получить по карточкам, которых у меня пока нет. – Из практических дел, чтобы кончить о них: свое кожаное пальто я продал, чтобы купить себе полушубок и сапоги, взамен украденных у меня. Теперь устроилось и с тем и с другим. Вещи – постельные и белье – у меня тоже есть, казенные. Следовательно ты можешь ни о чем не беспокоиться. Для подушки я получил чехол и наволочку, могу набить их соломой, а пока набил разными мягкими вещами и такой подушкой можно удовлетвориться. Пишу так подробно об этих скучных вопросах, т.к. ты все беспокоишься, – чтобы знала обо всем. Жизнь моя сейчас значительно налаженнее, чем раньше, а первоначально была очень тяжка. Во-первых, с 15 ноября я попал на постоянную работу, в Иодпром, т.е. на производство

йода из морских водорослей. В связи с этим я переведен в другую колонну и потому в другую камеру. Теперь я живу с вполне приличными сожителями, а не с бандитами и урками, и нас немного: было шесть, стало пять. Работа моя тоже стала гораздо удовлетворительнее: все-таки при производстве, хотя и ничтожном по объему и пока требующем рационализации, но однако химическом, и чем-то вроде лаборатории и маленькими анализами. Вероятно в дальнейшем удастся поставить кое-какие исследования по водорослям. 1934.XII.3. Мастерская, в которой я работаю, стоит на берегу гавани Благополучия. Это маленькая и убогая мастерская снабжена горделивой вывескою на двери «ЛАБОРАТОРИЯ».⁴² Но хоть это и вывеска только, но все же приятно мне ее читать, входя в дверь. Но бываю я иногда и в настоящей лаборатории, небольшой, но по Соловкам – приличной. Она расположена в 2 км от Кремля, в лесу, на берегу озера (в прочем Соловки – сплошное озеро и тут все – при каком-нибудь озере).⁴³ Хожу туда снежной дорогой, в лесу полная тишина, снег глубокий, пушистый, нетронутый; разве что где-нибудь дорожка из следов горностая. Иду дорогой и думаю о вас.⁴⁴ Зимой здешний пейзаж стал похож на Сергиевский. Дорогие мои, как мне жаль вас, как хотелось бы доставить радость. Думаю: если когда-нибудь буду с вами, то теперь уж все силы отдам только вам. На своем веку я много работал, стараясь выполнить свой долг. Но все распалось, заново я уже не могу и, главное не хочу начинать свою научную работу большого размера, буду жить только для вас, считая, что ради долга я сделал все, что мог.

Солнце здесь восходит поздно и целый свой короткий день держится у горизонта. Только в 11 часов осветились сегодня строения и верхушки деревьев. Знаю, что очень красиво, но душа почти глуха к этой красоте. Вода в море и в озерах черная и черно-свинцовая, снег белый-пребелый, небо в облаках, темно-серых или черных и кое-что тронут розовым от низкого солнца. Из окна лаборатории-мастерской видно черное Белое море, ставшее черным зимой, окаймленное белыми заберегами, а во второй половине дня над ним пестрые закатные облака, и заря держится необыкновенно долго, непривычно для нас.

1934.XII.6. Чтобы не забыть: в связи с прекращением навигации письма будут задерживаться (перо не пишет), и потому не беспокойся, если от меня может не быть письма месяца полтора.

1934. XII.7. Меня беспокоят головные боли Оли. Не происходят ли они от малокровия или от нервного истощения. Во всяком случае ей следовало бы давать фитин или другой какой-нибудь препарат фосфора. Мне писал Павел Николаевич. К сожалению, я не могу ответить ему по

ограниченности числа писем. Объясни ему, что молчание мое – не от невнимания, и попроси писать мне, не дожидаясь моего ответа. – Да, я забыл написать, что мне приходится ограничить объем писем, так что не могу писать всем вам сразу. – Больно, что ник просит «вкусненького», и ты не можешь удовлетворить его, а мне посылаешь; это нехорошо. Все – в вас, в тебе и в моих детях; больше всего мне хочется, чтобы вы жили бодро и спокойно. Крепко целую тебя, моя дорогая Аннуля.

13 декабря 1934 г.,

Кремль, быв. Наместнический корпус

Дорогая Аннуля, пишу тебе несколько слов, хочу непременно завтра отправить письмо, а то может выйти большая задержка. Постараюсь вскоре написать еще. Посылки я получил, но мне больно думать, что ты из-за них лишаешь нужного детей и себя.

Пожалуйста, не присылай мне дорогих угощений. Мама пишет о плодах хурмы, которые она (или ты?) посылает, но их я не получал. Вероятно это еще какая-нибудь посылка. Жду зимовки и отчасти радуюсь, что посылки станут невозможны. Я как-нибудь ведь проживу, да к тому же мое устройство понемногу улучшается. Между прочим, тут выдали нам селедки, совсем не такие, как в Москве, вероятно Мурманские, замечательного качества – таких я никогда не видывал еще. Старайся быть бодрой и веселой, ведь я вас всех очень люблю и душой всегда с вами и живу вами. Детям не отвечаю – и некогда и негде, но скажи, что напишу в ближайшем письме. Конечно, пусть Олечка пользуется выписками по теории искусства, я рад, что они кажутся ей полезными. Скажи Мику и Тике, чтобы они нашли на карте все места, где я проезжал и где нахожусь теперь и постараются что-нибудь узнать о географии этих мест. Я нарочно стараюсь писать разные подробности о природе, чтобы они понемногу знакомились с географией, возможно наглядно и жизненно; мне хочется наполнить географические названия живым содержанием, чтобы появилось представление о том, что же такое наш Север, что такое Белое море и Другие места. М.б. от моего заключения будет хоть та польза детям, что они приобретут таким образом кое-какие сведения и впечатления о своей родине. Заботься о своем здоровье для меня и детей. Кланяйся Софье Ивановне и скажи, что я всегда вспоминаю о ней с теплотой, но не могу написать вследствие ограниченности числа писем. Крепко целую, дорогая Аннуля, будь здорова и весела. Надеюсь, с приездом Васи вам станет жить несколько легче. 1934.XII.15.

24–25 января 1935 г.,

Кремль, быв. Наместнический корпус

1935.I.24–25. №8. Дорогая Аннуля. Написал было я письмо, но заложил его куда-то и не могу найти. Поэтому спешно пишу другое, т.к. завтра (или точнее сегодня) утром последний срок январских писем. Там было также письмо Олечке, начал и детям. Пришлю потом. Собственно писать мне нечего: жизнь однообразна, работа тоже. Понемногу делаю кое-что в лаборатории, но именно кое-что, т.к. нет ни книг, ни условий для исследовательской работы. Здоров. В общем усталость, как у всех, вероятно от невозможности остаться с самим собою хотя бы на короткое время, от отсутствия углубленной работы, от быстрого, однообразно проходящего и разбитого времени. От вас давно не имею никаких сведений, беспокоюсь, как вы живете. Постоянно думаю о вас; как хотелось бы помочь вам. Мои мальчики предоставлены самим себе, а им надо было бы сейчас оказывать помощь. Наверное они меня, если не забыли, то скоро забудут; ведь жизнь идет своим чередом и несет их изо дня в день. Мне жалко тебя, мою дорогую: тебе со мной досталась тяжелая доля и никаких радостей ни в прошлом, ни в настоящем. Ты не заботишься о своем здоровье, унываешь, меня это особенно беспокоит. Но что я могу сделать со своего отрезанного от мира острова?

Верчусь я целый день, с утра до поздней ночи, но не знаю, много ли из этого проку. То аналитические испытания, то лекции, то уроки, то статьи для стенгазет, то работа по библиотеке, то бессмысленные совещания и заседания, то хождения за обедом или по другим делам. Но все какое-то здесь пустое, как будто во сне и даже не вполне уверен, что это действительно есть, а не видится как сновидение. Позавчера мне минуло 54 года.⁴⁵ Конечно, этот день не был ничем отмечен, зачем мне отмечать его без вас? Пора подводить итоги жизни. Не знаю, каков будет суд, признает ли он что-нибудь хорошее за мною, но сам скажу, что старался не делать плохого и злого, – и сознательно не делал. Просматривая свое сердце, могу сказать, что никакого нет у меня гнева и злобы, пусть каждый радуется, как может. А тебя, моя дорогая, милая Аннуля, крепко целую, кончая это письмо, т.к. уже очень поздно.

Поцелуй за меня моих деток всех. Кланяйся Мининой Кате.⁴⁶

П. Флоренский

24–25 января 1935 г.,

Кремль, быв. Наместнический корпус

Дорогой Кирилл, часто вспоминаю тебя, особенно когда поздно вечером ложусь спать. Вспоминаю с болью, что огорчал тебя, не входя в

твой возраст и требуя того, что ты не понимал. Дорогой мальчик, как бы мне хотелось – не исправить прошлое, которое уже прошло и неисправимо, – а сколько-нибудь возместить тебе его. Мне хотелось дать вам в наследство честное имя и сознание, что ваш отец всю жизнь проработал бескорыстно, не думая о последствиях своей работы для себя лично. Но именно из-за этого бескорыстия я должен был лишать вас удобств, которыми пользуются другие, удовольствий, естественных в вашем возрасте, и даже общения с вами. Теперь мне грустно, что вместо какой-либо пользы для себя в настоящем за все мое старание вы не получаете и того, что получает большинство, несмотря на жизнь их родителей ради самих себя. Моя единственная надежда на сохранение всего, что делается: каким-либо, хотя и неизвестным мне путем, надеюсь, все же вы получите компенсацию за все то, чего лишал я вас, моих дорогих. Если бы не вы, я молчал бы: самое скверное в моей судьбе – разрыв работы и фактическое уничтожение опыта всей жизни, который теперь только созрел и мог бы дать подлинные плоды, – на это я не стал бы жаловаться, если бы не вы. Если обществу не нужны плоды моей жизненной работы, то пусть и остается без них, это еще вопрос, кто больше наказан, я или общество, тем, что я не проявлю того, что мог бы проявить. Но мне жаль, что я вам не могу передать своего опыта, и, главное, не могу вас приласкать, как хотелось бы и как мысленно всегда ласкаю. – В январе я писал тебе, но не знаю, дошло ли мое письмо. О том, как я живу, узнаешь из письма к бабушке. Крепко целую тебя, дорогой. Надо кончать письмо, очень поздно и я валюсь от усталости.

22 января 1935 г.,

Кремль, быв. Наместнический корпус

1935.І.22. Соловки №8 а. – Ред. Дорогая Аннуля, несмотря на ожидание, до сих пор не получил от тебя письма; впрочем еще не теряю надежды, т.к. первые аэропланы привезли, говорят, много почты и с раздачей ее вероятно здесь не справляются в короткий срок. Но давно уже не знаю, что делается у вас. В настоящее время я живу в большой комнате, со всеми рабочими и служащими Йодпрома. Комната устроена нарядно, но при таком скоплении людей заниматься невозможно. Работаю по-прежнему над добычей йода, размышляю и понемногу готовлюсь к постановке работы по использованию водорослей. Не знаю, состоится ли эта работа, но, если бы и состоялась, она не заменит исследования мерзлоты и льдов, начатого на БАМе. 1935.ІІ.4. Получил сегодня твое письмо и отвечаю на вопросы. Посылок я получал много, но не знаю сколько – уже забыл. Открытки Алексея Ивановича получаю, вероятно,

аккуратно, т.к. получил их много. – Не беспокойся, что Мик делает ошибки, это пройдет; но при случае отмечай ему, что написал он неправильно и почему. Его грубиянство тоже пройдет, я в Мике уверен, поэтому потерпи, не раздражайся и не огорчайся. Старайся приучать их играть по больше, пусть играют в 2, в 3, в 4 руки, пусть фантазирует, пусть прислушивается к чужой игре, все это разовьет его и вызовет интерес. При случае кланяйся Василию Ивановичу⁴⁷ и вырази мое сожаление о кончине Екатерины Ивановны.⁴⁸ Никаких посылок мне пока не присылай, у меня еще хранятся запасы присланного и их негде хранить. Брюк мне тоже не надо, есть. Одеядло есть; вообще все нужное, кроме вас, у меня есть, и пожалуйста (нрзб.) обо мне. Очень жалею о болезни мамы, кланяйся ей от меня, пожелай скорого и полного выздоровления. Я был бы очень рад, если бы ты, хоть изредка, бывала в театре на пьесах, которые тебе интересны. Дети пишут с ошибками от рассеянности, которая происходит вследствие напора мыслей. Но это естественное явление возраста и роста и беспокоиться о нем нечего. – Вещей Баха, которые слушали мальчики на концерте, я не знаю, но, думаю, они должны быть величественны, как все у Баха.⁴⁹ – На Олино письмо уже не отвечаю, негде. Надо Олю беречь, она находится в таком возрасте, когда бывают особенно чувствительны ко всяким толчкам жизни, поэтому старайся не сердиться на нее, когда она делает что не так, как надо. – Все время думаю о вас, моя дорогая Аннуля, и живу вашими письмами. Но писать о себе мне нечего. Мелочи сообщаю детям, более важного ничего нет, живу изо дня в день, с утра до ночи и часть ночи в какой-нибудь работе. Ложусь не ранее 2 часов, днем сплю иногда, но не каждый день. – Тут хорошая баня и бывает часто. Меня беспокоит, что мальчики наверно бывают в бане редко; это во всех отношениях не хорошо и надо устроиться им с этим делом, особенно Васюшке. – Ты пишешь о пушистых деревьях в саду. Тут тоже они покрыты белым пухом, хотя и нет московских морозов. Все время тепло, трудно поверить, что находишься под 67° широты. – Письма приходится писать так отрывочно, что они вероятно лишены смысла. Но писать иначе сейчас невозможно, перечитывать написанное – тоже нет времени, а главное – охоты, т.к. самому противна такая бессвязность. Крепко целую тебя, моя дорогая Аннуля. Будь здорова, старайся не переутомлять себя, распределяй работу между всеми.

Поблагодари Алексея Ивановича за память обо мне. – Сегодня мне сделали замки на чемодане, а несколько дней тому назад починили его – после Кеми он был совершенно разбит.

22 февраля 1935 г., быв. Филиппова пустыне

1935. II.22. Соловки. №9. Дорогая Аннуля. Вот уже 6-й день, как я живу на новом месте⁵⁰. Все было бы хорошо, если бы я тут не захворал, правда не сильно, гриппом, так что сейчас раскис и временами непреодолимо засыпаю. Впрочем я уже значительно поправился. Работаю над разными вопросами химии, отдельными подготовительными участками общей работы по водорослям, а также доделываю некоторые работы для мастерской Иодпрома. Здесь опять совсем тепло, вчера было даже нечто вроде дождя. Часто метет метелица. Как-то на днях я открыл наружную дверь на стук, и пришедший не вошел, а спрыгнул в прихожую: столько намело снега снаружи. Что-то давно не получал от вас писем. Кстати, я прошу тебя, сообщать № моего письма, полученного тобою, т.к. я совсем не знаю, все ли письма мои доходят. II.24. Опишу тебе место, где я живу теперь. Оно находится в 2 км от Кремля, в лесу, на берегу озера. Лаборатория стоит на холме и летом, вероятно, отсюда открывается хороший вид. Сейчас все занесено снегом. Кроме лаборатории имеется еще одно строение. В лабораторном помещении 6 комнат. 3 под лаборатории, 2 жилые, а 1 – кухня и зверинец одновременно, звери живут также в биологической лаборатории и на чердаке – кролики. Весь дом – каменный, еще монашеской стройки; вероятно, здесь было что-нибудь вроде дачи. Все место называется Филипповским скитом, т.е. называлось, а теперь зовется Биосадом.⁵¹ В XVI в. здесь жил Филипп Кольчев, впоследствии митрополит Московский⁵², которого удушил Малюта Скуратов. Находясь на Соловках, Филипп проявил большую энергию и хозяйственность: соорудил систему каналов между бесчисленными здешними озерами, механизировал разные предприятия – мельницы, возку, подъем тяжестей, вообще занимался строительной и инженерной деятельностью. Недалеко от лаборатории сохраняется избушка, в которой жил Филипп, и даже древняя уборная. Была здесь также и церковь, но она сгорела дотла. Как помнишь, день моего рождения, 9 января, попал на ряд революционных событий: смерть Ленина, история с рабочими, убийство митр. Филиппа⁵³. Т.о. я попал, можно сказать, в свое место – начало деятельности этого последнего.⁵⁴ Здесь я усердно работаю, и хотя для работы правильной очень много не хватает, а главное – литературы, но все же надеюсь кое-что сделать. Сейчас сижу за анализами, налаживаю методику анализов или неизвестных, или мне неизвестных из-за отсутствия справочников. Все это подготовка к работе по использованию водорослей. В отношении питания теперь я обставлен гораздо лучше прежнего и вполне сыт, так что пожалуйста не беспокойся обо мне. Все время думаю о вас, как вы живете и как справляетесь с трудностями. Как

хотелось бы помочь тебе, моей дорогой, но ничего не могу сделать отсюда. Кланяюсь маме; надеюсь, она теперь несколько поправилась.

Каждый раз дотягиваю письмо до последнего срока, все не могу кончить. Вот сейчас, надо идти на лекции по математике и сдать письмо, сегодня последний срок. А письма я не окончил и второпях даже не знаю, о чем писать. Хотелось бы написать тебе что-нибудь такое, что тебя утешило бы и взбодрило, но не умею, моя милая, я этого. Моя же жизнь проходит в работе и хлопотах по работе, так что я ничего, кроме лаборатории, не вижу. Беспокоюсь⁵⁵ о тебе, о детях, о маме. Но что сказать вам, кроме того, что вас люблю, о вас думаю, для вас живу. Крепко целую тебя, моя хорошая.

6–7 апреля 1935 г., быв. Филиппова пустынь

1935.IV.6–7. Соловки. №15. Дорогая мамочка, только что вернулся с заседания, на котором наша «водорослевая бригада» делала отчетный доклад по работе за истекший месяц. За чаем сообразил о наступающем, точнее уже наступившем, т.к. сейчас 2-й час ночи, дне твоего рождения⁵⁶. Поздравляю тебя, хотя и с опозданием. Давно думал об этом дне, но мне казалось, что он еще далек, и наступил неожиданно. Время за работой идет так быстро, что неделя мелькает за неделей и, когда наступает выходной день, кажется, будто прошлый выходной был только вчера.⁵⁷ Все дни похожи один на другой и различаются лишь содержанием проделанной работы да получением писем от вас. IV. 12. Не дописывал это письмо, т.к. не было списка с разрешением на дополнительные письма, а с другой стороны, все ждал известий от вас. Но теперь список уже объявлен, а ждать с письмом не приходится, т.к. при задержке оно может совсем застрять. Беспокоюсь о том, как ты живешь и как твое здоровье. Сегодня мы угорели, болит голова, и я вспоминаю детство – у меня всегда болела голова, когда мы жили в Батуме, и я не знал, что делать от головной боли. Потом это совсем прошло и я вообще не знал, что такое головная боль, кроме случаев угара. При случае спроси у Оли страницу, написанную мною на БАМе с описанием Батума – там изображены мои детские впечатления, навсегда закрепившиеся в памяти. Ни одно место не оставило во мне столько теплых воспоминаний, как Батум, старый Батум 80-х годов, когда он был еще неустроенным и жалким. Теперешний Батум, под Ниццу, уже потерял свой аромат и своеобразие, да и море далеко ушло от бульвара. Хорошо помню, как старик Ахмед переносил меня через речку, как собирал я ягоды салсапарели. Ясно помню, до полной отчетливости, как папа насаждал сад в Аджарисхали при инженерной сторожке. Помню ковры фиалок и цикламенов, которые я собирал до изнеможения. Помню

запах папортников, мне всегда очень нравившийся. Помню громадные букеты азалий и рододендронов, которые мы вставляли вместо фонарей в фонарные гнезда фаэтона. Помню болотные незабудки, которые брались с корнями, а потом раскладывались дома на блюдах с водою. Лет 6 тому назад я был в Аджарисхали и почти не узнал его. Это обстроенный поселок, в котором очень мало поэзии. От сторожки остались одни развалины. Сад заглох и попросту не существует. Мальчики, кажется, не получили от Аджарисхали никакого впечатления, а Васюшку я едва уговорил сняться на приступках сторожки, бывшей когда-то предметом моих мечтаний⁵⁸. Все проходит, но все остается. Это мое самое заветное ощущение, что ничего не уходит совсем, ничего не пропадает, а где-то и как-то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и перестаем воспринимать ее. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды. Вот поэтому-то, хоть и жаль прошлого, но есть живое ощущение его вечности. С ним не навеки распрощался, а лишь временно. Мне кажется, все люди, каких бы они ни были убеждений, на самом деле, в глубине души, ощущают также. Без этого жизнь стала бы бессмысленной и пустой. – Тифлис совсем не оставил во мне радостных впечатлений. После батумской природы он казался мне безжизненным, жара меня угнетала и обессиливала. Когда я, несколько лет тому назад, снова попал в Тифлис, и притом в самое пекло, я был крайне удивлен, насколько он приятнее того, что я думал о нем в детстве, а картины природы, например к Черепашьему озеру, показались величественными и очень живописными. Мы ходили тогда на Черепашье озеро с Георгием.⁵⁹ Кстати, напиши, как живет Лиля со всем потомством и что делает Георгий. Ботанический сад, правда совсем переустроенный, увеличенный и разросшийся, стал очень интересным и живописным. Но, пожалуй, особенно живо вспоминается мне наша квартира на склоне Давидовской горы. Ясно вижу столбы деревянные, источенные червями, вспоминается точильщик ножей, меня очень напугавший, вспоминается, как прививали оспу Люсе и мне, как тете Соне делали операцию ноги и выносили таз с окровавленной водою. Впрочем, оспу прививали тогда, очевидно, весьма основательно, т.к. следы прививки до сих пор сохраняются у меня на левой руке. Помню и то, как родилась Люся и как папа показывал ее мне в первый раз. Гимназия, в целом, не оставила во мне никаких радостных воспоминаний, она мне казалась чистою потерей драгоценного времени, элементарною и скучною, хотя конечно я многим ей обязан. Но, оглядываясь назад, скажу, что не хотел бы снова пережить ее: единственное содержание за это время было, когда я оставался сам с собою, в природе или за физическими

приборами. Целую тебя крепко, моя дорогая мамочка, береги себя и будь здорова.

12 апреля 1935 г., быв. Филиппова пустынь

Дорогая Аннуля, давно не получаю от тебя известий. Вероятно на ближайших днях сообщение прекратится и неизвестно, когда восстановится. Очень беспокоюсь, вижу тяжелые сны, которые еще больше настраивают на грустное состояние. Весна идет тут толчками, сегодня например снова пошел снег, но в общем на дворе тепло, недалеко от таяния снега. Иногда выпадают и дожди. Мне говорили, что в Кремль начали прилетать чайки, пока их прилетело, дня 2–3 тому назад, 15. Я сижу почти сплошь в лаборатории, лишь раз в 7-ми дневку хожу на лекции. Сейчас дороги стали неважные, т.к. снег рыхлый и сырой. Если бы было суше, то ходил бы дышать на воздух, а при такой сырости, в соединении с обилием работы, не хочется. Кроме текущей работы⁶⁰ по водорослям и по йоду приходится готовить материал к выставке, на 1-е мая. Сочиняю диаграммы плакатного характера, стараюсь насытить их возможно большим содержанием, но сохранить при этом их удобочитаемость и художественную композицию. Рисует эти диаграммы один художник, а я, сочинив диаграмму, стою над его душой и указываю, как и куда что поместить. Так вычертили диаграмму круговорота йода. Теперь рисуется диаграмма круговоротов азота, главным образом с точки зрения агрономической. Тут изображены разные виды почвенных разрезов, в связи с содержанием в этих почвах азота, растения – в соответствии с количеством азота, поглощаемым ими из почвы, бактерии, участвующие в связывании атмосферного азота и в той или другой переработке азотных соединений в другие виды (обращение атмосферного азота в аммиак, разложение белков до аммиака, окисление аммиака в азотистую, а затем в азотную кислоту, разложение азотной кислоты до свободного азота). Затем изображены виды азотных удобрений, получаемых от различных естественных процессов (навоз, компосты, селитра и т.д.) и искусственно – химическим синтезом. Далее составил диаграмму использования местного сфагнового торфа, пускаю в ход свои прежние работы по гальваническим элементам, пластическими массам, синтетическим смолам, воскам и т.д. На днях будем изображать все это на большой таблице. Далее предстоит такая же диаграмма по использованию водорослей. Но, несмотря на постоянную занятость, не оставляет тревожная мысль о вас, моих дорогих, и даже работа не отвлекает от нее. С водорослями дело, как будто, налаживается неплохо. Сегодня делал подсчеты, в первом приближении, сколько места и энергии надо для

добычи йода, оказывается, что результаты подсчета вполне приемлемы. – Кажется, писал тебе, но напишу еще раз относительно Тикульки. Постарайся успокоить ее насчет ее учения. Во-первых, она несомненно делает большие успехи в письме, что видно из ее писем. Во-вторых, я не сомневаюсь, она выровняется в свое время. А в-третьих, и это главное, постарайся, чтобы ее детство было хоть сколько-нибудь радостным и ясным. Понимаю, что это сделать очень трудно тебе, но все-таки постарайся, пусть у нее останется, чем вспомнить детские годы. Рассказывай ей, что придется. Это даст ей и развитие и интерес. Радость жизни дают не большие дела, т.е. кажущиеся большими большим, а удачно найденные пустяки – бумажка часто радует более драгоценностей и неудобство, но поэтичное, приятнее больших удобств. Пусть же девочка пользуется, чем можно, если только можно. Скажи ей, что папа очень любит ее, и все время думает о ней, и что ему очень тяжело видеть свое бессилие и неспособность дать ей маленькую радость. 1935.IV.13. Надеюсь, что сегодня, после выходного дня, получу от тебя письмо, но мне ничего не принесли. Сегодня, как и вчера, утром шел снег. Сейчас сижу с художником – даю ему указания, как расцвечивать диаграммы, и вспоминаю Анну Семеновну Голубкину.⁶¹ Скольких уж на своем веку я потерял – родных, близких, знакомых. Мне жаль, и было и есть, что дети мало восприняли крупных людей, с которыми я был связан, и не научились от них тому, что обогатило бы лучше книг. Вот почему я писал, чтобы Вася и Кира постарались научиться чему-нибудь от Владимира Ивановича,⁶² т.к. такой опыт в жизни едва ли повторится. Но нужно уметь брать от людей то, что в них есть и что они могут дать, и уметь не требовать от них того, чего в них нет и чего дать они не могут. Боюсь, что дети часто подходят к людям как раз наоборот и поэтому получают мало, или ничего не остается от общения. Это особенно у Васюшки. При случае постарайся узнать, напечатан ли перевод книги об изоляционных материалах, который я в свое время редактировал. Писем от Павла Николаевича я не получал, хотя и писал ему как-то, уже давно. Если будет возможность, узнай, как он живет и как работает. Очень хочется мне узнать о вас, жду каждый день известий, хотя и сознаю, что они мало имеют цены, так как приходят с опозданием. Скажи Оле, Мике и Тике, что напишу им в следующий раз. Но я не знаю даже, интересно ли то, что я пишу им, действительно же интересного писать не приходится. Все ли в письмах разбираешь? Только вы, мои дорогие, представляетесь мне близкими отсюда, а все остается бесконечно далеким и, признаться, совсем умершим, каким-то почти ненужным. В частности, о ВЭИ я

вспоминаю так смутно, словно видел его во сне, и притом вовсе не весело. Замечательно, что даже фамилии большинства сотрудников, ловлю себя на этом, никак не могу припомнить, а о многих и просто не помню, что они существовали. Крепко целую тебя, дорогая, и всех вас, кланяюсь бабушке и всем. Пишите, если есть малейшая возможность. Еще раз целую тебя. Поцелуй Тику, Мика и Олю. Уходят, надо сдавать письма, да и места уже нет.

22–23 апреля 1935 г., быв. Филиппова пустынь

Дорогая Олечка, последнее время я был в очень тревожном состоянии; думаю, это объясняется твоею болезнью, о которой, впрочем, не сообщалось мне вами. Вот видишь, дорогая, предупреждал я тебя против ночных сидений, а эта болезнь, несомненно, последствие их. Смотри же, береги себя впредь и не переутомляйся, а главное, непременно бывай на воздухе. Ты спрашиваешь о «Разговорах Гете с Эккерманом».⁶³ Конечно, я знаю эту книгу и не только читал ее, но и изучал в свое время, впрочем давно, кажется в 1900-м или в 1901 году, когда тебя не было на свете. Она очень содержательна и важна еще потому, что просмотрена самим Гете.⁶⁴ О Гете есть еще интересная книга – Метнера,⁶⁵ а также Лихтенбергера.⁶⁶ У Лихтенбергера дан перевод естественнонаучных и натурфилософских сочинений Гете, и в этом отношении она интересна, т.к. других переводов пока не выходило (если только не вышла книга о цвете, давно обещанная одним из издательств). – Меня давно интересуют вопросы генеалогические, и в частности о родственных связях писателей, как наглядном доказательстве наследственности и подбора. Я собирал материалы в этом направлении. А сейчас в «Правде» от 5 апр. 1935 г. № 94 (6340), стр. 4, попались данные о родстве Пушкиных с Гоголями и о связи их с Быковыми. Думаю, тебе интересно будет посмотреть на сделанную, на основании этой заметки генеалогическую схему....

По поводу этой схемы мне вспоминается: когда Васюшка был совсем маленький, он приходил смотреть, как я чертил подобные же, смотрит, смотрит, а потом заявит: «Ты, папа, неправильно пишешь». – Почему? – «Потому что изображаешь девочек квадратиками, а мальчиков кружочками, а надо наоборот, потому что девочки нежные, и их надо изображать кружочками». – Советую тебе собирать генеалогические сведения; когда прочтешь где-нибудь или услышишь, то записывай отрывочные сведения. Лучше всего записывать на лоскутках, но чернилами, а не карандашом, и складывать их сперва по алфавиту. А более связные сведения следует сразу же переводить в схемы и потом постепенно достраивать эти схемы и дополнять подробностями. Это очень

обогащает понимание жизни, а кроме того постепенно накапливается материал весьма ценный, который всегда пригодится. На всякий случай сообщаю тебе, т.к. не уверен в сохранении моих записей, что моего отца звали Александр Иванович, деда – Иван Андреевич, прадеда – Андрей Матвеевич, прапрадеда – Матвей Иванович.⁶⁷ Жену деда, мою бабушку, звали Анфиса Уаровна Соловьева, а вторую жену его – Елизавета Владимировна Ушакова, у нее была сестра Александра Владимировна, замужем за Готлибом Федоровичем Пекоком.⁶⁸ Александра Владимировна хорошо относилась к моему отцу и его сестрам – Екатерине и Юлии. Дочь Александры Владимировны – Александра Готлибовна Пекок была известная певица, выступавшая в Милане под театральным псевдонимом Алина Марини.⁶⁹ У моего отца был сводный брат Владимир Иванович и сестры Зинаида, Варвара, Людмила и сейчас не могу вспомнить имени четвертой (у меня очень ослабла память).⁷⁰ Деда со стороны матери звали Павел Герасимович, а бабушку – София и опять сейчас не могу вспомнить далее⁷¹. Все они умерли до моего рождения, и ни бабушек, ни дедушек я в жизни никогда не видел, только мечтал о них в детстве. Суррогатом бабушки была для нас Александра Владимировна, но и ее я увидел, лишь поступив в Университет; но она вскоре же умерла, к моему огорчению. Зато были у меня тетки, Юлия – со стороны отца, которая меня воспитывала⁷², и мамыны сестры – Елизавета, Варвара, Репсимия и София; из них осталась в живых только последняя. Был еще дядя – Аршак,⁷³ но в отличие от теток, которых я очень любил, всех, а особенно тетю Юлю, как я называл ее, он был для меня совсем чужим человеком и я видел его очень немного. Дети тети Лизы умерли, они были близки мне, особенно Маргарита⁷⁴, хотя и гораздо старше меня. Дети тети Вари куда-то исчезли. У Ремсо тети детей не было. Детей тети Сони ты знаешь.⁷⁵ Тетя Юля не была замужем. Детей дяди Аршака я знал в детстве. Но потом они все исчезли из моего поля зрения, осталась одна Тамара⁷⁶, дочь «Аршак-дяди». Ее сестра Нина обладала замечательным голосом, но умерла вскоре после окончания консерватории (или филармонии скорее). У нее был красивый серебристый тембр, очень редкий⁷⁷. Дочери Сони тети умерли. Умерли и мои сестры Валя (Оля)⁷⁸ и Гося (Раиса). Наши фамилии в XVIII в. писались Флоринские и только в XIX в., неправильно, стали писаться Флоренские, а еще раньше ее писали Флиоринские, так что некоторые ветви стали писаться Флёринские. Крепко целую тебя, дорогая Оля, поправляйся скорее, слушайся советов. Кланяйся своим товарищам. Еще раз целую тебя.

27–28 апреля 1935 г, быв. Филиппова пустынь

Дорогая Оля, недавно писал я тебе, а теперь хочу продолжить рассказ о наследственности в нашей семье. Очень важно знать, от кого что получил и что именно вообще получил. У каждой наследственной линии есть свое качество или свои качества. Прежде всего, по восходящей мужской линии, т.е. по линии Флоренских-Флоринских. Этот род отличался всегда инициативностью в области научной и научно-организаторской деятельности. Флоринские всегда выступали новаторами, начинателями целых течений и направлений – открывали новые области для изучения и просвещения, создавали новые точки зрения, новые подходы к предметам. Интересы Флоринских были разносторонние – история, археология, естествознание, литература. Но всегда это было познание в тех или иных водах и организация исследования. Мне неизвестно ни одного Флоринского с выраженными художественными способностями ни в какой-бы то ни было области искусства. С другой стороны, у Флоринских было стремление к самовоспитанию, к духовной тренировке себя. По женской линии отмечу, прежде всего, Ивановых, род моей прабабушки. Этот род отличался талантливостью и блеском; от него, по-видимому, идет склонность к живописи. По характеру этот род был, сколько я знаю, очень неупорядоченным, в противоположность Флоринским, размашистым, нехозяйственным, богемным. Из него, между прочим, происходит известный передвижник – художник Иванов⁷⁹. Прабабушку мою звали Екатерина Афанасьевна. Она была замужем за Уаром Ефимовичем Соловьевым, врачом. Род Соловьевых, сколько мне известно, был весьма талантлив и блестящ. В записках Погодина рассказывается о блестящем ответе на университетском экзамене в Московском университете двух студентов, из ряду выходящих – Ивана Сергеевича Тугенева и Конкордия Уаровича Соловьева. Все три брата моей бабушки, Анфисы Уаровны Соловьевой⁸⁰, блистали в юности, но прожигали свою жизнь и ничего путного не сделали. Семья Соловьевых была музыкальна, бабушка хорошо играла, но еще более сильной музыкантшей были ее близкие родственники – Елизавета (вторая жена моего деда) и Александра Владимировна Ушакова, всецело поглощенные музыкой. Другом дома был известный романист Гурилев,⁸¹ который все свои произведения пропускал через критику дома Ушаковых и затем Флоренских. Со стороны рода моей матери, а твоей бабушки, наследственность выражается в ярком ощущении материи и конкретного мира. Красота материи и ее положительность – вот что унаследовали мы от рода моей матери. И еще, мне кажется, связанное с первым, – это музыкальность и склонность к живописи, точнее сказать не к живописи, а

к цвету, к колориту. V.2. Еще о Флоринских-Флоренских. Все они (т.е. вообще говоря) были инициативны, изобретательны, предприимчивы, открывали, малые или большие, но новые области для мысли. Но, замечательная судьба: никогда никто из них не снимал жатвы с засеянных им полей и либо уходил из жизни, либо дело отходило от него, а пользовались жатвою другие, или же вообще никто не пользовался, и она гнила, по крайней мере, для своего времени. Как пример: попечитель Казанского учебного округа проф. Флоринский, автор «Домашней медицины»⁸² сейчас признается родоначальником евгеники, но только сейчас, т.е. лет через 70. (Для других примеров нет места.) А в нашем роде все поколения мечтали об одном: хотя бы под старость зажить тихо, занимаясь маленьким садиком, – и никому это не удавалось. (Мне почему-то припомнилось, как брат мой Шура в детстве все время насаждал растения, а чуть они начнут прорасти и укореняться, он их вытаскивал и приносил с радостью показывать: «Вот, проросло, принялось!») Дорогая Олечка, я пишу тебе совершенно серьезно и требую, чтобы ты была благоразумна и заботилась о своем здоровье, все же прочее – второй очереди. Ты должна верить опыту жизни не только моему, но и целого рода, родов, т.к. именно неблагоразумие в этом отношении было уже не раз причиной гибели и глубокой раны в сердцах близких. В твоём возрасте бравоирование неблагоразумием кажется возвышенным. Но оно не возвышенно, а просто объясняется незнанием природы и неумением рассчитывать, что более и что менее важно. V.13. Получил письма и вижу, как справедливы мои опасения. Старайся кушать, что есть; заправляй чем-нибудь, украшай какой-нибудь зеленью. Это ничего, что ты не занимаешься, лишь бы была здорова. Крепко целую свою дорогую-дорогую дочку. Пусть она будет спокойна, бодра и весела и живет в расчете на будущее. Портрет, мною присылаемый, я испортил некрасивым лаком.⁸³ Его можно удалить, выдержав портрет в спирте. Но если цвет портрета не очень вам не нравится, так лучше уж не трогайте лака.

27 мая 1935 г., быв. Филиппова пустошь

1935.V.27. Соловки. № 20. Дорогая Аннуля, на днях отправил вам письмо. Начинаю новое. От вас нет известий, очень беспокоюсь. Тут сразу стала весенняя обстановка. Сегодня озера здешние оказались без льда, хотя еще вчера был лед – черный и черно-темно-зеленый. Снега остались лишь небольшие пятна в лесу. Канальцы – сообщения между озерами полны водою – темно-коричневой от торфа. Кукуют со вчерашнего дня кукушки. Сегодня видел первую лягушку. Муравьи копошатся и строятся – каждый несет что-нибудь, кто веточку, кто щепочку, кто травинку или хвою.

Появляется трава, сегодня съел несколько листочков снитки. Около лаборатории расцвело несколько маргариток. Дорожки почти внезапно просохли – тут ведь либо торф, либо песок, а дорожки устроены недурно. Круглые сутки светло, и не можешь решить, что, уже светло или еще светло. Если не ошибаюсь, в 10 ¹/₂ часов или позже видел еще закатный диск солнца. Но все думаю о вас, моих дорогих. V.30. Стоит погода самая неустойчивая. Вчера целый день валил снег, было холодно; сегодня – тоже снег утром. Временами светит солнце, а потом снова небо нахмурится. С утра до ночи (которой нет) и с ночи (которой нет) до утра кукует кукушка, у самой лаборатории. Лежат груды еще нерастаявшего снега. Сейчас, накануне выходного дня (впрочем, теперь выходные – ударники) сидел на нашем озе⁸⁴ у беседки. Солнце еще высоко, хотя без четверти десять. Холодно. Не умолкает кукушка. Все думаю о вас, моих дорогих, и чем больше – тем грустнее. VI. 1. Дни серые, и ночи тоже, днем сумеречно, ночью не темнее. Вот вчера в 11 ч. ночи еще скользило между темных облаков, в щели, закатное солнце. Здесь ведь оно не ложится, падая вниз, а движется почти горизонтально. А сейчас, 7 ч. утра, сумрачно, падает обильный снег, холодно.

Вечером. Целый день валил снег, очень холодно, метелица. К вечеру все оказалось заваленным снегом, трава, дома под снежным покровом, из всех щелей выбиваются холодные струи и снег: норд-ост. А между тем, вот 3-й час ночи, на дворе светло и сразу видно, что не зима. Как будто мы у южного полюса, а не у северного: ведь на крайнем юге как раз теперь зима, а у нас сущий декабрь. Вьюга такая, что трудно выйти за дверь. VI.2. Сегодня опять все то же – вьюга, метель, снег; пейзаж совершенно зимний. Лишь под вечер снег перестал выпадать и на дороге слегка подтаял, так что сделалась грязь. Только что вернулся из Кремля, ходил получать твою посылку – папиросы. Как раз у меня не было никаких ни папиросных, ни махорочных запасов⁸⁵. Но когда вернулся, опять пошел снег. – Вот я все пишу вам про погоду, хотя думается только о вас, но этого не напишешь. Вспоминаю малейшие подробности прошлого, о каждом из вас отдельно. О том, как я ждал Васюшку, года за 3 до его рождения, как чувствовал, что он где-то есть уже, хотя я и сам не знал, где и как. Когда он только что родился, то посмотрел на меня и было ясно, что он узнал меня. Но это было только несколько мгновений, а потом сознательность взгляда исчезла. Припоминаются все его первые движения и проказы. Помнишь, как он спустил в щель пола коробку визитных карточек, карточку за карточкой, как старался над этим и торжествовал, что удалось! Припоминаю, как почувствовал Кирилла, в поезде, когда я ехал домой и

разговаривал с одним молодым рязанцем. Тебя я почувствовал летом 1905 года, когда возвращался из Тифлиса и, попав не на свой поезд, заехал в сторону, так что пришлось высадиться на маленькой станции и прождать целый день своего поезда в полях и на лугах. Это было 15-го августа. Олечку почувствовал, как пришедшую, как идущую взамен Вали,⁸⁶ Мика – как идущего взамен Миши,⁸⁷ а Тикульку – как саму по себе, как мое утешение. Помнишь, как Кирилл любил кошек и наряжал их и плакал, что у него нет хвоста. Тут живет крупный кот, и я, как посмотрю на него, вспоминаю страсть Киры. Помнишь, как Оля обиделась на меня за янтарь и сказала тынтарь. Помнишь, как Кирилл возился с Олей и все твердил, что это его собственная сестра. Мик особенно припоминается, м.б. потому, что пишу для него. Впрочем, пишу, всех имея в виду, и сливаются черты и образы всех, начиная с меня самого в детстве: тут и Вася, и Кира, и Мик. – Помню, раз водил вечером гулять Васю. Идем вдоль забора к Вифании⁸⁸ и вдруг меня пронзило ощущение, что я – не я, а мой отец, а Вася – это я, и что повторяется, как папа меня водил. Всех вас чувствую в себе, как часть себя, и не могу смотреть на вас со стороны. Помнишь, как был пожар в Лавре, Васюшка заволновался и сказал, что перестанет собирать марки (его тогдашняя страсть), если пожар прекратится. Ему наверно тогда было менее 7 лет. Дорогая Аннуля, прошлое не прошло, а сохраняется и пребывает вечно, но мы его забываем и отходим от него, а потом, при обстоятельствах, оно снова открывается, как вечное настоящее. Как один поэт XVII века написал:

Die Rose, den dein auber Auge Sieht

Sie ist von Ewigkeit in Gott gebliiht

– Роза, которую видит твой внешний глаз, она от вечности процвела в Боге.⁸⁹ VI.4–5. Крепко целую тебя, Моя дорогая. Сегодня, наконец, светит солнце.

21 июля 1935 г., быв. Филиппова пустынь

1935.VI.21. Соловки. №22. Дорогая Аннуля, 18-го получил твое письмо №17 от 7.VI (а также от мамы), а 19-го №18 от VI.10. Надеюсь, Васюшка уже вернулся из поездки и поживет с вами, так что тебе будет веселее. Но прежде всего пишу о делах. Послать тебе доверенности письмом нельзя. Но завтра высылаю их тебе чрез учреждение, так что тебя, очевидно, вызовут для их получения. Доверенности эти можешь передоверить кому-нибудь, кому получить по ним проще, чем тебе. Писать доверенности на имя Бориса Васильевича⁹⁰ я не мог, т.к. не знаю его адреса, да и не хотел его беспокоить получением их. – За несколько дней, прошедших между прошлым письмом и этим, вся местность вокруг

нас изменилась неузнаваемо, в связи с наступившими теплыми днями. При круглосуточном свете рост идет здесь у растений с неопишуемой быстротой, буквально часами. Сейчас все одето пышной зеленью, нежной и богатой, все в цвету. Бесконечные сплошные заросли черники и голубики покрывают здесь почти все пространство в лесах и вдоль дорог; к тому же в этом году цветение необыкновенно сильное. Много морошки, тоже в цвету. Цветы ее белые, крупные, вроде клубничных, а листья несколько напоминающие листья мальвы. Вылупились бесчисленные майники, как у нас (двулистные), но еще не зацвели. Около наглей лаборатории посажены две черемухи, они в цвету сейчас. На дворе и в бывшем саду, поросшем травой, вокруг сгоревшего храма, множество незабудок и маргариток. Встречаются болотные лютики. Есть интересные лишай, папоротники, плаун. Два растения без определителя я не мог определить, они новые для меня, но оба, очевидно, из вересковых. Встречаются багульник, собирающийся расцвести. В промежутках между занятиями, минут на 5–10, я по несколько раз хожу по озу или на озеро, то и другое очень живописны. Мои сожители купаются в озере,⁹¹ но я не решаюсь, так как берега топкие и затянуты сапропелем, а с «пристани» – глубоко, говорят, 10 и более метров. Вода в озере чистая, но красного тона. Умом я понимаю, что тут очень красиво и что наша местность лучше хорошей дачи.⁹² Но сердце все же не лежит к ней. Иногда хожу пройтись в 2 или 3 часа ночи; это ничем не отличается от дня, только несколько свежее. Но и днем здесь тепло, только тепло на солнце, а не жарко. Воздух очень мягкий и весьма чистый, курортный. Местность неровная – вся изрезана озами, высотой до 20–30 метров, пожалуй. Всюду большие и малые валуны – «окаменелые волки», как гласит древнее карельское предание. И всюду, куда ни пойдешь, осаждают рои комаров, в лесу, на озере, по дорогам и во дворе; залетают и в комнаты. Чуть было не забыл сообщить: обе твои посылки получил, теперь у меня есть все решительно, пожалуйста, не присылай больше ничего, пока я сам не напишу вам. – До сих пор я так и не знаю, родился ли у Кати⁹³ кто-нибудь; напиши. Присылаю тебе цветок морошки; вероятно никто из вас, разве кроме Васи, не знает, как она растет, так что будет интересно посмотреть. Тут встречается замечательно милое кустарниковое растение, карликовая береза, *Betula nana*. Сегодня сорвал для тебя веточку, пришлю, когда подсохнет. Она похожа на обыкновенную березу, то есть по листьям и по сережкам, но кукольную, с мелкими изящными листочками, тонко зубчатыми. Сегодня узнал, что одно из растений, мне неизвестных, называется по местному чернуха. Вероятно, оно из вересковых, с тонкими

узкими листочками, расположенными, как хвоя у ели – растение травянистое. На нем бывают черные ягоды, напоминающие чернику и держащиеся до конца весны. Ягоды эти считаются вредными, но, говорят, монахи в прежнее время варили из них квас. Пока писал это письмо, в природе опять изменение: распустилось множество вороньего глаза. Растение это очень изящно. Цветок его здесь не белый, как у нас, а слегка тронутый розовым тоном, особенно у концов лепестков. Вид кажется новый для меня – очень мелкие растения. Вышли листочки папоротника, но я забыл его название: лист на тонком, жестком, словно из конского волоса, стебле, по форме же лист перисто-разрезной, вроде как у орлеца. – Меня занимает вопрос, получили ли Вы письмо с зарисовкой с меня; было бы жаль, если бы она пропала, так как ее делал неплохой художник.⁹⁴ Мы с белыми ночами совсем потеряли суточный ритм. После обеда, то есть с 7 часов, обычно спим 1–1¹ / 2 –2 часа, а затем снова принимаемся за работу и просиживаем всю ночь, под утро лишь ложимся спать. Впечатление, как если бы в сутках было два дня, а не один.⁹⁵ Хорошо бы круглый год иметь белые ночи, но к сожалению, уже скоро начнется поворот к обратному, то есть к черным дням. Надеюсь, ты напишешь, каким приехал Васюшка, так что и не спрашиваю тебя. Напиши непременно о здоровье всех вас, в особенности о своем собственном и об Олином. Окрепли ли Тика и Мик? Давала ли какие-нибудь советы по музыке Мария Вениаминовна? Продолжает ли Васюшка горбиться? Я так и не знаю, получила ли от Павла Николаевича мое белье и прочие пожитки? Очень скучаю по тебе, по всем вам. – Доверенности тебе (две) отправлены, но не знаю, скоро ли дойдут. Если будет случай, узнай, вышла ли в свет книга об изоляционных материалах, которую я когда-то давно редактировал. Было бы досадно, если бы пропал даром большой труд, на нее затраченный. О судьбе ее должен знать Михаил Владимирович⁹⁶ – В качестве кого поехал с Кирой Никита?⁹⁷ Пусть Кира напишет, что именно должен он делать для обследования условий развития урвской болезни.⁹⁸ Я писал ему кое-что на эту тему, то есть помимо намеченной программы, но по-видимому письмо мое не дошло. Очень рад его работе в Радиевском институте. По правде сказать, Владимир Иванович⁹⁹ единственный человек, с которым я мог разговаривать о натурфилософских вопросах не снисходительно, все прочие не охватывают мира в целом и знают только частности. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля. Заботься о своем здоровье.

29 июля 1935 г., быв. Филиппова пустынь

1935. VI.29. Соловки. №23. Дорогая мамочка, прежде всего пользуюсь случаем поздравить тебя с наступающим семейным праздником (11 июля),

а также Люсю.¹⁰⁰ Хотя это и преждевременно, однако не знаю, смогу ли написать после, поэтому делаю сейчас. Письмо твое от 7.VI получил 18.VI и удивился, узнав о нахождении Лили в Москве. Никто не сообщил мне об этом. Поцелуй ее от меня. Здесь все покрылось зеленью и множеством цветов. Огромные заросли черники, голубики и морошки, такого изобилия мне не приходилось видеть. Зато совершенно нет ни земляники, ни клубники, ни смородины, ни шиповника, ни дикой малины, ни, что странно, княженики. Тепла настоящего все еще нет. На солнце можно быть в рубашке, но иногда и на солнце свежо. Ветер непрерывный, воздух влажный и мягкий. Красивы виды, особенно на бесчисленные озера. Краски нежные. К ночи, т.е. часов с 11, и утром, т.е. с 1 ч. ночи, небо и облака переливаются всевозможными цветами. Море я видел только издали, оно что-то мало привлекательно, несмотря на изрезанную береговую линию и бесчисленные острова.¹⁰¹ Вероятно это ты прислала мне в посылке табак. По вечерам, за чаем, угощаю им своих сожителей по лаборатории, и они остаются весьма довольны. VII.6. Видимо, у каждого рода есть свой закон, от которого не уйдешь. Об этом я размышлял много раз, но на личном опыте сталкиваешься с подтверждением этого правила и невольно размышляешь снова. Мой прадед был оторван от своей семьи и не имел родственных связей. Умер он молодым, и дед рос без отца. Отец тоже рано осиротел, и тоже почти не было у него родственников, кроме тети Юли. Я своего отца видел мало, всегда он был в разъездах.¹⁰² Мои дети все время росли без меня, бывал я дома лишь наездами, а теперь и совсем оторван от них. Вот, пять поколений – и одна и та же участь. Так же – и с книгами. Все поколения любили книгу, тратили на нее всякую свободную копейку, ограничивали себя во всем, – и лишались по той или другой причине всего, что успели собрать. И еще. Все поколения любили растительный мир, все мечтали хотя бы под старость заняться садиком, и никому это не удавалось. Род – целое, а не сумма последовательных поколений. Размышлял я об общих свойствах членов нашего рода, даже далеких ветвей его. Избыток инициативы, несистематичность образования у всех вела к малому коэффициенту полезного действия, к несоответствию затраченных усилий и полученных результатов. Во всех областях они открывали новые пути, но открывающие эти пути никогда не пользовались своим открытием, т.к. не доходили до конца. Вероятно это – следствие отсутствия твердого руководства в семье. Крепко целую тебя, дорогая мамочка, Люсю и Лилю и поздравляю всех вас.

15 августа 1935 г., быв. Филиппова пустынь

1935.VIII.15. №27. Соловки. Дорогая Аннуля, вчера 14.VIII, получил

твое письмо от 3.VIII, №27. Ты пишешь, что Вася дожидается моего письма; но ведь уже давно я писал ему, только не помню, на твой адрес или на мамин. Разве это письмо не получено? М.б. оно лежит у мамы? Хорошо, что ты хотя бы по письмам знакомишься с географией. Но следовало бы приучать детей к карте, чтобы они отыскивали на ней места, о которых слышат и, кроме того, вычерчивали бы все проделанные каждым пути. Пусть у каждого будет свой цвет, тогда картина путешествий будет наглядной. Поэтому же мне хотелось бы насадить в садике растений всех мест, где бывали или о которых слышали дети и ты, – как живую память о местах. – Тут настала осень. Темные холодные ночи, серая погода, дожди. Бывает видна луна, давно не виданная. Появились грибы, довольно многочисленные, созрела и уже сходит морошка, созрели черника и голубика.¹⁰³ Морошки было много, черники вообще мало, а голубичные заросли покрывают всю поверхность острова, но ягод в этом году, сравнительно с прошлым (как говорят), не много. В сравнении же с Посадом ягоды конечно весьма много, стоит выйти за дверь и можно набрать тут же, у усадьбы. Но все же, иногда запариваем морошку и получаем полукисель-полуваренье. Вместо чая завариваем голубику и отчасти чернику, много кислот (молочной и лимонной) и вяжущих веществ, не говоря уже о цвете. Грибы варим. Главным образом попадались лисички, твои любимые, которых здесь много; но последние дни находятся подберезовики, подосиновики, белые – в очень небольшом количестве, опята. Сегодня, по случаю дня рождения одного из сотрудников, были даже испечены два пирога – с грибами и с черникой. – Меня заинтересовал вопрос, сколько отходов получается при чистке морошки. Оказалось: один раз 12,9 %, а другой 9,1 %. – Как-то тебе писал, но пишу снова: непременно надо приучать детей к заучиванию наизусть хороших стихов, это развивает память, обогащает язык и питает благородными образами. Пусть заучивают, что кому понравится, но не пустяки. А то, за неимением хорошей пищи, в памяти заседает хлам, бессодержательный и безвкусный.

В подарок тебе, к 24-х летию нашей свадьбы, посылаю тебе портрет.¹⁰⁴ Это – работа хорошего художника, все говорят, что есть большое сходство; но мне судить о нем трудно.¹⁰⁵ Во всяком случае лучшего здесь не получишь. На фоне – водоросли, на память о работе того времени. Получали ли вы высушенные растения, вложенные в письма? Хорошо, что Мик все-таки поехал несколько проветриться и освежить впечатления. По-видимому моих доверенностей ты все же не получила, да одна из них вероятно уже не нужна. Не знаю также, получила ли ты

прошлогодние доверенности, посланные летом. – Часто вспоминаю маленькими Андрея, Госю, Валю, также Шуру и Люсю, особенно первых. Все воспоминание относится ко времени за 30–40–45 лет тому назад, и даже больше, но стоит живо перед глазами, словно происходит сейчас. Госю и Андрея я много носил на руках, водил их гулять и рассказывал им сказки. С Андреем собирал в Сураме чернику, карабкаясь по кручам, причем на одной руке был Андрей, а на другой большая корзина, с которой ходили на рынок за провизией. Вероятно, Андрей забыл, как это было, он был тогда мал, от 2-х до 4-х лет. Помню, как он родился, я тогда кончал курс гимназии. Он, маленький, очень походил на деда, Ивана Андреевича, с новорожденного его я сделал по этому случаю зарисовку. А потом сходство совсем исчезло. Когда кто-нибудь у нас собирался родиться, нас собирали в одну комнату и мы спали на матрасах, разложенных на полу, так что получалось вроде пикника. А утром нам показывался новый брат или сестра, и мы окружали его при первых купаниях, но боялись дотронуться до него. Университетские годы в памяти гораздо бледнее, как и все позднейшее, кроме относящегося к тебе и к детям. Как будто кроме вас никого и ничего за это время у меня не бывало. Крепко целую тебя, дорогая. Надеюсь, ты теперь уже не скучаешь, т.к. дети вернулись домой.

5–6 сентября 1935 г., быв. Монастырская кузница

1935. IX.5–6. Соловки. № 29. Дорогая Аннуля, письма твои получил, и без №№, и открытку, и № 28 от 23 августа. Очень досадно, что мои письма приходят с опозданием. Сообщи, получили ли вы вид на лабораторию, портрет и сухие растения. Спрашиваешь, есть ли у тебя ошибки. Да, есть, запятых же вовсе нет. Мне мило и то и другое, последнее без оговорок, а первое с оговоркой: было бы все ничего, но я боюсь, что твои ошибки от переутомления. С 30-го августа я живу на новом месте.¹⁰⁶ Это – старинный монастырский дом возле Кремля. Стены толстые, в нижнем этаже, с высокими каменными сводами, была когда-то монастырская кузница. Мое помещение во втором этаже, с особым входом по ветхой приставной (наружной) лестнице, как на голубятню. В помещении 2 комнатки, одну занимаю я с работником б. Лаборатории, в другой живут почти всегда отсутствующие технические работники. Готовим себе сами на плите, которая тут же, в комнате. Питаемся почти исключительно овощами, т.е. в моем вкусе. Дом расположен на берегу Святого (ныне Кремлевского) озера. Это – большое, в значительной мере искусственно вырытое озеро длиной около 1 км и шириной до у км. Оно так близко к основанию дома, что из нашего второго этажа берега не видно, словно дом

высится прямо над водою. Озеро в ясную погоду голубое, в серую – соловое. Последнее время нет-нет, а выглянет солнце, правда, лишь на время и большею частью светящее жидким северным светом. И дождит не сплошь, а временами и слабо. По виду из окна можно подумать, что находишься в Италии или Швейцарии. С лестницы слышится громкое эхо, от других строений: стоит кашлянуть, чихнуть или крикнуть, как еще громче возвращается повторение. Думаю, такое эхо было бы интересно послушать детям. Но и это жилище – временное, даже кратковременное. Перевозка и передача лаборатории произвела на меня тяжелое впечатление: ведь в лабораторию было внесено много старания, изобретательности и любви. Работы, естественно, прекратились. Вид опустелых и засоренных комнат стал мне настолько тяжел, что я был даже рад, взяв свой посох и котомку, уйти оттуда. Все напоминает о тленности всех земных дел и учит сознавать себя, «яко страннии и пришельцы».¹⁰⁷ В настоящее время я работаю во вновь образованном Конструкторском бюро;¹⁰⁸ пока главным образом занят писанием заявок на ряд наших изобретений, по переработке водорослей и использованию альгина и альгината. Кроме того надо написать несколько статей. А далее, совместно с одним химиком и под его возглавлением, придется заняться проектированием химических заводов. – Посланную тобою книгу я получил.¹⁰⁹ Если мои вещи уже получились, то в книгах ты найдешь «Таблицы физических констант» и (без переплета) издание кажется Академии Наук ороchonских или тунгусских текстов со словарем.¹¹⁰ Эти две книжки (обе тонкие) мне пришли. Посылок мне *не присылай*, разве что папирос. Луку у меня в этом году очень много и притом прекрасного, здешнего; просто хотелось бы вам послать отсюда. Вообще у меня все нужное есть, покупать негде, да и не нужно. Единственное, чего хочу – чтобы ты получше и повкуснее кормила детей. Между прочим, вкусное получается кушанье из репы, капусты, грибов и хорошо разваренной чечевицы, лука и укропа; в холодном виде это кушанье трудно отличить от печеных баклажан. Но его необходимо протушить основательно. 09.VIII. Получил твои письма № 28 и 7-го, вчера, №29. О дне свадьбы я помнил, но ошибался в счете числа лет. Мне тяжело, дорогая, что ты все беспокойна, что-то придумываешь и напрасно мучишь себя.хлопотать не для чего, приезжать было нельзя. Очевидно, по моим письмам ты не имеешь ни малейшего представления о характере моей жизни и все примеряешь ее к сковородинской; но это большая ошибка, все совсем не так, однако как – не могу объяснить, не поймешь. Готовили мы 1/2 года сами, т.е. собственно главным образом один из сотрудников, получали сухой паек.

Теперь я перешел в столовую. Муку нам выдавали тогда. Ни о каких запасах не м.б. и речи. Разговоры о приезде брось, очень прошу тебя. Крепко, крепко целую тебя и вспоминаю, как трудно было жить тебе со мною 25 лет.

24–25 сентября 1935 г.,

быв. Монастырская кузница

1935.IX.24–25. Соловки. №31. Дорогая Аннуля, пишу тебе ночью и в крайней спешке: завтра утром последний срок письма, а между тем надо срочно переселяться в Кремль, собирать вещи, укладываться.¹¹¹ Видишь, как мучительно в моем положении иметь лишние вещи.¹¹² А у меня библиотечные книги, казенное кое-что носильное, матрац, и обо всем надо думать, куда это девать и как нести. Хорошо еще, что нести недалеко. Сегодня получил твою посылку с луком, маслинами, папиросами, тетрадь и блокнотами, а 2 дня тому назад – с яблоками. Все дошло вполне хорошо, яблоки не испортились, кроме десятка. Хотя все это было приятно получить, потому что от Вас, но мне мучительно думать, как вы лишаете себя последнего, тогда как у меня всего наверно во много раз больше, чем у вас. Нужно тебе думать о детях и о себе. Письмо твое получил (№31 от IX, 23). Дорогая Аннуля, я же понимаю, что тебе трудно, тяжело, беспокойно и грустно. Но все же надо стараться с большим душевным миром воспринимать окружающее, а главное – близких. Я верю в своих детей, и разные шероховатости пройдут в свое время. Это дело возраста. А, кроме того, им ведь тоже не легко дается жизнь. Вот Васюшка, бедный, дожил до 24 лет, а не видел спокойной жизни и радости. Если может хотя бы некоторое время порадоваться, то старайся радоваться за него и с ним. Другие – тоже. Тика, пишешь, болезненно застенчива. Как ясно я понимаю ее состояние: это и наследственное, и благоприобретенное, от постоянных ударов. Я рос в иных условиях, да и то не могу справиться с таким же чувством, только стараюсь носить маску, как будто застенчивости нет. Старайся же вовлечь ее в какие-нибудь занятия и игры, чтобы она не так ощущала свое одиночество, пусть в ней разовьется немного уверенности в себе. Ты ошибаешься, что у нее нет памяти: это растерянность в мире, от постоянной неуверенности в себе и в окружающем. Как только она почувствует свои силы, так и беспамятство пройдет. А для этого надо добиться, чтобы хоть что-нибудь маленькое она усвоила настолько твердо, чтобы неуверенности быть уже не могло. Ей непременно надо помогать в уроках, хотя бы часть делать за нее. Стоит ей заработать 2–3 поощрения, как она развернется и дальше дело пойдет само собою гладко. Попробуй взяться за какую-нибудь из ее ошибок в

арифметике или в орфографии и множество раз, невзначай, спрашивать ее на эту тему, чтобы правильный ход она усвоила досконально, совсем твердо. Затем возьми еще что-нибудь. Когда у нее образуются в сознании отдельные твердые точки, опоры, появится и уверенность, и она дальше сама станет укреплять также другие слабые места. И тебе надо быть активнее. Постарайся вовлечь детей в игру – припоминать немецкие слова и фразы, мотивы, сравнивать и т.д., например, кто вспомнит больше слов на такую-то букву или с таким-то окончанием, кто вспомнит и подберет больше мотивов и т.д., если будут делать ошибки, это неважно, пусть поправляют друг друга и даже пусть остаются с ошибками. Главное – это развить привычку, главное – постоянное упражнение, и это в любой области. Одним натиском ничего не сделаешь. Пусть Вася и Кира показывают детям минералы, называют их и характеризуют; очень важно характеризовать со стороны применения или каких-нибудь ярких особенностей. То же – с растениями и т.д. И Тику обязательно вовлекать сюда же, сообщая ей то, что ей может быть интересно и доступно.

Крепко целую тебя, моя дорогая, не унывай.

30 сентября 1935 г.,

Кремль, быв. Никольский корпус

1935.IX.30. Соловки. № 32. Дорогая Аннуля, вот я снова переменяю место своего жительства. Сейчас обитаю в Кремле. В камере множество людей, что-то и счета им не знаю.¹¹³ Конечно, при таких условиях не только занятия, но даже и письмо становится невозможностью, тем более, что писать не на чем, т.е. нет стола. Работаю в проектном Бюро, занятия дважды в день, так что возвращаюсь после вечерних занятий часов в 11 с чем-то. Хорошо хоть то, что люди в камере приличные, из Бюро. X.01. Пока писал это письмо, пришло время вновь переселиться, вероятно завтра. В камере нас будет пятеро, а может быть и четверо. Тут теперь явна уже близость зимы: хотя деревья стоят в золотом и бронзовом уборе, однако иногда идет снег, правда скоро тающий. Временами дуют холодные свирепые ветры, а потом сразу прекращаются. Ты интересовалась моей едой: обедаю и завтракаю в ИТР-овской столовой, готовят там хорошо и, на мое счастье, мясная еда, которую мне приходилось кому-нибудь отдавать, теперь бывает редко. Вообще я вполне сыт, и мне тяжело думать о том, что вы не обеспечены даже необходимым. На службу мне из Кремля ходу минут 8, дорога идет по набережной Святого озера, и за ним – красивый золотой лес. Озеро глубокое, уровень воды все время разный, так как воду то напускают через шлюзы из других озер, то спускают для нужд электрической станции. В ветер по озеру бегут

настоящие волны, разбивающиеся о каменную облицовку набережной. Досадно мне, что я, почти закончив первую песнь «Оро», не могу из-за переселений доделать эту вещь. В неоконченном виде я читал ее одному знакомому, знатоку ДВ и Забайкалья и получил от него одобрение. Хотелось бы, чтобы она была прочитана вами, так как пишется только для вас. Недавно узнал о высокой технике здешних древних построек: в каменной стене, толщиной в 1–1 1/2 метра, устроена тепловая и противосыростная изоляция из слоя древесного угля. Здание начала XVI века. X.03. Сегодня получил письмо от мамы, но не знаю, получила ли она мое. Сообщает, что Кира все еще не приехал. Надеюсь, что ты сообщишь мне обратное. Вчера переселился в новую квартиру. Сейчас нас там четверо, но будет и пятый. Эта комната, размерами ... для четверых, довольно свободная.¹¹⁴ Большинство зданий здесь старинные, с толстыми каменными стенами. У нас, с чердака, деревянные кровати; по вырезанным ножом надписям видно, что кровати сделаны в первых годах XX века, конечно домашней, самой простой работы, именные, т.е. с именами старых владельцев. Однако, не знаю почему, в Кремле и в Кремлевских помещениях ничуть не чувствуется старина, нет никакой поэзии древности – бездушно все и тупно. А казалось бы, должно быть иначе. Это впечатление у меня не только не проходит, но усиливается. Крепко целую тебя, дорогая.

21–22 ноября 1935 г.,

Кремль, быв. Никольский корпус

№38. 1935.XI.21–22. Соловки. Дорогая Аннуля, наконец-то получил твое письмо, №37, от 5 ноября. Начну с ответа на твои вопросы. Присылать журнала мне не надо: читать один журнал – все равно, что ничего не читать, да и держать его негде. Все равно за наукой следить мне не приходится, уже и сейчас я безнадежно отстал. Мне ясно, что моя научная работа закончена и что вернуться к ней я никогда не смогу. Ведь научная мысль требует непрестанной и упорной работы над собою, и плоды появляются лишь в итоге жизненного накопления. Мое же накопление все рассеяно, заниматься же наукою кое-как считаю недобросовестным и бесцельным занятием. Спрашиваешь о посылке Сергея Алексеевича¹¹⁵. Я получил за последнее время 2 посылки, одну папиросную, другую – с консервами и т.п., а ранее получил яблоки (одна посылка) и лук с маслинами (другая). Которая из них Сергея Алексеевича – не знаю. Во всяком случае, поблагодарил его за внимание и память. В последний раз в посылке содержались буковые орешки, напомнившие мне детство и Кавказ. Откуда они? А главное, зачем лишаешь детей последнего и

присылаешь мне, то, что хотелось бы передать им. Еще раз прошу, если хочешь заботиться обо мне – заботься о детях и о себе, в этом мне гораздо больше радости и поддержки. – Если Елена Владимировна¹¹⁶ сообщит тебе о своем замужестве, поздравьте от меня. Относительно чтения: мне не хотелось бы этого, т.к. там только отрывки, а у меня 1-ая песнь написана почти вся, и это гораздо больше и цельнее, чем то, что у тебя. Когда закончу совсем, то перепишу для тебя и, если будет возможно, пришлю.¹¹⁷ С Тикой, да и прочими также, старайся как можно чаще писать диктанты, каждый день, хотя бы по несколько строк, и потом разбирай ошибки. В короткое время грамотность придет, если будешь делать так. Я уверен, что у Тики не неспособность и не беспамятство, а неуверенность в себе и отсутствие настоящей школы. Музыка, изобразительное искусство, архитектура могут стать прочными элементами образования, если произведения не просто воспринимать, но и активно продумывать. Для неподготовленных поэтов очень полезно обсуждать совместно (хотя бы даже делая ошибки), анализируя вещь, находя слова для охарактеризования тех или других моментов, усваивая терминологию и строя различные схемы произведения, как целого. Это относится ко всем отраслям: надо научиться охватывать целое, а для этого надо научиться характеризовать его, как целое, в первом приближении, затем во втором и т.д., детализируя и усложняя свое высказывание дополнительными моментами. Даже такие примитивные ответы, как «роман состоит из вступления, изложения и заключения», по-видимому пустые, уже дают нечто, ибо заставляют подумать о каком-то, хотя бы в самом первом приближении, расчленении. 1935.XI.22. Рад за тебя, что ты занимаешься насаждениями в саду или во дворе. С детства я страстно любил растения, разговаривал с ними и жил как с самыми близкими друзьями.¹¹⁸ Может быть именно потому я не стал специально изучать растения, это казалось слишком холодным. Но всегда жила тайная мысль когда-нибудь впоследствии, ликвидировав все то, чем должен заниматься, обратиться к растениям и пожить с ними тесно, как в детстве. Мечтал о том же мой отец. Мечтал о том же дед. Но никому не удалось осуществить это желание. Поэтому я доволен, что осуществляешь его ты, хотя бы частично. Жаль только, что в нашем, московском, климате большинство растений интересных или не акклиматизируется, или требует для акклиматизации больших знаний и еще больших усилий. – М.б. тебе интересно узнать об одном роде японской керамической техники, о которой редко приходится слышать. Это – сацума, мозаика по фарфору. Она составляется из мельчайших кусочков чего-то, вероятно цветной

глазури, величиною примерно в 1/10 булавочной головки и потом подвергся обжигу. Понятно, такие изделия дороги и встречаются не часто. Вообще, высокое совершенство китайской и японской техники основано главным образом на чрезвычайной длительности технического процесса и потому в настоящее время утрачено самими китайцами и японцами. Вещь делалась ранее тремя-четырьмя поколениями. Например, для лучшего китайского фарфора каолиновая масса, тесто из каолина с разными добавками – «гнило», – т.е. выдерживалось в погребках при постоянном уходе, в течение примерно сотни лет. Знаменитые японские лаки накладывались тончайшими слоями очень большое число раз, после полного просыхания, затвердевания и созревания каждого отдельного слоя, и на наращивание сколько-нибудь толстой лаковой пленки уходило много десятков лет. Вероятно и сацума требует микроскопической работы, а следовательно – и большого времени. Современная техника старается придумать вместо старинных медленных фраз не окончена. – *Ред. XI.23.* Дорогая Аннуля, сегодня я отправил тебе 60 руб. – скопилось из так называемого премвознаграждения. Конечно, ясно представляю себе ничтожность этой суммы при вашей сложной жизни, но хотелось послать хоть что-нибудь, не как помощь, а как знак, что я все время думаю о вас. *XI.24.* Сегодня получил посылку: (нрзб.) гранаты, масло, баранки и что-то в мешочках – я еще не успел посмотреть. Все дошло хорошо, даже еще не дозрели. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, будь бодрой. Напиши мне, как твоя рука и вообще здоровье. Еще раз целую.

17 февраля 1935 г.,

Кремль, быв. Никольский корпус

1936. II.17. Соловки. №49. Дорогой Васюшка, только что вернулся из Кремля: ходил в лабораторию, а главное – посмотреть на северное сияние. Оно началось вероятно в 9-м часу. Я был в библиотеке, когда мне сказали о явлении. И действительно, стоило посмотреть. Представь себе, что с неба спускается ряд приблизительно параллельных между собою завес, направленных широтно и занимающих почти всю северную гемисферу. Завесы эти – словно из тончайшей ткани, вроде газа. Они сходят на нет кверху и сгущаются, оплотневают к нижнему, резко ограниченному краю, который кажется как бы распухшим – вроде как если бы ткань была сложена (подрублена) широкою каймою. Завесы драпируются широкими складками, образуя извилистые линии у своего края и колышатся, так что складки перебегают по завесе, а самые завесы то смещаются параллельно себе к северу, отступая, то наступают, к югу. Временами они меркнут и принимают вид освещенных расплывчатых облаков, временами же

свечение усиливается, и тогда они, как это было сегодня светят ярким зеленым светом. Между усилениями света проходит 5–6 минут. Затем завесы померкли, но засветился северный горизонт, и из расплывчатого свечения стали подыматься резко очерченные световые лучи, вроде прожекторных, но не совсем прямые и лишь приблизительно параллельные между собою. Около луча, выброшенного расплывчатым сиянием, возникает другой, который становится все ярче, затем оба они слабеют, но возникает на некотором расстоянии третий и т.д. Длина лучей примерно 45 градусов, направление их меридианное, цвет голубовато-зеленоватый, но не выраженный ярко. После лучей («столбов») сияние стало ослабевать и осталось лишь общее расплывчатое свечение. II.21. 18-го опять было северное сияние, говорят замечательное; я не видел его. 19-го, идя в баню, наблюдал северное сияние, очень красивое, но совсем отличное от бывшего 17-го. В северной части небосвода появился темный сегмент, а над ним светящаяся дуга, голубоватого цвета. Над нею появилась еще дуга, затем третья, четвертая, пятая и до восьми. Последняя дуга уже перевалила за зенит в южной части небосвода. Все небо было в широких светящихся дугах, очерченных довольно правильно, но не вполне, не геометрически. Из дуг, особенно первых, стали выбрасываться световые столбы, которые смещались, скользя своим концом (корнем) по дуге. Явление развивалось очень быстро, минут 20. Затем дуги стали передвигаться к югу, утрачивая при этом свою форму. Через некоторое время промежуточные дуги исчезли, осталось свечение на севере и длинные облакообразные, неопределенной формы образования в зенитной части, несколько к северу от нее. Эти формы можно было бы принять за странные облака, освещенные прожектором. Постепенно все свечения померкли. Забыл сказать, что все дуги шли в широтном направлении. – Эти дни стояли морозы, небо было ясное, при северном сиянии можно было наблюдать и звезды, хотя они и не блистали особенно ярко. – Недавно, в постели, придумал новый аппарат – термосифонный экстракционный аппарат для экстракции веществ почти не растворимых при обычной или пониженной температуре и обладающих некоторою растворимостью при температурах повышенных. Он основан на экстракции горячей жидкостью, которая, стекая, охлаждается и выделяет экстрагированное вещество, а после фильтрации вновь нагревается и снова направляется в экстрактор. Эта непрерывная циркуляция жидкости осуществляется автоматически охлаждением нисходящего столба жидкости и нагревом восходящего, причем возникающая от Разности температур разность гидростатических давлении (от температурного

изменения удельного веса и вменения концентрации) ведет к непрерывному движению тока жидкости. Кажется, такого аппарата еще не было предложено. По подсчетам, при спирте и разности температур в 70° (80° и 10°) на каждый метр высоты холодного столба спирта (при 10°) превышение его уравнивающего теплого (при 80°) будет 9,6 см, если принять в расчет изменение концентрации некоторого растворенного вещества. – Как идут твои занятия? Пишешь ли что-нибудь? Не помню, писал ли я тебе о книжке Лобко¹¹⁹ по стандартизации физических единиц. Там имеется список основных физических величин (правда не полный), который, соответственно восполнив, можно было бы положить началом для книги по микрофизике, т.е. по списку начать тематически подбирать методику определения величин. Постарайся наладить свою жизнь в отношении питания, сна, не перегруженности занятиями – чтобы наиболее рационально использовать силы и время. Старайся не делать лишних движений, которых можно избегать. Крепко целую тебя, дорогой.

28 февраля – 1 марта 1936 г.,

Кремль, быв. Кожевенный завод

1936. II.29.-III.1. Соловки. №51. Дорогая Аннуля, получил твои письма: №6 от 26.I. – 16 февраля, №7 от 7.II – 24 февраля, №8 от 13.II – 27.II, а также 2 письма Кирилла, по его плохому обыкновению – недатированные. Беспокойно за вас, особенно в связи со свирепствующим везде гриппом. Пожалуй, не к чему давать советы, они придут слишком поздно. На всякий случай напишу: в качестве предупредительной меры принимать по 2–3 капли йодной тинктуры, лучше в молоке, но именно йодной, а не бромферрона, в настоящее время часто выдаваемого за йод; в случае заболевания непременно вылеживаться, и не только в течение самой болезни, но и 3–4 дня после выздоровления и Делать поменьше движений; остерегаться поводов к простуде. – Присылал я тебе рецепт капель от зубной боли, но забыл упомянуть, что зуб непременно должен быть *просушен*. – Живу в новом помещении, о чем уже писал ранее. Это Йодпром, то есть Йодный завод.¹²⁰ Это – большое двухэтажное здание, правая половина которого занята проектными бюро, а левая – заводом, лабораториями и комнатою общежития. Большая часть здания построена в XX в. и не представляет интереса. Но к левой половине примыкает древняя часть, нижний этаж которой построен в XVI в., а верхний – вероятно в начале XVIII в., если не в конце XVII. Живу я во втором этаже этого старого здания, тут же часть лабораторий. Производственная же лаборатория или, точнее, цех находится в постройке XVI в., со сводчатым потолком на столпах, небольшими окнами, прорезанными в толстых

массивных стенах и мрачным видом, вроде кухни ведьм или кабинета Фауста. Тут стоят опытно-производственные установки: чаны, шаровая мельница, самодельные, а потому средневековой вода шкивы и колеса, различная деревянная утварь, в частности ящики, которым ради экономии материала придали вид гробов. Урчит и клубится пар, льется и капает вода, скрипит и гремит шаровая мельница, распространяется запахи водорослей разных видов. Посреди помещения выемка-спуск, занимающая половину площади; сток для воды, сооруженный из кирпича; полы каменные, из больших квадратных плит. Рядом в сушилке 62°, а за дверью – морозятся экстракты агара.¹²¹ Я говорю, что не хватает только подвешенного к потолку чучела крокодила. Распорядок дня соответствует обстановке, то есть столь же далекий от буржуазного уюта. Встаю в 8 ч. и бегу в Кремль завтракать. По дороге встретишь 30–40–50 людей, с которыми надо раскланяться, которых приветствуешь. Ведь знают друг друга более или менее все, а многие – и знакомы. От избытка поклонов и приветствий шапки уже никто не снимает, только делают некое подобие чести, как рудимент поклона. После завтрака обход всех работ, обсуждение, консультация, записи, составление отчетов; так – до 6 ч., когда опять надо бежать в Кремль, обедать. Так как работа напряженная, а всегда чего-нибудь не хватает, то спешка, волнение, взаимное подгоняние. Часов с 7 иногда сплю, когда удастся. Ведь работа идет сменная, круглые сутки. С 8 или 9 часов опять та же беготня из верхнего этажа в нижний и обратно, но несколько тише в здании, то есть работают не все. В это время что-нибудь вычисляю, иногда удается немного почитать. Обычно сижу до 4–5 часов. Но нередко, когда заснешь, приходит сменный рабочий с каким-нибудь недоразумением. Такая жизнь не дает делать что-нибудь творческое, на зато не дает и думать о том, что привело бы в уныние. – Мои ответы получаются тобою так поздно, что утрачивают свое значение. Но на всякий случай сообщаю, что при слишком крепкой смазке йодом, как и при йодовых пятнах на тканях и т.п., надо обмывать раствором гипосульфита, т.е. фотографическим фиксажем, но не смазывать маслом. Гипосульфит натрия служит также средством от отравления угарным газом (СО) в 10%-ном растворе; дается отравленному 8–20 г этого раствора в течение 24 час, а в ответственных случаях сразу до 20 г; признаки отравления исчезают через 6–10 час, а в серьезных случаях – через 24 часа. Это очень важное сведение, его необходимо иметь в виду и твердо помнить. – Имя, которое намечают Вася и Наташа,¹²² никак не могу одобрить: оно дает блеск, подобный мыльному пузырю, много шуму – и ничего положительного в конечном итоге, вообще не полновесное имя.

– Относительно работы по вычислению механической прочности мерзлоты: Нико-лай Иванович¹²³ не понимает моих условий: у меня же нет ни книг, ни времени, я весь в производственных, и некогда даже подумать над прямыми предметами моей работы, так все спешит и кипит в своем соку. Если можно, пусть печатает так как есть и то, что есть, иначе пропадут и эти работы, как пропало бесчисленное множество других в ожидании какой-то полноты. Пока я тут, на меня рассчитывать нечего, так ему и скажи, – несмотря на то, что мерзлота – единственное, что меня действительно занимает внутренне. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, будь спокойнее.

10–11 марта 1936 г.,

Кремль, быв. Кожевенный завод

1936. III. 10–11. №52. Соловки. Дорогая Аннуля, сегодня получил твое № 9 от 23. II. 1936, открытку Алексея Ивановича и печатное (брошюру Вернадского) от Мика. Спрашиваешь о моем №46. Это письмо, как 0 №37, 42, 49 – маме. Напрасно ты думаешь, что твои письма раздражают меня, наоборот, но мне мучительно думать о твоих неприятностях и отсутствии радостей, потому и стараюсь внушить тебе лучшее использование жизни. Дело моей жизни разрушено, и я никогда не смогу и, кроме того, не захочу возобновлять труд всех 50 лет. Не захочу, потому что я работал не для себя и не для своих выгод, и если человечество, ради которого я не знал личной жизни, сочло возможным начисто уничтожить то, что было сделано для него и ждало только последних завершительных обработок, то тем хуже для человечества, пусть-ка попробуют сделать сами то, что разрушили. Как ни плохо, но все же кое-какая литература до меня доходит, и я вижу, что другие стараются около вопросов, мною уже проработанных, и мною одним, но вслепую и ощупью. Конечно, по частям и исподволь сделанное мною будет сделано и другими, но на это требуется время, силы, деньги и – случай. Итак, разрушением сделанного в науке и философии люди наказали сами себя, так что же мне беспокоиться о себе. Думаю о вас. Конечно, я работаю, но уже над другим и второстепенным или третьестепенным: ни условия работы и жизни, ни возраст, наконец, ни душевное состояние не дают возможности обратиться к первостепенному. Достаточно знаю историю и исторический ход развития мысли, чтобы предвидеть ^{То} время, когда станут искать отдельные обломки разрушенного. Однако меня это отнюдь не радует, а скорее досадует: ненавистная человеческая глупость, длящаяся от начала истории и вероятно намеревающаяся идти до конца ее. Но будет – о себе, это совсем не интересно. Портрет, посланный Кире, мне и самому не нравится.¹²⁴ Но,

во-первых лучшего у меня не было, а во-вторых я полагал, что Кира в связи с ним мог бы вспомнить свои школьные годы. Впрочем, ничто не мешает положить этот портрет куда-нибудь в стол. – Хорошо, что ты заинтересовалась смыслом и происхождением географических названий: по ним можно вскрыть прошлое местности и нередко таким образом, т.е. по анализу названий, приходят к очень важным историческим и географическим выводам. В частности, французским историком Бераром написано двухтомное сочинение «Финикияне и источники Одиссеи».¹²⁵ Анализируя различные названия средиземноморских местностей, Берар отождествляет эти местности с описываемыми в Одиссее, доказывает удивительную точность описаний Гомера, фактичность их, составляет точную карту скитаний Одиссея и иллюстрирует ее многочисленными фотоснимками местностей. Кажущийся вымысел превращается в осязаемый факт. 1936.III.13–14. Сегодня я закончил первую песнь «Оро», начал писать примечания. Сегодня же, в выходной день, художник,¹²⁶ который зарисовал меня в первый раз (то, что послано Оле), согласно твоему желанию, начал рисовать снова. Пришлю в одном из последующих писем, т.к. надо еще закончить и закрепить карандаш. Если тебя этот рисунок удовлетворит, возьми его себе, если же нет, то передай Васе. Последнее время стоят солнечные дни, ночью морозы, но не сильные, днем когда как: то подтаивает, то несколько морозно. Но в воздухе, несмотря на снег, чувствуется что-то весеннее. Начинаю с завтрашнего дня ряд лекций по технологии и химии водорослей на курсах Йодных Мастеров. Остальное идет своим порядком, и нового сказать мне нечего. Разве только, что агар, получаемый нами, согласно нашим испытаниям, оказался доброкачественным и превосходящим японский, а равняющимся по качеству – американскому, если не выше его. Скажи Кире и Васе, что пишу им отдельно, в этом письме не помещается, а Кире надо написать много, по поводу предстоящей его работы. Собственно, надо бы написать несколько тетрадей, т.к. это вопросы, которые я обдумываю десятками лет. Относительно печатания с кем-нибудь я считаю, что такой способ по ряду соображений самый целесообразный. Но то, что не закреплено в печати – неизбежно пропадает вовсе: наш век – не древние времена, когда сохранялись рукописи, да и тогда были «издательства», под диктовку размножавшие рукописи. Крепко целую тебя, дорогая. – Собираюсь написать Марии Вениаминовне, но все нет места; пока же передай ей мой привет и поблагодари ее за память. Я часто вспоминаю ее, хотя и не слышу никакой музыки. Еще раз целую тебя, всегда помню, даже без кашек и рязанской земли.

23 марта 1936 г.,

Кремль, быв. Кожевенный завод

1936.III.23. Соловки. №54. Дорогая Аннуля, сегодня получил твое и Мики письма, №10 от III. 4. Как тревожно, что вы всё и все болеете. Кажется я писал тебе относительно приемов йода (по 3–4 капли в день тинктуры в воде или молоке), как предохранительном средстве против гриппа. У нас тут была эпидемия гриппа, но я, хотя и был в состоянии, близком к заболеванию, однако не заболел, вероятно потому, что принимал йод. Интересно, что и рабочие у нас, которые заняты возгонкой йода и следовательно вдыхают водные пары, не болеют гриппом, те же, кто стоит от возгонки подальше – заболели, но не в сильной степени. Вот, только не знаю, достанешь ли йода (не бромферона!). Да, помимо всего, принимать время от времени йод вообще следует, особенно тебе. Спрашиваешь о Кириной работе.¹²⁷ Она мне понравилась, равно как и моему приятелю химику; но проверить результаты я не мог, нет потребных реактивов. При этом письме посылаю портрет, сделанный тем же художником,¹²⁸ что и тот, который послан Оленю, – согласно твоему желанию. Если ты не захочешь оставить его, т.е. портрет, у себя, то передай Васе. Хотелось бы послать тебе что-нибудь красочное и красивое, но художник, который мог бы это сделать, частью занят, частью ленится, и приставать к нему мне неудобно. Однако в присланном портрете человек знающий мог бы оценить скульптурную лепку формы. Я сижу всецело в водорослях. Эксперименты над водорослями, производство водорослевого, лекции и доклады по тем же водорослям, изобретения водорослевые, разговоры и волнения – все о том же, с утра до ночи и с ночи, почти что, до утра.¹²⁹ Складывается так жизнь, словно в мире нет ничего, кроме водорослей. Но как раз о них-то не удается читать что-нибудь дельное, – имею в виду какой-нибудь курс «альгологии», т.е. водорослеведения. Докапываешься до всего своим умом, а потом узнаешь, что это уже сделано другими. Если бы мне было 20 лет, то пожалуй такая школа была бы не плоха, доходить своим умом. Но в моем возрасте уже поздно думать о школе и готовиться к чему-то будущему, а надо в настоящем вести работу с наибольшими результатами и наименьшею тратой сил. Большой недостаток у меня также и в том, что пока я работаю с водорослями, уже привезенными на завод, но не наблюдаю их выбросов на берег и тем более растущими в море. Но м.б. весной и летом этот недостаток будет восполнен. Мое мышление так устроено, что пока я совершенно вплотную не подойду к первоисточнику в природе, я не чувствую себя спокойным и потому не мыслю плодотворно, т.е. со своей точки зрения, ибо только я

могу судить или предощущать свои возможности. Водоросли же настолько своеобразны, что их непременно надо прощупать до конца собственными руками. Недаром один из рабочих допытывался у меня, что водоросли – растения или животные, и когда я говорил, что растения (хотя чуть-чуть и животные), то был явно не удовлетворен: ему хотелось услышать о животной природе водорослей. – Очень жалею, что все не нахожу места написать Марии Вениаминовне, боюсь огорчить детей, если не напишу кому-нибудь из них. (Васе и Кире пишу параллельно, в письме к маме, которое надо закончить, это № 53.) Но скажи ей, что я часто вспоминаю ее, рад ее посещениям и собираюсь написать. – III.24. Сейчас нашел у себя присланное вами – тряпочку с буковыми орешками. Эти орешки меня очень интересовали в детстве, своею трехгранностью. Трехгранность, как и всякая трехосная симметрия – огурцов в сечении, однодольных растений, в отличие от квадратности и круглости, создавала во мне чувство тайны. А тайна – столь же заманчива, как и страшна. Я сильно боялся буковых орешков и, хотя почва под буковыми деревьями была засыпана ими, никогда не решался раскусить. О съедобности их тогда никто не говорил и тогда на Кавказе конечно их не собирали и не ели. Только впоследствии я узнал, что буковые орехи съедобны, но вместе с тем понял и пользу своего чувства страха перед ними: старые буковые орехи содержат ядовитое начало, при поджаривании их разлагающееся, так что действительно нельзя есть этих орешков под деревом. Мне хочется записать здесь тебе и детям, по связи со сказанным, что все научные идеи, те, которые я ценю, возникали во мне из чувства тайны.¹³⁰ То, что внушает этого чувства, не попадает и в поле размышления, а что внушает – живет в мысли, и рано или поздно становится темою научной разработки. Вот почему я писал тебе несколько раз, чтобы ты не беспокоилась за детей и что я верю в них: в них тоже должен жить инстинкт научного размышления, опирающийся на чувство таинственного и питающийся этим чувством, которое не мотивируется, но которое не обманывает. В каждой области действительности выступают особые точки, они-то и служат центрами кристаллизации мысли. Но нельзя формулировать, чем эти точки отличаются от прочих, и человеку, лишенному интуиции, хотя бы он и был умен, образован и способен, эти особые точки не кажутся входами в подземелья бытия. Их знал Гете, их знал Фарадей, Пастер. Большинство, по-видимому, слишком умно, чтобы отдаться этому непосредственному чувству и выделить особые точки мира, – и в силу этого бесплодно. Это не значит, что они неспособны сделать что-нибудь; нет, делают и делают, но в сделанном нет особого трепета, которым

знаменуется приход нового, творческого начала... Буковые орешки завели меня в сторону и заняли все место. Целую тебя, постоянно вспоминаю. Как видишь, даже бумага попалась розовая. – Вчера получил от тебя №10, а ранее – №8, №9 не получено.

М.В. Юдиной

19–20 апреля 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогая Мария Вениаминовна,¹³¹ радостно узнать, что Вы бываете у наших и хотелось бы, чтобы это было почаще. Но печально, что Вы все не обрываете себя и живете в ломаных ритмах. Вероятно, во мне, от старости, все ярче выступают состояния и настроения моего детства, т.е. быть с Моцартом и в Моцарте. Но это – не надуманная теория и не просто эстетический вкус, а самое внутреннее ощущение, что только в Моцарте, и буквально и иносказательно, т.е. в райском детстве, – защита от бурь. Да, это трудно иногда, но за это надо бороться. Трудно даже технически. Вот, пишу здесь стихи для Мика, и чувствую, как стихии мира сбивают с простого и ясного и простецкого на острое, ломаное и мутное. Гораздо легче написать такое, что всеми будет признано интересным и недурным, чем слабое и неинтересное, но правильное по существу. Но я не хочу допустить саргиссио, не хочу Шумана, не хочу ПРОИЗВОЛА: в закономерности – свобода, в произволе – необходимость. Недавно по радио (даже по радио, мне ненавистное!) услышал отрывок концерта из Моцарта. И всякий раз с изумлением узнаю снова эту ясность, золотой, утерянный человечеством рай. Мир сходит с ума и неистовствует в поисках чего-то, тогда как ясность, которая только и нужна, у него в руках. Буржуазная культура распадается потому, что в ней нет ясного утверждения, четкого да миру. Она вся в как будто, как если бы, иллюзионизм – ее основной порок. Когда субъект оторвался от объекта и противопоставился ему, все становится условностью, все пустеет и предстает иллюзией. Только в детском самосознании этого нет, и таков Моцарт. Очень радуюсь, что Ваши Руки оправились и могут делать свое дело. Читали ли Вы беллетристику Леонтьева?¹³² Если нет, почитайте. В ней – утверждение миру, а русская литература редко уе страдает обратным. Всего хорошего, будьте здоровы и радуйтесь.

27–28 апреля 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогая Тика, когда же ты ждешь себе новую куклу, живую?¹³³ Я тоже жду и беспокоюсь. Но сумеешь ли ты ухаживать за нею? Ведь у тебя не было младших тебя братьев и сестер, и потому ты не знаешь, как надо обращаться с малышами. Никак не могу исполнить твоей просьбы – прислать тебе портрет-миниатюру, т.к. некому написать ее; по крайней

мере я не могу найти никого. Пожалуй, лучше всего попроси снять фотоснимок в соответственно уменьшенном виде и по нему м.б. кто-нибудь пройдетя красками; фотоснимок с рисунка карандашом или красками. Мамочка пишет, что ты ходила к Марии Владимировне¹³⁴ позировать. Что же она теперь делает? Скажи мамочке, что у бабушки Сони находится моя книга Раффи, История 7 меликств;¹³⁵ пусть мама возьмет эту книгу. Понравилось ли тебе северное сияние? Тебе было бы интересно посмотреть на него не на рисунке, а на небе. Последнее время северное сияние не появляется: и небо не особенно чистое и слишком светло. Часов в 10 небо еще не темное, а в два – уже сумерки. Снег местами сошел, все готовятся к весенним работам, а по водорослям они уже начинаются. Морозов почти нет, лишь иногда бывают ночные заморозки и почву схватит. Впрочем, на Соловках вообще не бывает ни настоящей зимы, ни настоящего лета. Сейчас днем на воздухе немного холоднее, чем летом, а летом, в июне, может выпасть снег или случиться мороз. Как будто это не природа, что-то вроде теплицы с умеренной температурой круглый год. Возле кремлевских стен видел красные побеги, вылезшие из почвы. С весной и ты должна оправляться и розоветь, как побеги и почки, чтобы летом стать совсем крепкой и здоровой. Вероятно наш садик ко времени получения этого письма уже распустится. Напиши, прорастут ли посаженные мною лесные растения – ландыши, майники, орхидеи, папоротники? Не погибли ли в грунте зимою примулы? Когда будете ходить гулять, то старайтесь каждый раз приносить из лесу хоть немного растений с корнями, чтобы насадить их дома. Хотелось бы развести хорошую заросль папоротников и хвощей. Тут летом в лесу, и главным образом по долинкам, замечательные хвощи и папоротники. Хвощи высокие, крепкие и покрывают все, словно зеленый газ стелется по земле, а папоротники легкие, яркие, мне бывает жаль ходить среди них, думается – как бы не помять, не поломать. Кланяйся от меня бабушке и Анастасии Федоровне,¹³⁶ а когда увидишь и Софье Ивановне.¹³⁷ Старайся наблюдать, как выходят из земли растения, и как они растут, и как построены. Для наблюдений лучше всего делать зарисовки: рассмотри в увеличительное стекло и нарисуй, что увидишь в крупном размере. Вероятно с будущего года тебе придется и в школе заниматься естествознанием, вот ты и подготовишься. Узнавай названия растений, семейство, к которому принадлежит то или другое растение, особенности растения, куда оно применяется, вообще все, что придется услышать. Хорошо бы запоминать также различные легенды и рассказы о каждом растении – это может тебе сообщить мама. Крепко целую свою дорогую

дочку и еще раз целую. Будь здоровой и веселой и не забывай своего папу.

20–21 июля 1936., быв. Кожевенный завод

1936. VII.20–21. Соловки. №68. Дорогая Аннуля, давно не получаю от тебя писем, и лишь на днях пришло Олино, с обеспокоившим меня известием о болезни маленького.¹³⁸ Сообщите поскорее об его состоянии. Издалека, при дальности и заторможенности сообщения, все представляется тревожным и тяжелым. Живу я ускоренным темпом, дел накапливается все больше и все, конечно, спешные, так что не знаешь, за какое именно схватиться. Так уж устроен, что не могу не двигаться вперед и, следовательно, не создавать новых вопросов. А старые, между тем, тоже остаются и тянутся длинным хвостом. Сейчас, вот, опять новая работа вклинилась в прежние дела. 18-го ночью вернулся из 5-дневной экспедиции на один из беломорских архипелагов,¹³⁹ куда ездил с целью геолого-минералогического обследования. Удалось найти там ценные ископаемые: хороший облицовочный камень – розовые гнейсы, многочисленные пегматитовые жилы – полевошпатные и кварцевые, содержащие также слюду, магнетит и турмалин, недурной песок, а из растительного мира – большие запасы оленьего мха, ягеля. В настоящее время занят обработкой наблюдений, писанием докладных записок, анализами и проч., т.к. дело это промышленного масштаба. Поездка оставила сильные впечатления. Пришлось прикоснуться к коренным, первозданным породам, к дикой, безлюдной природе, лазать по скалам, плавать на моторной лодке с острова на остров, спать на скалах и на оленьем мхе. Пейзаж величественный и Незабываемый. Из моря выходят грибообразные шапки или словно караваи хлеба, голые, оглаженные, с крутыми, а местами совсем отвесными берегами, уходящими под большим наклоном в море. Верхняя часть этих караваев серая – от лишайев и мхов, окаймление же прекрасного розового цвета, словно освещено прощальным лучом закатного солнца. Но это – собственный тон гнейсовых пород, слагающих острова архипелага. Вблизи видишь, что они, эти породы, действительно, розовые, от бледно-серо-розового до темно-розового. Форма этих каменных шапок внушает невольное волнение всякому, кто соприкасался с геологией: типичные бараньи лбы, напрашивающиеся по совершенству в атлас или в курс лекций, но бараньи лбы гигантские, от 1 км до 2 км поперечником. Древнейшие образования мира (этим гнейсам следует считать между одним и двумя миллиардами лет) соприкасаются, непосредственно переходят в молодые ледниковые – выразившиеся в бараньелобной форме, в облизанности поверхности, с которой ледник содрал все позднейшие отложения, в многочисленных валунах,

рассеянных по многим из этих островов и в ряде других проявлений. А на скалах начинаются образования новейшие: вырастают лишай, белый олений мох, кое-где кустарники, но странного вида: можжевельник, сосна, береза, вереск и др. стелются здесь по самой поверхности скалы, как низкая трава, травянистые же растения необыкновенно низки. Все боятся подняться над скалою, очевидно из боязни ветров. На первозданных породах, древних, как мир, на этих скалистых поверхностях, не поддающихся ни молотку, ни кирке, ни зубилу, породах, о которые молотки плющатся как восковые, породах, устойчивых даже против погоды и ничуть не разрушающихся даже в течение тысячелетий, на них появляются новообразования: тонкий слой молодого торфа, признаки болот на плоских вершинах, застойные в скальных ямах лужи дождевой воды, какие-то зачатки ручейков, кое-где каплющих по отвесам. Картина первого дня творения! Но жизнь сильнее всего: растения заводятся на кручах, неприступных и совершенно голых, начинают выглядывать из трещин, – корявые, прижатые, закрученные, голодные, и все же преодолевающие скудость и суровость условий, коренящиеся неизвестно на чем, питающиеся неизвестно чем. Нет ничего сильнее жизни, и она берет свое и завоевывает себе место везде и всегда. Нужно сказать, впрочем, что эта пустынно-величественная картина несколько нарушается южными, отвесными берегами некоторых из островов. Тут, под отвесом, среди нагромождений из валунов и скальных осыпей из обломков в 1, 2, 3 метра размерами, на песчанистых отмелях уже, притаившиеся от северных ветров, завелись группы деревьев, цветут яркие и нарядные цветы. Тут растения уже оставили свою убогость, выпрямились во весь рост, раскинулись и, неприкосновенные, невидимые человеку, пользуются целосуточным светом и сравнительно теплым и мягким воздухом. Но эти южные зеленые окаймления некоторых из островов только подчеркивают некоторую суровость пейзажа. Изумительные краски закатного и еле заходящего солнца придают морю розовые, пурпурные, нежно голубые тона и кажется, словно находишься не на земле, а в сказочной стране или видишь все во сне, так оно непохоже на привычное и общеизвестное. Порою все заволакивается туманом. Гремят грозы. Одна гроза была столь сильна, по здешним местам, что повредила, ударив в радиоантенну, приемник и прервала связь с Соловками. Порою, почти внезапно, начинают дуть ветры. Море покрывается барашками, плыть на моторной лодке становится невозможным, ее качает во все стороны, как ореховую скорлупку на воде. Но столь же внезапно ветер затихает, волна прекращается, начинает светить солнце своим жемчужным, призрачным

светом. В море плещутся морские зайцы, которых ловят почти без труда. Довольно много птицы. На больших островах, где лесной покров уже развился несколько, бегают зайцы сухопутные. Один из островов, совсем голый, совсем безлесный, покрытый лишь сверху оленьим мхом да разноцветными лишаями – зеленоватыми, серыми, коричнево-черными, оранжевыми, с отвесными берегами оказался густо населенным птицей. Когда мы подъехали к нему, то уступы береговых отвесных скал были унижены птичьём. Непуганое, оно долго не разлеталось, и только от слишком большого шума все эти гаги, гагары, чистики, утки снялись неохотно со своих мест. Тогда воздух наполнился (буквально!) птицами, как комариной стаей. Потом все они перелетели на море, уселись, сгрудившись, на воду, и обширная поверхность моря стала черной, словно посыпанная маком. В расщелинах между скалами и в осыпях – бесчисленные гнезда. Бывшие с нами птицеловы набрали несколько мешков птенцов разного возраста, кажется, для отправки куда-то, м.б. в Москву, как редкие виды северных птиц. Мне было очень жалко, что нарушается безмятежный покой птичьего базара, но охотники приехали со специальным поручением, и протестовать не приходилось. VII.23. По приезде начались обычные в таких случаях последствия: доклады, вычерчивание карт, писание записок, отчетов, калькуляция предполагаемой Добычи; составляли коллекцию для отсылки в Управление, конечно, в ящике из полированного дерева. Иначе говоря, спешка, суетня и беготня. Первую стадию этих хлопот сбывли с рук. Теперь вступили в стадию более подробного анализа, черчения и т.д. для обстоятельного отчета. Мне помогает, между прочим, один студент Геолого-Разведывательного института,¹⁴⁰ с которым мы путешествовали на архипелаг и с которым вспоминаем поездку на Тиман и разные бывшие там случаи. Студент этот из Александрополя, теперь Ленинканан. Водоросли идут своим чередом, т.е. и испытания, и малое производство, и подготовка к строительству агарного цеха и, затем, комплексного завода. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля. Очень ли хлопотно тебе? Постарайся распределить хлопоты по хозяйству на всех равномерно. Еще раз целую. Целую Васюшку и маленького, кланяюсь Наташе.

28–29 июля 1936г., быв. Кожевенный завод

1936. VII.28–29. Соловки. №70. Дорогая мамочка, вчера получил твое письмо от 15 июля, в котором ты сообщаешь, что дошло мое от 24 мая. Видишь, с какою затяжкой идут вести отсюда. Поэтому не думайте, что я пишу небрежно, да и по №№ моих писем можете судить, все ли доходит до вас. – Как я уже писал, мне очень утешительно думать, что ты живешь

со всеми нашими, боюсь лишь, достаточно ли тебе спокойно. Один из моих знакомых сообщил мне, что ты бодра и молода; хорошо бы, если только это у него не поверхностное впечатление. Ты полу-спрашиваешь, почему я возвращаюсь к впечатлениям детства. Прежде всего потому, что внутренний мир выкристаллизовывается около них и ими существенно определяется. А затем, думается, и тебе прошлое не должно быть чуждо, хоть ты и стараешься о нем забыть. Я не понимаю этого. Если жизнь вообще имеет смысл и ценность, то забывать прошлое – неблагоприятность и неразумие, ибо все становится прошлым, и тогда вся жизнь в сумме должна оказаться чистым нулем. Память о прошлом есть и долг и содержание жизни, и нельзя ценить настоящее и пользоваться им, если оно не коренится в прошлом. И наконец, жизнь, смыкаясь, под старость извращается к детству, таков закон, такова форма целостной жизни. Если у тебя этого еще нет, то свидетельствует это забвение лишь о твоей молодости: ты еще не дожидаясь близости с давнопрошедшим. Человеческую личность можно образно представить в виде горы, сложенной различными формациями: все эти формации сохраняются в личности, хотя ярко выступает в сознании лишь та, на которой стоит нога в данном возрасте, остальные же – в подсознании. Мы живем, поднимаясь на гору жизни, затем доходя до вершины жизни и, наконец, спускаясь. Но восходя, мы проходим напластования своей личности в одном порядке, а нисходя – их же, но в порядке обратном. Каждому этапу роста соответствует этап старения, и тогда возвращаются те же интересы, те же мысли, та же настроенность, хотя все это и в иной тональности. VIII. 4–5. Поздравляю тебя, дорогая мамочка, с прошлым праздником 24 (11) июля.¹⁴¹ Живу я так отрешенно от времени, что никогда не знаю без надлежащей справки, какое в данный день число, только... (пришлось оборвать письмо, не помню, что хотел писать). VIII. 6–7. Один знакомый спрашивает меня, почему я ничего не пишу о Соловецких звуках, – только о цветах и формах. Потому что здесь все беззвучно, как во сне. Это царство безмолвия. Конечно не буквально, всякого досадного шума более, чем достаточно, и хочется скрыться куда-нибудь в тишину. Но не слышишь внутреннего звучания природы, не воспринимаешь внутреннего слова людей. Все скользит, как в театре теней, а звуки присоединяются извне, досадным придатком или шумом. Это очень трудно объяснить, почему ничто не звучит, почему нет музыки вещей и жизни, я и сам по-настоящему не пойму, но все же музыки нет. Лишь морской прибой (его приходится слышать очень редко) да завывания ветра не вполне вмещаются в такую характеристику Соловков. Ну, а также и внешние

причины усиливают это впечатление: не раздаются трамвайные звонки, не гудят автомобильные рожки, не стучат экипажи, не слышно стука поезда – изредка лишь раздается паровой гудок, не вырывается ниоткуда песни или смеха. Радиопередача врывается чуждым началом, которое не оживляет, а лишь щекочет нервы. Поэтому мне и кажется, что отсутствие описания звуков само по себе описывает Соловки, и гораздо точнее, чем если бы начал говорить о звуках. Целую тебя, дорогая мамочка, береги себя, пользуйся летом, будь здорова.

13 августа 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогая мамочка, воображаю, как жарко у вас, если и тут, при полярном круге, стоят жары и духота. Хорошо еще, что ты не в Москве и можешь сидеть на воздухе. Я часто радуюсь твоему пребыванию в Загорске, хотя и не уверен, что тебе там достаточно спокойно. Но вероятно жара тебе полезна, ведь после Тифлиса ты оправилась. Жары жарами, а лето явно кончается. Уже выросли чайчата, чайки с криками беспокойно летают над Кремлем и над Святым озером, видимо готовятся к отлету. Но осень чувствуется по всему. Погода стала неустойчивой. Первую половину дня парит, душно, жарко, во вторую поднимается ветер и становится холодно, или наоборот. Сегодня всю ночь и с утра шторм и довольно холодно, совсем осень. Наверное дети не ходят в лес, не с кем, очень жаль. О тебе не говорю, ты конечно за пределы забора не показываешься, но сравнительно с Москвою и склон Пионерской – природа.¹⁴² Недавно попался мне том Достоевского, в котором не менее трети страниц по разным местам выдрано. По поводу этого тома я задумался снова: как история проявляет худшее и лучшее, отстаивает муть и выделяет классиков. То, что современникам кажется почти равного удельного веса, в процессе исторического отстаивания обнаруживает глубокое качественное различие. Сперва все кажется серым, а потом одно становится черным, а другое – белым. Мысль утешительная, что есть высший суд – истории. Так вот, в частности, и Достоевский: хорошо сделано. Можно не соглашаться с настроениями и мыслями автора, возражать против предмета его внимания и т.д., но с любой страницы видишь, что сделано хорошо: построено, композиционно, не представляет груды сырых впечатлений, целеустремленно. К стилю Достоевского подходит и его коренной недостаток: полное невнимание к природе. Видишь только стены, даже Нева не чувствуется. Но как человек может жить в такой бесприродной пустоте – мне непонятно, как вообще непонятна городская жизнь, вне пейзажа, без скал, воды, зелени, почвы. Естественно, что в таких искусственных условиях возникает и

иллюзионистичность мироотношения и изломанность всех человеческих чувств. Когда-нибудь впоследствии люди будут с ужасом думать о городах и о городской жизни, как о добровольной тюрьме, с происходящими отсюда последствиями – выдуманных задачах жизни, мелочности интересов, искусственно созданных страстях, засорении души трудностями, развеивающимися при соприкосновении с природой, искусственно поддерживаемой духотой атмосферы. Сдуюсь, что моя жизнь прошла почти вне города и хотел бы, чтобы дети были еще дальше от него. Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Будь здорова, заботься о себе, кланяйся Люсе.

18–19 августа 1936 г., быв. Кожевенный завод

1936. VIII.18–19. №72. Соловки. Дорогая Аннуля, вчера получил я наконец ваши письма, от 5 и 3 (7) августа, но не на радость. Последнее время я ходил ошеломленный и подавленный, угнетало ощущение чего-то тяжелого. И вот ваши письма объяснили причину этого состояния. Очень люблю и издали чувствую маленького, как раньше чувствовал Васюшку и других детей. Его болезнь ранила меня. Правда ваше долгое молчание я объяснял именно болезнью его, но все же, когда узнал от вас, то не нахожу себе места. Надеяться могу только на чудо, т.к. вынести такую болезнь и в таком возрасте невозможно.¹⁴³ Мучительно сознавать, что я не видел маленького, что я не с вами в такой момент. Это вроде твоей болезни, когда родился Мик. И приходится оставаться в томительной неизвестности, получая письма, хорошо если через 10 дней. Ты пишешь о свидании. Я не просил такового и далеко не уверен, что его дадут. Но если бы и дали, то не хочу его: в этом году свидания так называемого личного не разрешают, а кому дается свидание, то только общее, т.е. на 2 часа несколько раз, в присутствии посторонних лиц, при условиях, которые сделали бы и тебе и мне свидание мучением. Лучше не видеться никак, чем так. И наконец, тебе сейчас нельзя оставлять дом – детей, бабушек, Васюшку. Находясь с ними, ты находишься именно со мною, а ты кажется забываешь об этом. Относительно устройства Оли – что же я могу сказать тебе, кроме повторения твоих же слов: ведь мне неизвестны условия и возможности, а мои желания – дело слишком маленькое, т.к. они бессильны. Во всяком случае против курсов иностранных языков не возражаю, т.к. знать языки совершенно необходимо, чем бы Оля ни стала заниматься впоследствии. Одно только, не будет ли ей слишком трудно трижды в 6 дней ездить в Москву. Впрочем об этом судить отсюда слишком трудно, т.к. мне неизвестно, насколько наладилась электрическая железная дорога и очень ли переполнены вагоны. Вот видишь, если бы мы

и смогли разговаривать устно, я не знал бы, что ответить на твои вопросы. Все думаю или, точнее сказать, страдаю о маленьком, он у меня перед глазами, и работа валится из рук. Непременно скажи Васе и Кире, чтобы они брали себе материалы и мысли из моих данных, какие могут пригодиться им в работе; только, опасаясь, они не сумеют разобраться, что нужно к чему, т.к. мои записи делались применительно к темам, которые я держал в голове (некогда было записывать и их), и кроме меня кому-либо трудно разобраться в подготовительном материале. Твои ответы о Павле Николаевиче я получил, но только теперь, в последних письмах, раньше же ты или не писала ничего, или эти письма до меня не дошли. Очень грустно, что занятия мерзлотою не удастся возобновить. Все то, чем занимаюсь я сейчас, важно экономически, но по существу гораздо менее ценно, чем то, что я надеялся дать при работе над мерзлотою. А кроме того, я живу здесь хотя и в особо благоприятных условиях, но тем не менее в слишком шумной и людной заводской обстановке, и сосредоточиться на углубленной проработке нет никакой возможности: даже ночью нет ночной тишины, заводская жизнь идет непрерывно и сам с собою до конца не остаешься и в 4 часа ночи, как, например, сейчас. За перегородкой ходит сторож, временами приходит еще пожарник. Внизу урчит пар, качают насос, льется вода, ходят, говорят. Порою ко мне является за чем-либо рабочий из цеха, или мне самому приходится спускаться туда. Помимо технических вопросов – и чисто экономические. Ведь надо, для блага тех же рабочих, поддерживать их производительность на уровне более 200% от плана – это дает им и предприятию разные преимущества. Мелкая хозяйственная забота, вместе с невозможностью уединиться, заедает и силы и внимание. Конечно, по ряду вопросов приобретаются и знания, и навыки, и углубление. Но все же эти вопросы не непосредственно связаны с моими задачами и потому в моем возрасте должны рассматриваться как помеха или как расточительность. Зачем, например, мне изучать тонкости техники химического анализа, когда я вовсе не собираюсь специализироваться по аналитической химии. А впрочем, так невозможно заранее предвидеть, что и к чему понадобится, что приходится молчать и усвоить то, что посылается.

VIII.24. Письмо это пришлось прервать, т.к. я уезжал на несколько дней в командировку. Вчера вернулся. Надеялся на письмо от тебя, но обманулся. В таком состоянии тревоги трудно писать, но завтра утром – последний срок августовских писем и надо как-то закончить письмо. Напишу о своей поездке.¹⁴⁴ Ездил на острова, не на те, на которые собирался, а на ближние, в 10 км от Кремля. На одном из них

командировка Йодпрома по сбору выброшенных водорослей и драгировке водорослей из моря. Там же идет пережог одних водорослей и сушка, для комплексной переработки, – других. Бродил по островам, делая наблюдения геологические и альгологические (альгология – отрасль ботаники, занимающаяся водорослями: algae – водоросли). Выезжал на байде с драгировщиками. Переезжал на соседний остров. Объезжал его кругом. Словом жил, как мечтают мальчики, – по-Робинзоновски.¹⁴⁵ Туда поехал на кавасаки. Так называется небольшое плоскодонное и очень устойчивое судно, бот, впервые выпускавшееся японской фирмой Кавасаки и затем усвоенное другими. Попросту, это маленький плоскодонный пароходик. Назад ехал на баркасе, частью под парусом из рваной тряпки, частью под веслами. Утлая скорлупка, плывущая по морской поверхности, глубоко сидящая в воде, готовая вот-вот захлебнуться. Но ^плыть под парусом интересно. Все кажется, что баркас неподвижен, и только опустив руку в воду, замечаешь его движение, и притом быстрое, по струям, обтекающим пальцы. 10–12 километров прошли в 2 часа, включая сюда отправление и время на высадку, проверку документов и прочие затяжки. Это путешествие заставляло меня вспоминать Одиссея, хотя его судно было и побольше нашего. – Крепко целую тебя, дорогая Анну-ля и жду письма. XI.3. Сейчас число писем сокращено, это не удалось послать своевременно. Я здоров, все благополучно. Путешествую по острову.

22 ноября 1936 г., быв. Кожевенный завод

1936.XI.22. Соловки. №81. Дорогая Аннуля. Настала настоящая соловецкая осень. То подморозит, то снова растает. Грязь. Порой холодный северный ветер. Неожиданно прояснится, и небо расцветивается нежнейшими чудесными тонами. Теперь ведь уже близко время, когда «одна заря сменить другую спешит»,¹⁴⁶ как и летом, но с другого конца. Сегодня около 9 ч. утра шел по дороге к Кремлю. Небо было моего любимого, зеленоватого тона, прорывающегося через сети розовых облаков, розово-серых, сиреневых. В такие дни особенно тоскливо. Вспоминаетесь вы. Но, кажется, единственное, что я могу сделать – это рисовать вам водоросли, которые мне самому особенно понравились. В настоящем письме присылаю одну, в нескольких видах, то есть при различных увеличениях, – известковую водоросль из семейства кораллиновых. К сожалению не могу определить ее ботанического вида за отсутствием определителя. На днях получил письмо от мамы. Ответил ей, а там же пишу Кире и Мику. Часто вспоминается, как я встречал вас в Сквородине и проводил на квартиру, как помогал тебе умыться с

дороги.¹⁴⁷ С тех пор идет, вот, уж третья зима, а я все не вижу тебя. XI.23–24. Но лишь бы вы чувствовали себя бодро, были здоровы и благополучны. Но в том-то и дело, что нет у меня уверенности ни в том, ни в другом, ни в третьем. В частности беспокоит Кирилл – ты писала, что он грустный, неизвестно от чего. В твоём письме было также, что он недостаточно усердно занимается. Верно ли это? М.б. просто устает за неделю и потому старается отдохнуть в выходной день. Относительно Мика я в душе уверен, что его отлынивание от серьезных занятий – временное и что потом он резко изменится. М.б. и лучше, чтобы он был побольше на воздухе и не переутомлялся, раз он все еще слишком нервный и слабый. Но, тем не менее, мне хотелось бы, чтобы Мик набирался побольше конкретных впечатлений – от природы, искусства, языка. Очень важно приступать, впоследствии, к серьезным занятиям, с багажом восприятий, а не строиться в пустоте и отвлеченно. Тогда, если будет этот запас конкретных образов, цветов, запахов, звуков, вкусов, пейзажей, растений и т.д., то этот запас может легко оформиться и дать твердую почву для отвлеченных построений. Если же его нет, если понятие не сопровождается образом, если отвлечение – только отвлеченно, то оно лишено какой бы то ни было цены и скорее вредно, чем полезно, для развития ума: становится мертвящей догмой, обуживает дух, лишает его свободы и творчества. Это будет в плохом смысле слова система. *Systemglaube ist Aberglaube*, – сказал Новалис, – Системотверие есть Суеверие.¹⁴⁸ Люди нового времени, начиная с эпохи Возрождения, все более и более заражались Системотверием, подменю чувства реальности отвлеченными формулами, которые уже не несут функции быть символами реальности, а становятся сами суррогатом реальности. Так человечество погружалось в иллюзионизм, в утрату связи с миром и в пустоту, а отсюда и необходимое следствие – скука, уныние, разъедающий скепсис, отсутствие здравого смысла. Схема, как схема, сама по себе, неконтролируемая живым восприятием мира, не подлежит и серьезной проверке: всякая схема может быть хороша – в смысле удачно сама в себе построена. Но мировоззрение – не шахматная игра, не построение схем впустую, без опоры в опыте и без целеустремленности к жизни. Как бы ни была она сама в себе остроумно построена, без этого основания и без этой цели она лишена ценности. Вот почему я считаю совершенно необходимым в молодом возрасте накапливать конкретное мировосприятие и лишь в более зрелом оформлять его. Конечно, мне хотелось бы помочь Мику углубиться в то, что он видит своими глазами, но это – не главное, надеюсь, что выберется сам в свое время. Крепко целую тебя, моя дорогая.

Очень сейчас неуютно – дует ветер, свистит, воеет, по комнате проносятся холодные порывы.¹⁴⁹ Тем крепче вспоминаю вас.

10–11 декабря 1936 г., быв. Кожевенный завод

1936. XII. 10–11. Соловки. №83. Дорогая Аннуля, 8-го декабря получил твое от 20–23 ноября, № 32, а также письма Васи, Наташи и Кирилла. Сегодня, 10-го, я ездил на одну из командировок, в Ю-В части остро-ва,¹⁵⁰ и вернувшись, пользуюсь завтрашним выходным днем, чтобы написать вам. Сперва расскажу о поездке. Экипаж у нас был необычайный: санная платформа, на которой в ширину свободно сидели 3 человека и могли бы взять четвертого, а в длину раза в 1^{1/2} больше. Платформа – на прицепе к трактору фортзон. Из-под трактора несутся клубы черно-желтого дыма, временами под трактором вспыхивает пламя, раздается выстрел и разносится копоть. Снег только что напал, тонкой пеленой, так что на валунах (здесь бесчисленных), в колеях песчаных дорог и на корнях получаются сильные толчки. Скорость порядочная, несмотря на препятствия. Едем лесной дорогой, местами берегом моря. Приходится быть бдительным и наклоняться, чтобы не задела ветвь, выступающая на узкую дорогу. Платформа несется между стволами и, задевая дерево средней величины (вроде елей в нашем саду), опрокидывает и ломает его. Светлое время теперь коротко: это либо восход, либо закат. Но зато краски неба и облаков совсем необыкновенны. Небо было изумрудное, облака серо-сизые, розово-фиолетовые, индиговые – все в благородно-сдержанной гамме, без крикливости и яркости, но чистое по тону. Вместе с бурым белесо-зеленоватым, а временами почти черно-индиговым, морем, бурными валами водорослей, снежной пеленой и апельсиновым солнцем, мечущим снопы лучей, словно пылающим длинными выбрасываемыми пламенами, и свирепым нордом на берегу, холодным, едва не опрокидывающим, все слагалось в картину прекрасную и безотрадную. Словно человечества и уюта еще нет или уже нет. К тому же, мыс, на котором расположена командировка, вдающийся ледниковой грядой в море, каменистый в высших точках (40 м) и болотистый в низинах, почти безлесен – виднеются лишь кривые, корявые, с сильно наклоненными или даже горизонтальными стволами березы Кузьмичева да торчащие из снежного покрова веточки вороники (чернухи, *Empetrum nigrum* L.). Сбиваемый ветром с ног, набрал из выбросов различных водорослей в холщовую сумку, с которой не расстанусь во время экскурсий, прозяб и пошел к водорослево-сжигательной печи. Это огромная печь, вроде плиты, на которую накладываются груды сырых, слегка подвявших водорослей.

Здесь нижние слои сгорают и озоляются, а верхние за это время успевают подсохнуть за счет теплоты горения нижних и тепла печи. Печь заключена в легкую постройку, типа барачного. От водорослей идут клубы белого дыма и пара, распространяя сильный, но не противный и не едкий, запах, очень своеобразный, вроде смеси запаха горячей калоши, подгоревшей яичницы и сдобных куличей. Печь раскалена, к ней близко, когда дверца открыта, не подойдешь. Подсушил перчатки, порасспросил рабочих о пережоге и вообще о работе и наблюдал пламя. Странное явление: в то время как от дров, сосновых, пламя обычное, золотисто-желтое и золотисто-оранжевое, жар дает пламя явственно зеленое, красивого золотисто-зеленого цвета, хорошо сочетающегося с оранжевым самого жара. Сперва я подумал было, что этот цвет обусловлен золою водорослей, но меня убедили, что зола в жар не попадает и что такой же цвет пламени получается от жара в бараке, где водорослей вовсе нет. Подобный цвет мог бы быть вызван присутствием Cu , V , Tl , Ba , но заподозрить сколько-нибудь значительное содержание этих элементов в дровах нет оснований. Остается предположение, что их содержит местная глина, из которой выделяется кирпич для пода печи; если так, то содержание элемента, дающего пламени зеленую окраску, должно быть значительно, поскольку подвергался накаливанию в терние многих месяцев, если ни несколько лет, *непрерывно*, а выделяться обсуждаемые пары могли лишь из поверхностных слоев кирпича. К сожалению, без спектроскопа решать вопрос, с каким именно элементом имеем мы здесь дело, очень затруднительно. – Отвечаю теперь на твои вопросы и мысли. Ты пишешь: «Как странно и пожалуй тяжело смотреть, как наши чувства переживаются другими, а самой быть в стороне». Мысль правильная, если говорить о «других». Но для высшего человеческого сознания «других», т.е. кого-то, стоящего вне меня, мне противостоящего, просто нет, ибо Я расширяется на все бытие и находит себя же во всяком. Это – для высшего сознания. А для нашего, среднего, дети – не «другие», а то же Я. В этом смысле не понимаю тебя. Разве Васюшка не часть нас самих, не продолжение и не расширение нас? Говорю не о том, что должно любить, а о том, что просто есть. Детей, если бы и хотел, не могу воспринимать извне. Вот почему, когда говорят «много ли детей?», или «сколько детей?», я не знаю, что ответить: ведь много и сколько относится к однородному, к единицам, стоящим вне друг друга и вне того, кто считает. А своих детей я воспринимаю настолько изнутри, каждого как качественно отличного от другого, что не могу считать и не могу сказать, много ли их или мало. Сколько и много возникает там, где единицы заменимы (в этом их

однородность). А каждый из детей незаменим и единствен, и потому их не много и не мало, им нет счету. – Спрашиваешь об аппарате, фотографическом. Конечно, все лишнее продай, к чему копить вещи, не связанные с какими-либо особыми воспоминаниями и неупотребляемые. Думаю, может продать (если только купит кто-нибудь) и ящичный мой аппарат (в черной коже). Вот аппарат для проявления на воздухе тоже следовало бы сбыть с рук, но имей в виду, что там недурной объектив, м.б. следует его приберечь. – Крепко целую тебя, дорогая Аннуля. Будь здорова и весела. Спроси Мика, верно ли мнение, что при готовке кушанья вода, раз вскипяченная, а затем остывшая, при вторичном нагреве закипает труднее, чем свежая. Если верно, то чем это явление объясняется?

18–19 декабря 1936 г., быв. Кожевенный завод

1936.XII.18–19. №84. Соловки. Дорогая Аннуля, только что вернулся из посылочного бюро, где получил твою посылку. Что же тебе сказать о ней? То же, что и раньше говорил? Дала бы ее содержимое детям и себе самой, насколько было бы это мне радостнее. Вчера тоже был в посылочном бюро – отправил вам свою посылку.¹⁵¹ Однако опасаясь, что без объяснений она не покажется вам достойной внимания. В частности, водоросли, наложенные безобразной массой сверху, очень интересны. Их вид до известной степени вы сможете воспринять, если размочите водоросли или части их в воде. Уложить более аккуратно и снабдить определениями я не смог, так как не было места в ящике. Впрочем по мере присылки моих рисунков вы будете узнавать, как называется та или иная водоросль. Яйца – пестренькие чайки, гладкое – гаги, пух гагачий из гнезда. Розовый кварц положи на память обо мне себе на стол; найден этот минерал на Соловецком острове, валун, большие куски которого лежали у меня, а один – на столе передо мною (помнишь Олино ожерелье из розового кварца?). Слюда – с Кузовых островов. Крабы и морские звезды Соловецкие. Гранаты – выбиты из амфиболитовых валунов, тут встречаются такие со множеством красных включений. Большая водоросль – маленький экземпляр *Laminara digitata* (они бывают длиной более 3 м), повесь ее на стене. Из этой водоросли добывают йод, бром, мнит, альгин, пектиновые вещества, калийные соли, водорослевая целлюлоза. Черная палочка – «стебель», то есть ножка, такой же ламинарий, но довольно большого размера, ссохшийся, он был толщиной около 3 см. Сделайте из него хотя бы ручку или еще что-нибудь. Водоросли и их части обязательно смотреть под микроскопом, только тогда открываются их красота и интересность. Раковины и губки – Соловецкие. Белые и розовые наросты и корки на раковинах и на некоторых водорослях – это известковые

водоросли семейства Corallinaceae, подсемейства Melobesieae – мелобизиевых. Коллекцию хотите – сохраняйте как она есть, хотите – поделите между собою, лишь бы доставить вам всем маленькую радость. Шапку посылаю Васюшке, а если не пригодится, Кире; впрочем делай, как знаешь сама. Надоела она мне очень – 3 года сплю на ней, заложив в свою импровизированную подушку, и совсем истрепал, хотя и не носил. Морской пейзаж – это Кузова, написан знакомым художником по моей зарисовке; впрочем он был и сам на Кузовах, но в другое, более зеленое, чем я, время, поэтому и вышел пейзаж слишком обыкновенный, веселый, земной, тогда как на самом деле он должен быть неземной, величаво-дикий, первозданный. Это впечатление, к сожалению, на изображении не передано. Если будете делить коллекцию, то не забудь дать что-нибудь Наташе и маленькому. Да, еще: перья – чаек, крыло, кажется, гагарки (тут есть гаги, гагары и гагарки – все это разные птицы). – Пейзаж повесь себе, вспоминая, что изображение места очень пришлось мне по душе (я писал вам о них летом) – перечти соответствующее письмо. Я чувствую большую благодарность руководству отделением и цензору, разрешившим послать вам эту коллекцию; конечно, она, коллекция, не представляет научного интереса, но мне хотелось вещественно связать вас с предметами моего внимания и работы, а также ввести детей в круг объектов, для них новых. Дорогая Аннуля, из твоих писем, особенно из последнего, на меня повеяло чрезвычайной усталостью и унынием. Я ощущаю твое настроение, сквозящее между строк, которое меня пугает. Разговорами тут не поможешь, но ты должна принять меры. Прежде всего ты недоедаешь и недосыпаешь, неужели нельзя сделать что-нибудь, чтобы улучшить эти условия. Старайся не тратиться на то, без чего можно обойтись, но питайся лучше. Вот, я боюсь, Тикины головные боли не от недоедания ли? Надо повесить ей и всем количество жиров, это непременно, во что бы то ни стало. То же относительно Мика. М.б., и раздражительность его от недостаточного питания. Что же касается до нравственной усталости твоей, то мне она конечно вполне понятна. Но вспоминай почаще, что я всегда думаю о вас, думаю больше, чем если бы был с вами, и внутренне всегда забочусь о вас. Может быть тебе будет легче. С душевной усталостью можно и должно бороться. Непременно читай, что-нибудь хорошее, слушай музыку, смотри картины, рисунки. Вообще делай свою жизнь наполненной предметами более достойными. Нельзя опускаться и распускаться, нельзя суживать свой кругозор на одних мелочах жизни. Кстати, получив твою посылку, я не получил объяснений к ней. Там, например, содержится красивое вышитое полотенце, но я не знаю, кто его

вышивал. Кто шил платки? Оля спрашивала в письме, следует ли Тике ставить отметки поснисходительнее или по строже? Так как в письме к Оле не осталось места, то пишу тебе. Конечно, надо Тику по возможности ободрять и внушать ей уверенность в себе. Поэтому надо возможно больше помогать ей в приготовлении уроков, по много раз спрашивать их у нее, не только вновь пройденное, а и старое, в разбивку, невзначай, чтобы знания не лежали в голове мертвым комом. Отметки ей надо ставить по щедрее, чтобы создать в ней легкое и бодрое настроение, а тогда дело наладится и пойдет далее само собой. Ты не писала мне, получили ли вы в №80 стихи; сообщи. Хочется послать вам еще, но нет места. Целую тебя, дорогая Аннуля, заботься о себе и о детях и будь веселой, главное же старайся отдыхать. В этом письме посылаю контуры некоторых характерных растений Приполярья и рисунок известковой водоросли с трубочками.

3–4 января 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937. I.3–4. Соловки. №86. Дорогая Аннуля, хотелось мне написать вам ночью, при наступлении 1-го числа нового года, но не удалось. Но я особенно усиленно думал о вас и радовался мыслию, что вы в это время собрались вместе.¹⁵² Получил твое №36 от 21 декабря, и быстро – 30 декабря. Буду отвечать по порядку твоего письма. Рисунки на восковке тебе напрасно нравятся. Ведь это просто копии с книги, и притом очень плохие, т.к. у меня нет хорошего пера и, кроме того, на восковке нельзя провести тонкую линию. Рисунки же на бумаге – с натуры и, кажется, таких рисунков вообще нет; кроме того они точны, т.к. все делается по точному промеру и в масштабе. Посылаю 4 таблицы по штудированию водоросли полисифонии – *Polysiphonia urceolata, forma roseola*, эту же водоросль Гоби назвал *Polysiphonia pulvinata*. Невзрачная и небольшая, она обладает однако весьма замечательным строением (состоит из отдельных, сросшихся пучками и заключенных в общий футляр трубочек-сифонов, стенки которых покрыты красным пигментом), а главное глубокою древностью своего происхождения: ее относят к докембрийским временам, т.е. к началу зарождения жизни и формирования современной земной коры.¹⁵³ Кроме того присылаю 2 зарисовки на Кузовах с лишаяв: лишай (черное и зеленое – лишай, розовое и серое – обнаженная каменная порода) растут циклически, концентрическими нарастаниями, это очевидно годовые кольца их, когда в благоприятный сезон развиваются массивные участки слоевища. Я не успел зарисовать, но наблюдал там же случаи 7-ми концентрических колец, правда не всегда полных. Не знаю, делалось ли подобное наблюдение как-нибудь, но скажу, что в других местах эта цикличность дается лишь намеком и невнятно, лишь на

Кузовах я видел, но повсюду там, выраженной ярко. Не знаю, стоят ли чего мои рисунки, но делая их, я все время думаю о вас и для вас их делаю.

Спрашиваешь, что такое альгинат. В бурых водорослях (ламинариях, фукусах и нек. др.) содержится в свободном виде и в виде соли кальция особая, больше нигде не находящаяся, органическая кислота, называемая альгиновой, т.е. водорослевой, или просто альгином. Соли этой кислоты называются альгинатами, с добавкой названия того металла, с которым кислота связана. Что такое химический альгин, до сих пор точно не установлено, но есть данные и утверждения, что это осложнение маннуроновой кислоты. Впрочем это тебе ничего не говорит. Альгин не растворим ни в воде (в ней набухает), ни в других растворителях, но растворяется в растворе соды или щелочей, химически переходя в альгинат натрия или калия. При доливании минеральной кислоты альгиновая к-та теряет свой металл и выделяется в виде полупрозрачных клецок – совсем медуза. То же происходит при введении в альгинат натрия или калия солей тяжелых или щелочноземельных (кроме Mg) металлов: образуются нерастворимые, но набухшие, студнеобразные их альгинаты. На этом превращении основан ряд применений альгината натрия: его наносят в виде раствора, а затем превращают в альгин или в нерастворимый альгинат, получается по разбуханию упругая, нерастворимая, прозрачная пленка, не вспыхивающая на огне. Вот напри-мер бумага, на которой нарисована была анфельция в виде кустика или ризоиды¹⁵⁴ ламинарии – она сделана мною из фильтровальной путем пропитки альгинатом натрия и обработки кислотой: получилась нерастворимая в воде проклейка. Пока достаточно. Пишешь о маленьком¹⁵⁵ и о моем отце. Мне кажется, по некоторым данным, он всегда был в тревоге и когда я был маленьким, а под конец жизни – в непреодолимой тревоге за маму и за нас, и попытки успокоить его вызывали сильное раздражение. Это было болезненное состояние, отчасти вызванное физической болезнью, но может быть последняя сама обострялась от тревоги нравственной.¹⁵⁶ Но не будем заглядывать в будущее, никому неведомое. Пусть маленький растет, окруженный любовью и лаской, пусть питается культурно и живет, не зная заботы. Наше дело взять заботы и тревоги на себя. А кроме всего, ведь жизненная задача – не в том, чтобы прожить без тревог, а в том, чтобы прожить достойно и не быть пустым местом и балластом своей страны. Если попадаешь в бурный период исторической жизни своей страны и даже всего мира, если решаются мировые задачи, это конечно трудно, требует усилий и страданий, но тут-то и нужно показать себя человеком и проявить свое достоинство. Что же, были мирные и спокойные периоды.

Но разве большинство использовало эти годы спокойствия? Конечно, нет, занимались картами, интригами, пустословием, делали очень мало достойного внимания. Были ли удовлетворены? Нет, томились от скуки, куда-то рвались, даже кончали самовольно счета с жизнью. Оглядываясь назад и просматривая свою жизнь (а в моем возрасте это особенно надлежит делать), я не вижу, в чем по существу я должен был бы изменить свою жизнь, если бы пришлось начинать ее снова и в прежних условиях. Конечно, я знаю за собою много отдельных ошибок, промахов, увлечений – но они не отклоняли меня в сторону от основного направления, и за него я не упрекаю себя. Я мог бы дать гораздо больше, чем дал, мои силы и по сей день не исчерпаны, но человечество и общество не таковы, чтобы сумело взять от меня самое ценное. Я родился не вовремя, и если говорить о вине, то в этом моя вина. М.б. через лет 150 мои возможности и могли бы быть лучше использованы. Но, учитывая историческую среду своей жизни, я не чувствую угрызений совести за свою жизнь в основном. Скорее наоборот. Раскаиваюсь (хотя это раскаяние не доходит до глубины), что относясь к долгу страстно, я недостаточно расходовался на себя, – под «на себя» разумею вас, в которых ощущаю часть самого себя, – не умел радовать и веселить вас, не дал детям всего того, что хотелось бы дать им. – О Тике. Я уверен, что ее малые успехи происходят вовсе не от недостатка способностей, а от растерянности, неуверенности в себе и застенчивости, а также от недостаточного развития внешнего. Надо ее ободрять, помогать ей, так чтобы она стала на ноги уверенно, разговаривать с нею, читать ей и заставлять читать – пусть читает, что ей нравится, хотя бы и не первого сорта – лишь бы привыкла к чтению. Надо разрыхлить ее знания, а для этого заставлять комбинировать их в различных и дальних сопоставлениях, ну хотя бы путем фантазии. Пусть, например, рассказывает воображаемое путешествие, решает казусы из разных областей. О Мике. Он переживает переходный возраст, который всегда дается нелегко, а при нервности и одаренности особенно трудно. Нисколько не сомневаюсь, что Мик будет тебя радовать, что он выровняется. Пока же надо, не распуская его и относясь с твердостью, просто ждать, ждать терпеливо и с надеждой. Он стремится из дому, т.к. ищет впечатлений. Постарайтесь дать ему таковые, пусть Вася и Кира приучают его разбираться в коллекциях, делать кое-какие наблюдения и опыты, записывать, чертить, собирать материал по вопросу, который его более или менее занимает, например по фотографии. Это и пригодится ему в будущем, и введет в русло в настоящем. Старайся завести в доме привычку (хотя бы отдельными фразами) к иностранному языку, только

так можно освоить язык. Пусть это будут, наконец, отдельные слова, пусть не совсем правильно: надо разбить внутреннее сопротивление и одомашнить язык, который воспринимается не как нечто применяемое, а лишь как школьный предмет. В этом – вся беда. Пусть же он будет в употреблении, хотя бы и неумелом. – Птичку попроси подкрасить для маленького Никиту¹⁵⁷, для этого ему надо не более четверти часа и можно сделать на месте. – О тебе. я писал вовсе не о кухонно-квартирной твоей нужности (тоже важной, впрочем), а о твоей необходимости *Аля* детей, как источнике тепла, любви, как о связи их между собою. Они же все тебя очень и очень любят, но по обычаю людскому относятся небрежно, потому что это уже есть у них. Откуда приезжает Елена Владимировна?¹⁵⁸ На Наташу напрасно досадуешь, было бы плохо, если бы она отбросила все, что получила от матери, какова бы та ни была (я ее не знаю и не представляю себе). Но пусть Наташа видит лучшее, тогда усвоит. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля и еще раз целую.

4 декабря 1937 г., быв. Кожевенный завод

ХII.4. Дорогой Мик, хорошо, что в Загорске построен дом пионера и притом нарядно и занимательно украшенный. Но грустно, что развелись автомобили, грузовики и прочие источники порчи воздуха и тишины. На моих глазах, с 1904 г., когда я впервые попал на место нашей жизни, тихий, с чудными окрестностями Посад постепенно перерождается в шумный Московский пригород Загорск,¹⁵⁹ и все милое, ради чего я держался Посада, уходит в воспоминания. Уже нет ни прежних лесов, ни прежних грибов. Ни прежних озер (кажется), ни прежней непуганой птицы и белок, ни прежнего изобилия рыбы. Особенно резко пошло это изменение с 1914 года, когда в Посаде расположились войска, переглушили рыбу, распугали птицу. Человек – враг самому себе, и где он появляется, там начинает портить условия своего собственного существования: мусорить, грязнить, истреблять. Но к сожалению, так было испокон веков и нужна очень высокая степень культурности, чтобы задерживать эту вредность человеческой деятельности. Посмотри, у нас: никто не хочет закрывать за собою дверь, хотя самому же будет холодно. Никто не хочет подумать, что истребляя (без нужды!) цветы, деревья, птиц – он сам же лишится всех этих красот. Никто не заботится о чистоте – бросает всюду бумажки, жестянки, стекло, тряпки – а потом самому тошно смотреть. Такое же отношение и к общественному имуществу, и к общественному порядку. Лишь бы вот, сейчас, себе, без труда, урвать что нужно и даже не нужно, а последствий никто не учитывает. Поступай так, чтобы твое поведение могло бы стать правилом

для всех. Если взвесишь, что вышло бы, если бы все стали поступать так же, как ты сам, то убедишься, что общество начало бы разрушаться и вообще жизнь наступила бы невыносимая для всех и в том числе для тебя. Поэтому старайся вести себя так, чтобы твое поведение, повторенное каждым, дало бы жизнь если не совершенную, то хотя бы сносную. – I.6

Как видишь, дорогой, это письмо весьма задержалось: отчасти по недосугу, отчасти потому, что хотелось послать вам рисунки, а закончить все не мог. Сегодняшний вечер особенно вспоминаю о вас, тем более, что на Соловках теперь невыразимо уныло и мертво. Море начало подмерзать у берегов, и вероятно на днях будет последний пароход; зима настоящая и бодрая еще не наступила, температура колеблется около нуля, то на несколько градусов ниже, то слегка выше; дует неприятный холодный ветер, свистя и завывая в окнах, плохо замазанных, проносясь по комнате; в комнатах холодно; солнца не видно, все небо серо и неприглядно. Трудно поверить, что теперь декабрь, даже январь, впрочем, и это у полярного круга. Эта зима напоминает мне Черноморское побережье, лишь несколькими градусами температура ниже того, что привычно мне с детства. Однако там зима тянется 1–2 месяца, а тут – до июня... Письмо опять прервалось: ходил послушать начало курса по векторному и транзитному анализу появившегося здесь математика. Пошел, но был раздосадован. Лектор¹⁶⁰ читает бойко, как 1-й ученик, наизусть выучивший урок. Но когда слушаешь его быстрый пробег понятий, то возникает мысль: что за ненужная наука – математика, какой-то сплошной произвол, лишенный как мотивировки, так и целеустремленности. С этим направлением я боролся всю жизнь. Математика самая важная из наук, образующих ум, углубляющая, уточняющая, обещающая, связывающая все мирозерцание в один узел; она воспитывает и развивает, она дает философский подход к природе. А у нас ее излагают как никому не нужную, мертвую дисциплину и отпугивают от нее учащихся. Да и учащихся ли только? Подозреваю, что и учащиеся, бойко владея буквою математики, не понимают смысла этой буквы – и не подозревают его. Крепко целую тебя, дорогой Мик. Не забывай папу.

8–9 января 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937. I.8–9. №87. Соловки. Дорогой Кирилл, сегодня у нас выходной день (наши не совпадают с вашими, т.к. у нас 7-дневный круг), я решил отоспаться за многие бессонные ночи. Но странный был сон, может быть потому что небо ясно и ветра нет, может быть по дню; несколько раз засыпал и всякий раз видел дорогое и любимое, однако, тревожно. Видел свою мать с маленькими, причем образы моих братьев и сестер, когда они

были маленькими, сливались с вашими, в том же возрасте. Мать свою видел не в теперешнем виде, а в давнем, батумском, когда она была еще молода. Ее считали очень красивой. Помню, в Батуме был инженер Орлов; жена его считалась очень красивой. На бульваре, куда нас водили гулять, между няньками постоянно возникал спор «какая барыня красивше» – Флоренская или Орлова. Кажется, первенство оставалось за мамой, но у нее был недостаток, она не любила нарядности и одевалась весьма скромно, в духе 70-х годов, а М-те Орлова тратилась на туалеты и ходила во всем необыкновенном. Один из ее аттракционов (для меня) была ее шляпа – сплошь покрытая чучелами колибри. Само слово колибри приводило меня в детстве в холодный восторг и вызывало священный трепет. Ведь оно связывалось с представлением о тропических странах, которыми я бредил, о морских путешествиях, о запахе необыкновенных растений. И вот, на голове – сплошные колибри. Впрочем, сама М-те Орлова мне чем-то весьма не нравилась, не могу понять – чем именно, и я ей этого ненравящегося не прощал даже ради колибри. – Мне так хотелось, чтобы у нас в доме было колибри, что я приставал к родителям, чтобы они завели дома шляпу хотя бы с одним колибри. Мама на это никак не шла, по своему ригоризму и скромности. Тетя Юля, меня баловавшая, решила уступить. Мы пошли вместе с нею покупать чучело. Дело было вечером, осенью. Выбирали, выбирали, наконец выбрали. Продавец завернул чучело очень нежно в бумагу и предупреждал, чтобы несли осторожно, чтобы не помять птичку. Нести, конечно, захотел я сам, единственный заинтересованный в нем. Нес двумя пальцами за кончик пакета. Приходим домой – оказывается, пакет снизу развернулся и птичка упала. Так ее и не нашли. Я очень плакал, но делать было нечего, и денег на вторую птичку у нас не было. – Потом видел я сегодня во сне своего отца. Он был печальный и одинокий. Говорил, что живет совсем один, что все отошли от него и забыли его, что одному ему трудно справляться. И как-то, не могу вспомнить как именно, эти упреки направлены не столько на нас, детей, сколько на вас, внуков. М.б. тут, во сне, вспыхнула моя тайная мысль и печаль, что вы растете, не вспоминая деда, а он как любил бы вас и как радовался бы вам. Очень нехорошо, и в отношении его, и для вас самих. Бабушки, обе, не любят говорить о наших отцах, потому что им печально вспоминать о прошлом. Мама, твоя, не говорит, потому что сама не знала их и ей, пожалуй, нечего сказать. Но дело вашей активности восстанавливать конкретные штрихи ото всех понемногу, чтобы сделать дедов близкими себе и живо представлять их и почаще вспоминать. Это и ваш долг и ваш расчет, ибо жить с пустотой в прошлом скучно и

некультурно. Маминого отца Михаила Федоровича я не знал, но мне представляется он очень приятным и доброкачественным.¹⁶¹ Когда хоронили дядю Мишу,¹⁶² то могилу вырыли для него так близко от отцовской, что гроб сбоку обнажился. Я спустился в могилу, поцеловал гроб и взял щепочку от него на память. Но вы должны собрать себе, пока можно, как сумеете, больше рассказов о нем и о прошлом от бабушки, и от моей мамы – о моем отце. Спрашивайте также тетю Люсю, Лилю, если она приедет, и всех. Много могла бы рассказать баба Соня, но ее, кажется, нет в Москве.

1937.I.11–12. Видно, мои мысли только с вами. Сегодня я опять видел вас во сне, необыкновенно живо, и опять маленькими, и опять ваши образы сливались с образами моих братьев и сестер, когда те были маленькими. Чувствую, что меня ничто уже, само по себе, не интересует и только как-нибудь соотносясь с вами подвигает мысль. С некоторым увлечением изучаю водоросли; однако подогревает лишь возможность поделиться с вами – хотя бы при помощи рисунка. Прочел или, точнее, перечел прочитанного в раннем детстве «Антиквария» Вальтера Скотта. Наивно, несколько провинциально, нет характеров, механически вставлены картины природы и бытовые подробности; и все же хорошо – размах жизни, насыщенность, действие. Эта наивность остается в уме и сердце гораздо прочнее новейшей литературы со всеми ее ухищрениями и стремлением поразить и оглушить. Однако, «Антикварий» вызвал во мне придавленность и безразличие к окружающему, и лишь вы все стали еще живее. Но эта придавленность как-то еще интересна. А вот припадок отвращения я получил от чтения книги Евгеньева-Максимова «Современник в 40–50 годах»¹⁶³. Дрязги, грязь, лукавство, неискренность, грошовые расчеты. И вдобавок узнаю о статьях Некрасова (притом хвалебной, в этом весь ужас!) «О русских второстепенных поэтах», а именно, в один ряд: о Тютчеве, Веневитинове, Фете и Боткине (напечатано в «Современнике» в 1849 г.).¹⁶⁴ Еще узнал оттуда же, что будто Пушкин ставит Бальзака в связь с Жаненом и Сю, но что-то не верится, неужели Пушкин мог сказать такую безвкусицу. Так и живешь, получая удар то с одной стороны, то с другой.

Крепко целую тебя, дорогой. Сообщи о своих работах, и не могу ли помочь тебе чем-нибудь. – Посылаю вам 5 карточек – по изучению водорослей (на них 7 рисунков). 1937.I.15.

16–17 января 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937.I.16–17. №88 Дорогая Аннуля, пользуюсь случаем черкнуть тебе несколько слов. Последнее время я часто во сне вижу вас и маму; вероятно

(надеюсь!) это свидетельствует о том, что думаю о вас больше и постояннее, чем сознаю, и моя мысль проявляется в сновидениях. Но они столь живы и реальны, что после, проснувшись, остаюсь под их впечатлением. Отсюда двойственность настроения. Личная жизнь унылая, а мысль о великости исторических событий, совершающихся в мире, подымает. Наши потомки будут завидовать нам, почему не им в удел досталось быть свидетелями стремительного (в историческом масштабе) преобразования картины мира. Мы ведь попали в стремнину истории, в поворотный пункт хода исторических событий. В любой отрасли жизни происходит переустройство в самих корнях, но мы слишком близко стоим к этой грандиозной картине, чтобы охватить и понять ее в целом. Пройдут десятилетия, и тогда лишь общее ее станет уловимо в своей подлинной значительности. – Часто думаю о маленьком. Мне жаль, что не вижу его роста, но радуюсь за тебя – маленький около тебя. Он-то не сознает этого, однако впечатления врезаются в него и, бессознательно для него, потом дадут себя знать. Живу я более или менее по-старому, т.е. в работе и в беготне из верхнего этажа на нижний и обратно. Чувствую, что материально вам приходится трудно. У меня, по твоей просьбе, скопилась пустяковая сумма, если можно будет, то вышлю ее тебе, но не сразу. Это можно будет сделать, надо провести через соответственные разрешения и оформления. Крепко целую тебя, дорогая, деток, маленького; кланяйся бабушке. Жду письма, что-то давно не получал.

17–18 января 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937.1.17–18. №88. Соловки. Дорогая мамочка, иногда так часто и упорно не вспоминалась ты, как за последнее время. И поводов внешних для этого как будто нет. Часто вижу тебя во сне. Притом такую, какую помню с детства. При этом обычно вижу тебя вместе с детьми, образы которых сливаются с образами моих братьев и сестер, но когда они были еще маленькими. Не знаю, получила ли ты мои письма. На всякий случай имей в виду, что каждый месяц, во второй половине его, я обязательно пишу тебе. Давно не сообщали о тебе из дому. Видимо, Анна очень устает и хлопочет, так что не удастся заехать к тебе, проведать тебя и сообщить мне. Мальчики же, которые, надеюсь, бывают у тебя, пишут мне редко. В настоящее время аэропочта у нас установилась (в этом году, в связи с поздним окончанием навигации, перерыв сообщения был короток) и буду рассчитывать на переписку более быструю, чем было до сих пор. Живу я более или менее по старому, т.е. в работе и в воспоминаниях, но вспоминаются по преимуществу давние годы, более же близкие выталкиваются из памяти, за исключением отдельных картин и моментов,

если и не всегда радостных, то тем не менее всегда близких сердцу. Читать приходится мало – и по трудности добывать книги достаточно привлекательные и по отсутствию времени как для их добычи, так и для чтения, – хотя последнее у меня берет времени больше, чем первое. Конечно, чаще всего приходится перечитывать читанное уже, и притом очень-очень давно. И, хотя и знаю уже это явление, но всякий раз встречаюсь с ним как с удивляющим. В книгах, читанных в раннейшем детстве и в самые юные годы, я не нахожу ничего такого, что заставляло бы изменить отношение к ним и оценку их. Детское впечатление и детские суждения всякий раз подтверждаются. Очевидно, это явление надо толковать либо как тупость, неспособную утончаться далее на протяжении 50 лет, либо как непогрешимость впечатлений, остающихся неизменными просто потому, что они с самого начала были верны. Не имея критерия для выбора одного из этих объяснений, я конечно предпочитаю последнее. – Газеты вижу и читаю изредка и случайно. Меня утешает обилие статей о Пушкине (самый факт обилия);¹⁶⁵ следствием этой пропаганды Пушкина будет привлечение к нему внимания и знакомство с ним, облагораживающее и отрезвляющее. Ведь мне, встречая немало молодых людей, постоянно с горечью приходится убеждаться в их полном невежестве по части литературы, как русской, так и иностранной, причем это относится и к людям, считающим себя образованными. Зато как обрадовало меня раз (это было год тому назад и с юбилеем Пушкина не стояло ни в какой связи), когда я в цеху, в столярке, увидел на стене лист бумаги с чисто переписанной осенью (из «Евгения Онегина»),¹⁶⁶ лист вывесил ради украшения цеха один из столяров. Вообще, мне не раз думалось, что современное празднование юбилеев великих людей, делаемое широко и с шумом, должно оказать весьма благотворное культурное воздействие, заставляя узнавать и хотя бы немного знакомиться с именами, о которых большинство раньше, вероятно, и не подозревало (Фирдоуси, Шота Руставели и др.). Конечно, надо бы, чтобы подобные имена были известны всем и без юбилея. Но юбилей дает удачный предлог или повод нанести культурный удар по данному месту мировой истории, и вероятно подобный удар не остается бесследным. Как видишь, дорогая мамочка, я сижу крепко на своем убеждении, что нет культуры, там где нет памяти о прошлом, благодарности прошлому и накопления ценностей, то есть на мысли о человечестве, как едином целом не только по пространству, но и по времени. Живая культура сочетает в себе противоборствующие и вместе с тем взаимоподдерживающие устремления: сохранить старое и сотворить новое, связь с человечеством и

большую гибкость собственного подхода к жизни. И только при наличии этих обоих стремлений может быть осмысление нового и доброжелательство ко всему, заслуживающему доброжелательства, на фоне мировой культуры, а не с точки зрения случайного, провинциального и ограниченного понимания. Сажу над водорослями. Ближайшие производственные и технологические задачи выступают для меня на общем фоне задач естествознания и связываются с общей картиной мира. Бродят мысли обобщающие, но я не фиксирую их и надеюсь, что со временем они сами найдут себе формулировку. Впрочем, учитывая и краткость своего времени, а следовательно и возможность, что этот процесс формулировки и обобщения не завершится и не успеет выразиться. Но что же делать, не ценю мысли только за то, что она мысль и нова; она должна быть ИСТИННОЙ, а истинность дается не схематическими построениями, какими бы убедительными они ни казались окружающим, не модою и шумом, а глубоким вживанием в мир, упорною проверкой и органическим ростом. У каждой мысли есть свое время развития и созревания и нельзя по внешним мотивам искусственно ускорить этот процесс, то есть нельзя в смысле не должно, а не невозможно. Поэтому-то я и зарываюсь в конкретную работу по конкретным поводам, в душе думая, что мысль, если она в самом деле растет, то рост ее идет сам собою. Я ж, наряду с работой, отдаюсь чувству к вам и мысли о вас. Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Давай знать о себе. Целую Люсю и Шуру. Если будешь писать Лиле и Андрею, то поцелуй их за меня.

13 февраля 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937. II. 13. № 91. Соловки. Дорогая Аннуля, что-то опять не получаю от тебя письма, но зато получил от мамы. Конечно, беспокоюсь, впрочем бесцельно, т.к. от моего беспокойства пользы вам мало. А все-таки трудно сохранять невозмутимое состояние духа, когда не знаешь подолгу, как вы живете. Сейчас у нас установились безветренные и даже солнечные дни. Но до 10–11 числа силы ветра вы и представить себе не можете. Попутный – он заставляет бежать, а боковой сбивал с дороги, валил с ног и относил в сторону. Даже интересно было по этому поводу вспоминать, что на о-ве Врангеля зимой нельзя переходить из помещения в помещение, не ухватившись за протянутую между ними веревку – иначе ветер срывает и уносит, так что унесенному уже не вернуться обратно, и он гибнет от мороза и голода. У нас до этого не доходило, но несомненно, что на ледяной поверхности удержаться было бы невозможно.¹⁶⁷ – В этом письме посылаю 6 рисунков – три *orphyra laciniata*, один – *Monostrom blitti* и два

Polijides rotundus; изображение последней водоросли макроскопическое сделать не успел, постараюсь прислать в следующий раз. – Получена газета, наполненная Пушкиным. Можно чувствовать удовлетворение, когда видишь хотя бы самый факт внимания к Пушкину. Для страны важно не то, что о нем говорят, а то, что вообще говорят; далее Пушкин будет говорить сам за себя и скажет все нужное. Но с этим удовлетворением связывается горечь, неразумная горечь о судьбе самого Пушкина. От нее не умею отделаться. Но называю неразумной, потому что на Пушкине проявляется лишь мировой закон о побивании камнями пророков и постройке им гробниц, когда пророки уже побиты. Пушкин не первый и не последний: удел величия – страдание, – страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. Почему это так – вполне ясно; это – отставание по фазе: общества от величия и себя самого от собственного величия, неравный, несоответственный рост, а величие есть отличие от средних характеристик общества и собственной организации, поскольку она принадлежит обществу. Но мы не удовлетворяемся ответом на вопрос «почему?» и хотим ответ на вопрос «зачем?», «ради чего?». Ясно, свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданием и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее. Внутренне сознаешь его непреложность и всеобщность, но при столкновении с действительностью, в каждом частном случае, бываешь поражен, как чем-то неожиданным и новым. И при этом знаешь, что не прав своим желанием отвергнуть этот закон и поставить на его место безмятежное чаяние человека, несущего дар человечеству, дар, который не оплатить ни памятниками, ни хвалебными речами после смерти, ни почестями или деньгами при жизни. За свой же дар величию приходится, наоборот, расплачиваться своей кровью. Общество же проявляет все старания, чтобы эти дары не были принесены. И ни один великий никогда не мог дать всего, на что способен – ему в этом благополучно мешали, все, все окружающее. А если не удастся помешать насильем и гонением, то вкрадываются лестью и подачками, стараясь развратить и совратить. Кто из русских поэтов, сколько-нибудь значительных, был благополучен? Разве что Жуковский, да и то теперь открываются интриги против него, включительно до обвинения в возглавлении русской революции. Философы – в таком же положении (под философами разумею не тех, кто говорит о философах, но кто сам мыслит философски), т.е. гонимые, окруженные помехами, с заткнутым ртом. Несколько веселее судьба

ученых, однако лишь пока они посредственны. Ломоносов, Менделеев, Лобачевский, не говорю о множестве новаторов мысли, которым общество не дало развернуться (Яблочков, Кулибин, Петров и др.) – ни один из них не шел гладкой дорогой, с поддержкой, а не с помехами, всем им мешали и, сколько хватало сил, задерживали их движение. Процветали же всегда посредственности, похитители чужого, искатели великого, – процветали, ибо они переделывали и подделывали великое под вкусы и корыстные расчеты общества. – Недавно я позавидовал Эдисону. Как у него было использовано время и силы – благодаря наличию всего материального и, главное, самостоятельности. А у нас время проходит зря, рассеиваясь на мелочи, несмотря на огромную затрату сил – потому что ничего не можешь устроить так, как считаешь нужным.

Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, еще раз целую.

20 февраля 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937. II. 20. Соловки. №92. Дорогая мамочка, твое письмо от 22 января получил 10 февраля. Живу в атмосфере намеченных изменений в судьбе нашего завода, а следовательно и работы. Такое положение конечно очень не благоприятствует работоспособности. Но я стараюсь держать свою линию, то есть, невзирая ни на что, каждый день достигать чего-нибудь полезного и по возможности не терять времени даром.¹⁶⁸ В связи с выяснившейся по всему Союзу нерентабельностью добычи из водорослевой золы, мы переключаемся всецело на агар. Необходимо улучшить качество продукции, страдавшей у нас от дефектов оборудования, и весьма увеличить продукцию количественно. Тем и другим сейчас усиленно занимаемся, надеюсь, что конечный Результат будет положительный. Параллельно же этим чисто практическим вопросам занимаюсь водорослями со стороны биологической и биохимической. Эта область мало обследована, несмотря на свою существенную важность для общего естествознания, и для практики. Не знаю, от уединенности ли нашего положения или от чего-то другого, все время вижу сны необыкновенно яркие, так что проснувшись, долго не могу увериться в их призрачной природе. В этих снах переплетаются обрывки прошлого с настоящим и, верно, фантастическими построениями, однако весьма живыми. Впечатления здесь однообразные, но чрезвычайно пестрые, так сталкиваешься с людьми из самых разных концов Союза, и со многими находят какие-либо точки соприкосновения в виде воспоминаний о местностях, о кушаньях, об обычаях, о словах того или другого языка. Выслушиваешь многие истории, из которых каждая годилась бы для богатого фабулой романа, где переплетаются

трогательное с ужасным, глубокое со смешным или забавным. Для романиста лучшего материала не найти, но я не романист и потому мне эти рассказы не идут впрок. Поэтому выслушаешь историю, и на другой день забудешь ее, тем более что память у меня, как у всех здесь, весьма ослаблена и происходящее испаряется из нее бесследно. Зато далекое прошлое оживает в памяти гораздо ярче, чем прежде. Ты спрашивала, получают ли здесь газеты. Получаются, и обычно очень быстро, чуть ли не на другой день, – из Ленинграда. Но лично я не слежу за ними систематически, на это времени нет. Пушкинские номера, впрочем, просматривал, однако нашел не много интересного для себя. В статьях не видно основательного знакомства с Пушкиным, как нет и сообщения новых фактов. Ни один автор не дал углубленного анализа или какого-нибудь нового освещения Пушкина, ни как поэта, ни как человека. Я даже не нашел какой-нибудь яркой, хотя бы и неприемлемой по существу, мысли. Все нивелировано и не конкретно. Жаль, у меня была надежда встретить что-нибудь яркое, поражающее. Странно, что о поэзии не говорится ничего свежего, тогда как вкус ко стиху и чувство речи у многих растет и утончается. Разумеется, я сравниваю настоящее не с золотым веком литературы русской, а с 60–70–80-ми годами, временем особенного упадка поэзии и в особенности стиха. Начало XX века было переломом в этом отношении, и с тех пор началось нарастание. Можно надеяться, что будущее будет примыкать к традициям Пушкинским и Тютчевским – (Пишу тебе так плохо, потому что плохая бумага, плохое перо и плохие чернила; боюсь, ты ничего не разберешь из-за этого и мысль не идет, а спотыкается на каждой фразе). – О приезде Оли¹⁶⁹ я узнал от наших, из дому. Но я ничего не знаю о Лилиной внучке.¹⁷⁰ Меня очень интересуют младшее поколение, дети Андрея и Лилины, но я знаю о них всех очень мало. Целую тебя крепко, дорогая мамочка, береги себя и будь здорова. Тороплюсь отнести письмо, чтобы завтра направили далее.

23 марта 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937. III. 23. Соловки. №96. Дорогая мамочка, письмо твое получил 20 марта (оно от 16 февраля). Эта длительность передачи усиливает чувство расстояния, хотя я и всегда мыслями с вами. Последнее время живу бешеным производственным темпом, ничего не поспеваем, хотя напрягаем все силы настолько, что порою кажется: вдруг изнеможем.¹⁷¹ Как видишь, и уединенный остров не спасает от вихря исторической жизни.¹⁷² Расчленение времени на дни и ночи давно утратилось, и вся жизнь идет, хотя и стремительно до головокружения, однако монотонно. Это как в поезде, который летит по бесконечным равнинам Сибири. Время тянется

до тошноты монотонно, а ты пролетаешь тысячи километров. Естественно, что в такой обстановке нет ни минуты для того, чтобы обдумать или даже осознать действительность. Скорей и по больше, по больше и скорей – вот единственное, что стоит в голове. Ты пишешь о записи мыслей. Некогда, мамочка, и не для чего. Записываю, но не мысли, а фактические сведения, то, что собирать долго и, если напал на что, то снова в другой раз уж не найдешь. К тому же мне, для себя, факты говорят более теорий, и всевозможные живые данные из биологии, физики, химии, геологии и т.п. кажутся значительнее обобщений, – м.б. потому, что обобщений у меня всегда вороха. Хотелось бы научить, чему могу, детей, собственная же деятельность меня не влечет, и я предпочел бы оставаться со своими мыслями в уединении. Не уверен даже, что восприняло бы будущее, т.к. у будущего, когда оно подойдет к тому же, будет и свой язык и свой способ подхода. В конце концов мало радости в мысли, что когда будущее с другого конца подойдет к тому же, то скажут: «Оказывается, в 1937 г. уже такой-то NN высказывал те же мысли, но на старомодном для нас языке. Удивительно, как тогда могли додуматься до наших мыслей». И пожалуй еще устроят юбилей или поминки, которым я буду лишь потешаться. Все эти поминки через 100 лет удивительно высокомерны. Люди каждого времени воображают только себя людьми, а все прошлое животноподобным состоянием; и когда откроют в прошлом что-то похожее на их собственные мысли и чувства, которые только и считаются настоящими, то надменно похвалят: «Такие скоты, а тоже мыслили что-то похожее на наше». Моя точка зрения совсем другая: Человек везде и всегда был человеком, и только наша надменность придает ему в прошлом или в далеком обезьяноподобие. Не вижу изменения человека по существу, есть лишь изменение внешних форм жизни. Даже наоборот, человек прошлого, далекого прошлого, был человечнее и тоньше, чем более поздний, а главное – не в пример благороднее. – Читаю Юма, Историю Англии во французском переводе. Знаешь ли? Хоть ее писал архискептик и архианалитик в философии, однако она художественна и читается как шекспировская хроника. Жаль, нет времени вести чтение сколько-нибудь быстрым темпом. Нравы были как будто жесткие, но вероятно и к жестким нравам люди приспособлялись и приучались: люди легко приминаются к любой форме. Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Целую Люсю и Шуру, если он в Москве. Кланяйся тете, которую ты впрочем вероятно не видишь.

11 мая 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937.V.11. Соловки. №99. Дорогая Аннуля, после долгого перерыва я

наконец получил ваши письма, 9 и 10 мая – от 30 марта и от 6 марта. Не нужно объяснять вам мое беспокойство. Весна тут, здешняя весна, конечно, наступила, т.е. стаял снег, появилась пыль и со вчерашнего дня возобновилась навигация, а следовательно и обычные с возобновлением навигации волнения соловчан. Два дня тому назад я видел у стены одуванчик, из земли лезут красные побеги трав. На озере около нашего завода плавают ондатры, утки, чайки, но отличные от кремлевских, более мелкие и чернохвостые, кричат и дерутся между собою. Последнее время я пристрастился к водорослям, которые поедая немало: нарезаю, промываю, варю с прибавкою уксуса и затем заправляю кашей, винегретом, чечевицей или вообще чем придется. Для еды беру *Laminaria saccharina*, как более нежную. По вкусу водоросли несколько напоминают тушеную капусту, но вещественнее ее и, на мой вкус, приятнее; пожалуй в них есть отдаленное сходство со спаржей. Особое свойство водорослей – Давать чувство насыщенности, и по-видимому это не только субъективно, но и соответствует содержанию в водорослях белковых веществ. Ты спрашиваешь, каким снегом лучше набивать погреб. Конечно, весенним, слетавшимся, зимний слишком рыхл. Относительно саранок, конечно, попроси Павла Николаевича, самое худшее, что будет – это если он поленился или забудет о поручении. Мне кажется, теперь можно было поставить Николаю Ивановичу¹⁷³ вопрос о продолжении работ по мерзлоте, конечно если сам он вообще считает их нужными. Относительно портрета с лисичкой дело безнадежно, и я не могу заниматься поисками. Наша водорослевая эпопея на днях кончается,¹⁷⁴ чем буду заниматься далее – не знаю, м.б. лесом, т.е. хотелось бы применить в этой области математический анализ. Окончание работ по водорослям естественно: ведь в моей жизни всегда так, раз я овладел предметом, приходится бросать его по независящим от меня причинам и начинать новое дело, опять с фундаментов, чтобы проложить пути, по которым не мне ходить. Вероятно, тут есть какой-то глубокий смысл, если это повторяется на протяжении всей жизни – наука бескорыстия. Но все же это утомительно. Если бы я собирался жить еще 100 лет, то такая судьба всех работ была бы лишь полезна, но при краткости жизни она лишь очистительна, а не полезна. Впрочем, в Коране сказано: «Ничего не случается с человеком, что не было бы написано на небесах». Очевидно, обо мне написано быть всегда пионером, но не более. И с этим надо примириться. Пишу же об этом не столько для себя, как для детей: уроки рода должно усваивать и осознавать, чтобы использовать свою жизнь, приспособляясь к ожидаемому, и наиболее вероятному. Моя мысль и забота всецело с вами,

и хочется передать вам опыт жизни и размышлений. –1937.V.13. Пока я писал это письмо, произошли изменения в моей жизни: сейчас переселяюсь в Кремль¹⁷⁵ и, вероятно, в связи с этим смогу больше времени отдавать Музею и изучению его предметов. Музей сейчас обновился, приведен в порядок, из кладовых и складов извлечено много нового и интересного.¹⁷⁶ Крепко целую тебя, дорогая Аннуля. Отдохни за лето, постарайся почаще выходить если не в лес, хотя бы в поле, ведь это так близко. Особенно гуляйте под вечер, когда солнце низко, и вспоминайте меня.¹⁷⁷

13 мал 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937.V.13. Соловки. Дорогой Кирилл, в газете мне попала заметка об учреждении при Академии Наук секции по технологии водорослевого дела, а мама пишет относительно лекций Павла Николаевича о мерзлоте. Так от меня всегда уходит то, над чем я работал, в чем достиг результатов и на подготовку к чему затратил много труда. Мысленно просматривая свою жизнь (пора подводить итоги), усматриваю ряд областей и вопросов, которые начал я и которыми потом занялись все..., т.е. очень многие, мне же либо пришлось оставить дело, либо сам оставил, т.к. противно заниматься вопросами, к которым лезут со всех сторон и захватывают. Тебе м.б. будет интересен список важнейших. *В математике*: 1. Математические понятия, как конституитивные элементы философии (прерывность, функции и пр.). 2. Теория множеств и теория функций действительного переменного. 3. Геометрические мнимости. 4. Индивидуальность чисел (число – форма). 5. Изучение кривых in concreto. 6. Методика изучения формы. *В философии и истории философии*. 1. Культовые корни начатков философии. 2. Культовая и художественная основа категорий. 3. Антиномии рассудка. 4. Историко-филолого-лингвистическое изучение терминологии. 5. Материальные основы антроподицеи. 6. Реальность пространства и времени. *В искусствоведении*. 1. Методика описания и датировки предметов древнерусского искусства (резьба, ювелирные изделия, живопись). 2. Пространственность в художественных произведениях, особенно изобразительного искусства. *В электротехнике*. 1. Изучение электрических полей. 2. Методика изучения электрических материалов – основание электроматериаловедения. 3. Значение структур электроматериалов. 4. Пропаганда синтетических смол. 5. Использование различных отходов для пластмасс. 6. Пропаганда и разработка элементов воздушной деполяризации. 7. Классификация и стандартизация материалов, элементов и пр. 8. Изучение углистых минералов как одной группы. 9. Изучение ряда пород горных. 10.

Систематическое изучение слюды и открытие ее структуры. 11. Изучение почв и грунтов. И т. д. Раздельно стоят. Физика мерзлоты. Использование водорослей. Хотел было написать тебе об этом подробно, но, переселившись в Кремль, растерял мысли, но помню, что надо было писать много. Мне хотелось бы одного – чтобы вы сколько-нибудь воспользовались моими работами, привели их в порядок и сделали бы своими, в них вложено много труда и мысли, и я знаю, что из каждой работы можно сделать книгу. Еще одно: наблюдения и эксперимент получают свой смысл, лишь когда они оформлены математически. А для этого далеко не всегда требуется большая тонкость анализа, часто удается получить хорошие результаты примитивными средствами. Поэтому приучайся формулировать итоги работы хотя бы просто кривыми и их уравнениями. Крепко целую тебя, дорогой Кира.

4 июня 1937 г., Кремль, быв. Чоботная палата

1937.VI.4. Соловки. №101. Дорогая Аннуля. Ты, вероятно, удивляешься, получая от меня письма редко. Но это происходит от того, что имея возможность писать лишь 2 письма в месяц, я дожидаясь твоих, чтобы ответить тебе и потому задерживаю писание своего. А от тебя не получаю, т.е. получаю редко и с большим опозданием. Живу в Кремле, т.е. не живу, а влачу существование, т.к. работать в моих условиях нет никакой возможности. К тому же у нас очень холодно и быть на воздухе, во дворе, не приходится. Я перенес легкий грипп, теперь принялся за лечение спины физио-терапевтическими средствами – ультрафиолетовые лучи, инсоляция. В общем все ушло (всё и все). Последние дни назначен сторожить по ночам в бывшем Йодпроме произведенную нами продукцию. Тут можно было бы заниматься (сейчас пишу письмо например), но отчаянный холод в мертвом заводе, пустые стены и бушующий ветер, врывающийся в разбитые стекла окон, не располагает к занятиям, и, ты видишь по почерку, даже письмо писать окоченевшими пальцами не удастся. Зато тем более думаю о вас, впрочем беспокоюсь. Жизнь замерла, и в настоящее время мы более, чем когда-либо, чувствуем себя отрезанными от материка. Вот уже июнь, а лета никаких признаков, скорее похоже на ноябрь. То туман, то мелкий дождь, то ветер. Даже когда проглянет редкое солнце, не становится тепло. А между тем в этом году весна была очень ранняя и примерно на 2 недели забежала вперед. Живу я в среде сравнительно выносимой – с нашими бывшими рабочими, которые для меня Васи, Миши, Федя и т.д., но конечно не все. Во всяком случае, такое общество несравненно лучше другого, в котором было бы легко оказаться. Но слишком много и хорошего делается трудно выносимым, а у

нас около 40 человек. Впрочем, и в этом свое преимущество, т.к. при 40 человеках чувствуешь себя более уединенным, чем при 4–6. – Захаживаю в Музей – даю кое-какие советы и таскаю экспонаты, большей частью собранные мною коллекции и всякую всячину в виде диаграмм, рам, утвари из бывшего Йодпрома. Музей находится в стадии оживления, но надолго ли? Настали наши соловецкие белые ночи: и в полночь вполне светло, как у нас под вечер, сейчас же после захода солнца. Ведь мы так близки к полярному кругу, что в наиболее короткие ночи солнце, когда оно вообще не застится облаками, освещает купы деревьев не прекращая. К тому же движется оно в наших широтах по линии, почти параллельно горизонту и потому уходит под него очень недалеко. – Загадка Мику¹⁷⁸ разгадывается именем *Кьельдаль*; это – химик, предложивший простой и удобный способ определения азота в органических соединениях, при помощи которого определяется количество белков. Но Мику сразу не говори, пусть постарается узнать сам. Второй вопрос – о хлорофилле; хлорофилл – *белый*, а зеленый цвет ему придает присутствующий в нем зеленый пигмент. Третий вопрос: при Иоанне Грозном, который для этой цели сватался к английской королеве Елизавете, но получил отказ – на свое счастье, т.к. Елизавета была такая ведьма, что сумела бы доконать даже Иоанна Васильевича Грозного. Четвертый вопрос: Бенедикт есть латинский перевод еврейского Барух, так что Бенедикт Спиноза и Барух Спиноза есть одно и то же лицо. Вот уже 6 час. утра. На ручей идет снег, и бешеный ветер закручивает снежные вихри. По пустым помещениям хлопают разбитые форточки, завывает от вторжений ветра. Доносятся тревожные крики чаек. И всем существом ощущаю ничтожество человека, его дел, его усилий. – Получил 5-го или 4-го твое письмо №13 от 28 апр. Я уже писал тебе, что занятиями Оли в саду я доволен. Но надо принять меры против ее похудания, т.е. чтобы она не делала лишней работы и ела побольше и питательнее. Крепко целую тебя, дорогая. Сегодня выглянуло солнце и стало теплее.

18 июня 1937 г., Кремль, быв. Чоботная палата

1937.VI.18. №103. Дорогая Аннуля, недавно получил от вас целую пачку писем, апрельских и майских, последнее от 31-го мая (№№ 15, 16, 17), а также от мамы. Надеюсь, дети закончили свои экзамены и теперь могут отдохнуть. Но как устроить, чтобы ты хоть немного отдохнула? Твоя переутомленность меня очень беспокоит. Кроме того, тебе непременно надо обратиться к врачу и полечить спину и ноги. Ведь самая переутомленность в значительной мере создается не делом, а болезненным состоянием, при котором и небольшое усилие тягостно и утомительно.

Радуюсь вместе с вами маленьким, о грусти же, что я его не вижу, говорить не приходится. Жизнь наша резко изменилась; сидим безвыходно в Кремле, а т.к. работы почти нет, то во дворе всегдашняя толкучка. Заниматься при таких условиях не приходится, несмотря на усилия, которые я делаю в этом отношении, да и настроение неопределенности мешает сосредоточиться на чем-нибудь, требующем усилия и внимания, главное же – подъема. Одно только хорошо, что последнее время часто бывает не холодно и светит солнце. Насколько оно светит, ты можешь судить по тому, что многие принимают солнечные ванны. День длится, конечно, круглые сутки, т.к. и в полночь совсем светло. Последние дни я отыскал себе уголок более уединенный и с прекрасным видом на море и далекие острова, так что хоть и из окна, но вижу природу. Этот уголок представляет остекленную веранду на третьем этаже, на стене и принадлежит Музею.¹⁷⁹ Теперь я почти ежедневно посещаю Музей, частью, чтобы заняться математикой, частью же – ради советов по экспозиции, датировке древних предметов и вообще разных консультаций. Особенных древностей не находится, лишь небольшое число конца XV в., остальное же XVI, XVII и XVIII, но есть вещи хорошего письма и красивые. Если придется уехать отсюда, то жаль будет моря, хоть я и вижу его теперь издали. С детства впечатления от моря стали мне самыми родными, и не видя моря, я чувствую себя обделенным, даже когда не думаю о причине этого чувства.¹⁸⁰ Ты часто пишешь мне о саде, и я радуюсь, что вы живете близко от зелени и цветов. Особенно важно это для тебя и для маленького, т.к. вы в лес не попадаете. За всеми нашими растениями я мысленно слежу, по твоим письмам. Как-то на днях видел во сне, что приехал в Сковородино, но что там нашел разорение и беспорядок, что меня огорчило. Боюсь перемен, а признак, для меня верный, это некоторая привычка к определенному месту и примирение с ним. Сейчас я вошел в Соловецкую природу, и потому начинает казаться, что обстановка должна измениться, но не в ту сторону, которая была бы желательна, т.е. не на Дальний Восток. – Сейчас сижу на веранде перед окном и, время от времени, смотрю на расстилающуюся даль с ее заливами, полуостровами и островами. Море голубое – стальное. На ближайшем заливе искрятся бесчисленные всплески света, и я понял, почему мертвыми выходят они на фотоснимках и картинах: каждый всплеск есть не точка, а световая стрела, вылетающая из моря. Эти световые линии, мгновенно возникающие и исчезающие, перекрещиваются между собою во всевозможных направлениях и образуют живую сетку. VI.20. Сегодня вспоминаю, с одним из бывавших в

Посаде,¹⁸¹ Посад. Некоторые стекла веранды – цветные, и через темно-розовое стекло море кажется темно-пурпурным, – нарядным и торжественным, что подходит к моим воспоминаниям. Как мне хочется, чтобы дети набрались хороших впечатлений и радости! Выходишь ли ты за город? Непременно выходи почаще, хотя бы по узенькому переулку (забыл, как называется) до нив, чтобы послушать жаворонков и поглядеть на колосья. Ведь это так близко и требует не более 1/2 часа времени. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, позаботься о здоровье, бодрости и отдыхе. Кланяйся Софье Ивановне.

Письма детям

Письма младшим детям Мику и Тике

9 сентября 1933 г., по пути в г. Свободный

№8. 1933.IX.9. Дорогая Тика, пишу тебе, только что отъехав от города Тулуна. Мы задержались 1^{1/2} суток в Красноярске. Едем медленно, поезд через каждые 10–15 мин. останавливается, так как он товарно-пассажирский. В районе Красноярска местность очень красивая, сильно волнистая сперва, а затем гористая, очень неровная. Красивые леса и перелески – из берез, пихт, лиственниц, кедров, изредка красных уже осинок. Теперь местность стала почти ровной, хотя вдали видны еще горы. Пихты очень красивы – острые, как кипарисы. Ночью холодно, да и днем не тепло, несмотря на солнце, а вчера шла крупа. Селенья тут редки, людей почти не видно. Леса видно почти не разрабатываются, много Деревьев сухостойных, прочие растут недружно; это уже близко к настоящей тайге. Еду и думаю о вас всех, как вы живете, здоровы ли. Всегда ли ты проводишь время Аней?¹⁸² Помогаешь ли мамочке? Мы пересекли много больших рек – посмотри на карту с Олей – каких именно. – Скоро мы подъедем к городу, который называется Зима, а недавно была станция Койтун, что по-бурятски значит Мороз. Крепко целую тебя, дорогая Тика, поцелуй мамочку и Олю, кланяйся бабушке и Ане. Скажи маме, чтобы та не скучала и была весела. Будь здорова, не забывай немецкий и музыки. Собираете ли вы грибы? Еще раз крепко целую вас. Скажи маме, что я здоров. Когда будет случай, передай бабе Оле и бабе Соне, что я их крепко целую.

Папа

15–16 ноября 1933 г., ст. Ксениевская

1933.XI.15–16. Милая моя, дорогая Тика, спасибо за письмо, которому я обрадовался.¹⁸³ Как и ты, я занимаюсь счетом, складываю и делю числа, но, наверное, ты делаешь это теперь лучше моего. Кроме того я составляю таблицы и диаграммы; вероятно, и ты научилась делать то и другое. Хорошо ли идут твои уроки музыки? Ты доставила бы своему папе большую радость, если бы научилась играть так, чтобы разбиралась в хороших произведениях. Поздравляю тебя, дорогая, с прошедшим днем твоего рождения.¹⁸⁴ Попроси у мамочки, чтобы она показала тебе мои книги и выбери себе самую красивую, какая тебе понравится. Пусть это будет тебе подарком от папы. А кроме того выбери себе какую-нибудь римскую или греческую монетку, чтобы потом приделать к ней застёжку и носить как брошку. Твой папа всегда вспоминает свою птичку и просит ее

жить повеселее и заботиться о мамочке. Целы ли твои куклы? Кланяйся им от меня и скажи, чтобы они не шалили и слушались свою маму. Выучила ли ты уже таблицу умножения? Знаешь ли ты, что ее придумал древний греческий философ и математик Пифагор, так что тебе необходимо знать ее хорошо. Жива ли ваша курочка Жонетта? Скажи ей, чтобы она несла вам побольше яиц, а ей давай скорлупу. Как жаль, что у меня тут остается хлеб, ты могла бы им угостить своих кур. Скажи маме, что у меня есть все, что нужно, пусть же никаких посылок она мне не делает, а пусть лучше пишет письма. Целую тебя и желаю быть здоровой, спать побольше и быть веселой. Недавно я слышал, как воробей прочирикал, будто ты слишком рано встаешь. Правда ли это? Еще раз целую тебя.

Твой папа

22 февраля 1935 г., быв. Филиппова пустынь

Дорогая Тика, в Лаборатории, где я живу теперь, много интересных для тебя обитателей. Прежде всего кролики, их 12. Большинство их живет на чердаке и возится там с таким шумом, словно люди. Самый большой из них – темно-серый, совсем как заяц и называется Зайчиком. Через каждые 10 дней его взвешивают на весах, таких, как бывают в лавках. На чашке весов он сидит смирно и вообще людей, кажется, нисколько не боится. Затем тут живут морские свинки, их 8. Из них 4 мальчика, 2 девочки и 2 мальчика, недавно родившиеся. Свинок зовут: Рыжий, Чиганюшка – Черный цыган, Девчонка, Черненький, Желтенький и Мамашка; у Мамашки двое детей, пока не получивших названия, обоих же вместе называют Негодяйчиками, т.к. они выскакивают из своих ящиков и бегают по комнате. Всех свинок взвешивают через каждые 10 дней. Кормятся они сеном, овсом, брюквой, репой. Иногда они, несмотря на смирность, учиняют между собою драки и даже мальчики ранят друг друга. Свинки разных мастей: одни черные с белыми пятнами, другие же трехцветные. Для тебя самые интересные были бы, пожалуй, белые мышки. Их 30 штук, взрослых, подростков и совсем маленьких; эти 3 мальчика так малы, что их можно принять за маленькие комочки ваты. Мышки белые не такие юркие, как серые, и потому не противны. Припоминаю, как у меня, в возрасте 3–4 лет, жили две мышки, тоже белые. Они лазили за шиворот и вылезали в рукав, и я их совсем не боялся. В общем эти зверушки очень хорошенькие, совсем белые, без малейшего пятнышка. Наконец, надо упомянуть еще большущего кота. Его зовут здесь каждый по-своему. Кто – Василий Иванович, кто Алихан, а кто просто Котик. Этот Котик таскает рыбу и временами оставляет следы своего пребывания на постелях. Был тут еще голубь и немецкая овчарка Джеки, щенок, которая росла в

большой дружбе с Котиком и спала с ним в одном ящике. Но теперь ни голубя, ни Джеки нет. Все перечисленные звери доставляют немало забот. То их кормят, то укладывают спать, то укрывают сеном, то чистят им их ящики, то разнимают драки, причем тогда они кусают разнимающих, то взвешивают, – одним словом хлопот с ними больше, чем с людьми. Морские свинки урчат, вроде голубей, но более высокими голосами, а маленькие издают звуки как воробушки; поэтому здесь их и называют воробушками. Вот, все письмо вышло звериное. Целую тебя, дорогая Тика. Пиши своему папе и не забывай его.

13–14 марта 1935 г., быв. Филиппова пустынь

Дорогой Мик, сообщаю тебе последние новости о чернобурых лисицах. Их всего шесть. Жениться они должны на местных красных лисицах. Чернобурых лисиц называют здесь серебристочерными, и я не уверен, что они тождественны с чернобурыми. Детей от таких браков называют сиводушками и, как я вычитал в газете, мех сиводушек очень ценен. Серебристочерные лисицы подружились здесь с собаками и поросятами. Бродят они всюду и иногда бьют стекла теплиц, вероятно влезая на верхние части строений. Кажется, около теплиц они заняты ловлей мышей. Несмотря на свою прирученность, лисицы не дают себя трогать. Сегодня, во время прогулки, я видел много лисьих следов, но не знаю, какими именно лисами они оставлены. Собак здесь очень мало. Птиц еще не видать, но, говорят, скоро прилетят чайки и выгонят из своих прошлогодних гнезд забравшихся туда на зиму ворон. Больше никаких новостей о животных не узнал пока. – Сообщаю тебе интересный опыт над превращениями крахмала. Свари самый слабый крахмальный клейстер, всыпав на кончике перочинного ножа крахмал (картофельной муки) в несколько ложек холодной воды, растерев в однородную смесь и влив ее в 1/4 стакана воды кипящей, причем надо жидкость хорошо размешивать и слегка прокипятить, очень недолго. Немножко этого крахмального клейстера налей в пробирку и капни 1 каплю йодной настойки, несколько разбавленной водою. Клейстер посинеет, это реакция на крахмал. Потом нагрей синюю жидкость, но не грей долго – она обесцветится. Дай ей остыть – она снова посинеет. Снова нагрей – снова обесцветится и т.д. Теперь подлей немного кислоты (серной или соляной) и вскипяти раствор; если йод улетучится, то придется при охлаждении подлить еще каплю. Раствор получится фиолетовый. Это – реакция на амилодекстрин. Еще нагрей – йод дает красную окраску – реакция на амилодекстрин. Еще нагрей – окраски уже не будет получаться – реакция на ахроодекстрин. От нагревания, в особенности с кислотой, сложная молекула крахмала

постепенно распадается на более простые, они-то и дают разные цвета окраски. Кислоты надо подливать немного и слабой, кипятить каждый раз 2–3 минуты. Теперь буду рассказывать тебе о рыбоводстве. Белое море – замечательное море, нигде нет столько островов, как на нем: все море из островов. Но зато и острова – не острова, а сплошные озера. На Большом Соловецком острове сотни озер, я даже забыл, сколько именно. Куда ни глянешь, все озеро. Озера эти лежат на разной высоте. В XVI веке уже знаменитый Филипп Колычев, впоследствии митрополит Московский, соединил озера протоками, так что вода постепенно переливается из одних в другие. Во многих озерах вода чистая, как в горных; это, так называемые, озера альпийского типа. Другие озера более близки к болотам. В связи с этим разнообразием вод озерных и мягкостью климата давно задумывались над разведением в соловецких озерах рыбы, причем можно было бы подобрать благоприятные условия для рыб различных семейств и образа жизни. Думают, например, что в озерах альпийского типа были бы подходящие условия для сиговых рыб, в других – для леща, карпа, карася и т.д. Однако рыба растет здесь очень медленно и караси возрастом чуть ни в десятки лет, – только маленькие карасики. Кажется, главная причина этому – слишком большая пресность воды, отсутствие в воде солей, а это обстоятельство не дает развиваться планктону, да и самой рыбе. Поэтому-то в некоторых из здешних озер рыбы нет вовсе, в других, хотя и есть, но очень мало и мелкая, и только кое-где рыба повелась более удачно. Впрочем, более сложные мероприятия может быть и дадут рыбе более благоприятные условия жизни. Зато в море рыбы очень много и притом лучших видов. Знаменитая соловецкая сельдь, много наваги, треска и другие. По берегам ползает (именно ползает, а не плавает) камбала, но мелкая; во время отлива, как я слышал, ее собирают на покинутом водою дне. Много разных моллюсков. Раковины, мелкие морские крабы, морские ежи, морские звезды водятся у берегов в изобилии. Это объясняется теплотой воды Белого моря (вследствие оттока Гольфштрема), обилием водорослей и плоскостью берегов. Конец бумаге. Крепко целую тебя, дорогой.

27–28 апреля 1935 г., быв. Филиппова пустынь

Дорогой Мик, в Кремль налетели чайки.¹⁸⁵ Они совсем ручные и бегают у ног, как куры. Все время издают разные звуки, самые необыкновенные. То кричат индюком, то кудахчут, то пронзительно вопят, то словно плачут, очень похоже на капризных детей. На нервных людей этот птичий крик так действует, что они не могут спать. Чаек много. Они летают над кремлевской стеной, башнями, храмами или бегают по

кремлевскому двору. Иногда одна смешно раскроет клюв и начинает вопить, и тогда к ней присоединяются другие и соревнуются, кто громче. По величине эти чайки больше утки и меньше гуся. Их грудь, шея, оплечье и голова белые, и еще белая полоса у хвоста, а спина пепельно-серая, с голубоватостью, дымчатая, как будто на белую чайку набросили дымчато-серый поседелник. Клюв и лапы желтые, как и глаза. Хвост черный, но с белыми пятнами, а на спине – черные пятна. Клюв длинный, прямой, с сильно загнутым концом. Ноги слабые, тонкие, но довольно длинные. V.7–8. Вчера слышал об одном приключении с серебристо-бурой лисицей. Эти лисицы бегают всюду, забегают в уборные, на помойки, привыкли попрошайничать у всех. Повадился такой лис к одному рыболову, тот давал ему по окуньку, лис уходил. Но однажды рыболов наловил много окуней, и лис, получив подачку, не удовлетворился ею, стал просить еще. Рыболов погнался за лисом и отругал. Лис хватил его за ногу. Рыболов отпихнул. Тогда лис взял в зубы лежавшую на земле варежку и пустился с нею в лес. Рыболов погнался за лисом, но устал. Лис наконец бросил варежку в кусты, и ее пришлось довольно долго искать. А лис тем временем вернулся обратно и съел всю рыбу. – Недавно поймали чайку, на ноге у которой оказалось кольцо, надетое в Риме. Вот, значит, куда залетают соловецкие чайки. 12.V. Море большею частью вскрылось, но есть еще ледяная кайма у берега. Аэропланы перестали летать, вероятно в скором времени возобновится навигация. Когда заканчивается у тебя учебный год? Как идут твои экзамены, если они начались? С этим письмом я опоздал к последнему аэроплану, теперь же приходится не торопиться, т.к. оно все равно не пойдет до открытия навигации. – Один иранец (так теперь полагается называть персов) мне рассказывает об иранской жизни, о нравах, обычаях, кушаньях, приводит цитаты из персидских поэтов. – Ты пишешь, что был на охоте, но не сообщаем, – с кем. Кланяйся от меня Кате и скажи ей, что я постоянно ее вспоминаю. Скажи мамуле (уже нет места написать прямо ей), что я очень рад, когда она сообщает мне всякие мелочи вашей жизни и что я прошу всех вас писать их побольше. Целую тебя, дорогой. На днях напишу снова.

27–28 апреля 1935 г., быв. Филиппова пустынь

Дорогая Тика, сообщаю тебе новость – у морской свинки родились детеныши, 4, но 2 мертвые. Малыши эти больше, чем я думал, но приятные. Они рождаются зрячими и, можно сказать, довольно взрослыми, и уже через неделю после рождения едят всякую пищу.

На третий день после рождения один весил 84 г, а другой 97 г, на 9-й же день вес 120 г и 100 г. Вешают всех свинок натошак. Другая новость:

родились у крольчихи кролики, 4. Одна пара сереньких, как зайцы, а другая – черных. Кролики рождаются слепыми, но через 5–6 дней открывают глаза. – На днях кот заел одного кролика, только не родившегося теперь, а более взрослого. Как ни отбивали кролика, кот все же съел его. За это кота сажают теперь в клетку, и он оттуда мурлычит. Кот очень хитрый и смотрит так пронизательно, что делается не по себе. Кажется, вот сейчас заговорит: «Что я вам за котик?» Вчера, т.е. 6-го мая, опять валил снег, совсем как зимой. Теперь довольно холодно, лишь немногим теплее, чем зимой было, хотя снег уже стал рыхл. И смотреть на этот снег тем более странно, что почти всю ночь светло. Ложусь спать, когда уже светло. Даже к полуночи не темнеет по-настоящему, а в 11 ¹/₂ ч., правда по гражданскому времени, только сумеречно. Но зато днем свет какой-то не настоящий, жидкий, прозрачный, словно видишь все во сне, а не на самом деле. V.8. Вражду с котом за его проделки, смотрю ему в глаза, он отворачивается, начинает зевать, чувствует, что я сержусь на него. V.13. В Кремле множество чаек, все они кричат, галдят, квохчут, издают индюшачьи звуки, плачут, но в отличие от своих звуков красивы, особенно когда летят. И вот слышал я у них разговор. Одна чайка сообщает другой, что она недавно из Москвы и была в городе, называемом Загорском. И говорит, а есть там девочка, Тика, у нее матросское платье, очень красивое, очень красивое, видела ли ты его? А другая отвечает: непременно слетаю посмотреть. Я подошел к ним ближе, но они улетели. Кланяйся бабушке. Будет ли у вас летом Аня? Кланяйся ей.

13–14 июня 1935 г., быв. Филиппова пустынь

Дорогая Тика, ты возишься с цыплятами, а у нас тут всякие другие «ата и ята: крольчата, морские поросята, белые мышата, и наверное, будут котята. Иногда кроликов выпускают из клеток на прогулку. Они скачут по кухне и в коридоре, а я их ловлю, хотя это и не всегда удается. Они большие трусишки. Очень мягкие, мордочки плюшевые. Часть кроликов черных, а часть серых, совсем как зайцы. Свинки разных мастей, пятнами: белыми, черными и желто-коричневыми, в разных сочетаниях. Они все тоже очень смиренны и трусливы. Писк их похож то на хрюканье маленьких поросят, то на чириканье птичек. Недавно смотрел я, как крольчата расположились на своей матери, словно на диване. Морские свинки всегда норовят собраться в кучу и лежат друг на друге. Каждый старается проникнуть по глубже и выталкивает прочих, а те, выскочив, ложатся сверху и выталкивают тех, которые добрались до более уютного низа. Напиши мне, что ты теперь играешь и как идет у тебя немецкий язык. Чтобы научиться писать по грамотнее, старайся каждый день внимательно

прочитывать хоть по 10 строчек какого-нибудь хорошего произведения, всматривайся в каждое слово, в каждую букву и в каждую запятую, чтобы глаз привык, как пишется то или другое слово и где и в каком случае ставится тот или другой знак препинания. Было бы хорошо, если бы ты с Аней или Миком вместе разбирали по несколько строчек и обращали внимание друг друга на написание. На это можно тратить минут 20, а будет и полезно и весело. Что делают твои куклы? Ты мне никогда не пишешь о них. Записывай каждый день, что ты делала и что видела интересного, а когда-нибудь я увижу твой дневник, да и тебе самой будет занятно вспоминать прожитое. Но еще лучше просто пользуйся воздухом и отдыхай на солнышке, чтобы набраться сил на зиму. Я пишу так плохо, так как бумага здесь сырая, почти мокрая, чернил у меня несколько капель и сижу неудобно. Поэтому не бери примера со своего папы и старайся писать получше. Разговариваешь ли ты с Аней по-немецки? Она вероятно научилась уже говорить. Кланяйся ей от меня, а также ее родителям. Кланяйся бабушке и пожелай ей от меня здоровья. Как здоровье Микиной Кати? Ей тоже кланяйся. От чаек узнал, что у тебя новая блузка. Верно ли это? Да, я забыл написать мамочке (писал раньше, но, боюсь, письмо не дошло), что было бы хорошо, если бы баба Оля пожила у нас летом. Получили ли Вы это письмо? Только не знаю, позволит ли ей здоровье приехать по электрической или по железной дороге. Крепко целую тебя, дорогая дочка. Не забывай своего папу и пиши ему.

23 июня 1935 г., быв. Филиппова пустынь

1935.VI.23. Дорогая Тика, сообщаю тебе самые последние новости. Сегодня у нашей старой, трехцветной, свинки родились детеныши. Обычно их рождается по два. Но на этот раз свинка принесла пятерых: одного почти беленького, двух трехцветных и двух рыженьких. Эти поросята рождаются совсем готовыми – зрячими и довольно большими, и сразу же начинают бегать. Знаешь ли, как поят и кормят этих малышей? – Из пипетки, вроде глазной капельницы, но с шариком. Свинки охотно открывают рот и глотают жидкость, которую им туда выдавливают. – Еще событие: сегодня видел на клумбе в Кремле, свившую тут, посредине кремлевской площади, гнездо чайку. Около нее бегали чайчата, я видел двух. Они довольно крупные, с куропатку, на чаек совсем не похожи: песочного, желто-серого цвета, без перьев в крыльях и без хвоста, на длинных ногах, очень неуклюжие. Оперение торчит во все стороны. Чайчат можно принять за птиц киви. **1935.VII.3.** Тут целые облака комаров, которые забираются под накомарник, залетают в комнаты и никому не дают покоя. А бабочек почти нет: за все время я видел, кажется,

не более трех. Здесь звери быстро ручнеют. Например, серебристо-бурые лисы в определенное время приходят к окну отдаленного барака, стучатся лапой и требуют подачки. Раненый олень сам приходит из леса на перевязку, а олени здесь живут как дикие, без ухода, и бегают по лесу. Крепко целую тебя. Кланяйся бабушке.

21 августа 1935 г., быв. Филиппова пустынь

Дорогая Тика, 19-го августа улетела большая часть чаек. Оставшиеся дежурными при подрастающем поколении птенцов жалобно кричат. Недавно видел птенцов. Они выросли уже большие, с взрослую чайку, ходят важно, но оперенье их не белое, а серо-желтое, пестрое. Смотри из окна, не увидишь ли, как летят чайки, а может быть и поговоришь с ними. Недавно смотрел, как чайка стучится, и очень настойчиво, в окно комнаты при библиотеке, во 2-м этаже. Окно наконец открыли. Чайка очень ловко подхватывала издали бросаемые ей куски хлеба. Самое замечательное, она глотает такие куски сразу, какие тебе хватил бы каждый на обед; и не подавится! Видишь ли ты бабушек – Олю и Соню? Скажи бабушке Соне, если увидишь ее, что я часто о ней вспоминаю и последнее время очень ярко себе ее представляю, как если бы она стояла передо мною. Мамочка не могла вспомнить, как называется растение, пахнущее лимоном. Это – Melissa. Мне очень жаль, что Melissa не принялась у нас. М.б. ей слишком холодно в саду? Надо бы попробовать дать ей сперва окрепнуть в комнате, а на лето высадить в сад. Привез ли Кира чего-нибудь для сада? Цвели ли лесные орхидеи, которые я посадил когда-то около балкона? Жаль, что не насадил белых («ночных фиалок»). А здесь их было очень много, но пахнут гораздо слабее, хотя и пьянее, чем у нас. Как идут твои занятия, наверное ты уже теперь хорошо подготовилась. А не подготовилась, так усвоишь после, – это придет в свое время. Играешь ли в 4 руки? Кланяйся бабушке и Микиной Кате, поцелуй Аню. Получил ли Вася картинку, которую я послал ему? Устроила ли ты школу для кукол? Напиши, какие у тебя теперь щечки, стали ли розовыми? Крепко целую их, и тебя также, дорогая Тика.

5–6 сентября 1935 г., быв. Монастырская кузница

Дорогая Тика, хоть и поздно, однако поздравляю тебя с именинами¹⁸⁶ и прошу скушать что-нибудь вкусненькое. Смотрю на последних оставшихся чаек и думаю о своей дорогой дочке. Сейчас по Кремлевской площади расхаживают, весьма важно, четыре чайчонка. Они выросли совсем большими, приобрели стройность, но перья их все еще не белые, а серо-пестрые и черный хвост. Росли они среди толпы людей и можно сказать, под ногами. Поэтому ничего не боятся, ходят теперь без матерей и

проявляют неосторожность. Недавно один из этих глупышей не потрудился уйти от грузовика, и колесом ему переехало хвост, впрочем без вреда. Мать после ругала его, конечно на своем языке, говорила что загорская девочка от мамы не отходит, даже спит с нею, а он все куда-то убегает и неосторожен. Чайчата начали ссориться между собою: широко раскрывают рты, кричат что-то, должно быть ругаются по чайчьи, и друг на друга наскикивают. Матери их уговаривают не ссориться и ссылаются на загорскую девочку, которая не дерется и не ругается со своими братьями и сестрою. 29-го августа я проводил последний день на Биосаде. Лежал под деревом с книгой, а прямо надо мною, в 3 метрах, ползал по стволу ели дятел и не обращал на меня внимания. Улетая же, прокричал: «Прощай, прощай, поцелуй загорскую девочку». Кланяйся от меня Ледовиту Ивановичу,¹⁸⁷ скажи ему, что я здесь его вспоминаю. Да, еще о чайках. Один мой знакомый мальчик сидел в садике за столом и занимался. Прилетели две чайки, сели на стол по сторонам его, справа и слева, и сторожили его, пока он сидел там. Наверно хотели узнать, усердно ли он работает. Если тебе хочется завести себе собачку, то заводи, только уж придется самой заботиться о ней, кормить ее и смотреть, чтобы она не убегала на улицу. Не знаю однако, где ты достанешь ее, ведь Атиной уже нет, так что щенят добыть трудно. Кланяйся бабушке и Микиной Кате. Скажи Оле, чтоб она стала составлять летопись семейных событий, т.е. записала бы в тетрадь (а сначала на бумажках) даты рождений и других семейных событий и расположила бы их в хронологическом порядке. Крепко целую свою дорожную Тику.

16 сентября 1935 г., быв. Монастырская кузница

Дорогая Тика, вот распростились с нами и последние чайки, а вместо них прилетели вороны. Говорят, чайчата этого года прилетят уже только через 3 года, очевидно будут воспитываться где-то в теплых странах. Даже чайкам, как видишь, приходится учиться своим Чайкиным наукам. Кланяйся Ледовиту Ивановичу. Перед отлетом чаек мне довелось услышать между ними разговор. Мать-чайка говорила своим детенышам: «Вот, мы скоро будем пролетать над Загорском, а потом над Одессой. Смотрите, не учитесь говорить, как в Одессе. Там говорят очень смешно. Например, говорят: «Соня, не дрожи диван, проснешь папу». Или еще говорят: «Он лопнул стакан». Еще говорят: «Я у него одолжил» вместо «я у него занял». А в Загорске говорят правильно. Когда читают книгу, то стараются запомнить оборот речи и вдумываются в него. Загорская девочка всегда делает так, и вы учитесь у нее», – еще что-то она говорила, но я не разобрал. Живут ли с вами твои новые подруги? Кланяйся им от

меня, если они меня помнят. Но наверное забыли, они видели меня, когда были совсем малы. Уехала ли Аня? Когда читаешь, то вглядывайся, как написано то или иное слово и старайся запомнить, тогда быстро научишься писать без ошибок. Списывай себе в тетрадку стихи, которые тебе понравились, но списывай без ошибок, это тоже поможет тебе овладеть грамотой. Утешай мамочку, от моего имени и от своего, и старайся делать, чтобы ей было веселее. Побольше играй в 4 руки и не забывай своего папу, который тебя крепко-крепко целует.

19–20 апреля 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогая Тика, мама спрашивает меня о наших зверях. Расскажи ей следующее. По помещениям лаборатории бегают черные Заяц. Собственно это не заяц, а кролик, но зовут его Заяц. Он лезет всюду, довольно неуклюже и тяжеломерно подпрыгивая на полу, а когда влезет в одну из лабораторий или к нам в комнату, то его трудно выгнать. Недавно виделся с одним знакомым стариком, который живет не в Кремле, а на так называемой командировке, т.е. в стороне, километров на 12, в отдельном домике. Живет один. Он рассказывал, как к нему ежедневно заявляются олени и лисы, прося корма. Оленю он скормил понемногу свой матрасенник. Здесь звери все полу-ручные. Мама спрашивает, убивают ли лис? Нет, делается опыт акклиматизации, хотят выяснить, размножится ли серебристо-бурая лиса на свободе. Оленей иногда убивают – весной, т.к. они дерутся между собою, и, вероятно, все равно убили бы некоторых. Живут они на полной свободе. Хищников здесь нет. – Прилетели чайки, и Кремль полон поэтому индюшечьих криков. Хорошо, что ты сообщила, что твой Буська¹⁸⁸ мальчик, а я думал, то это – девочка, судил по имени. Боишься ли ты его? Мику я посылал морскую звезду. Пусть он напишет, получил ли. У нас тут последнее время чуть ни каждый день северное сияние, хотя и не всегда оно хорошо разыгрывается. Тут, на островах, водится много гаги – птицы, дающей драгоценный пух. Этот пух берут не с самой птицы, а из ее гнезд, которые она устилает пухом. Стоит он очень дорого. Раньше гаги было гораздо больше, но постепенно ее истребили (она очень доверчива). Брали также ее яйца, ездили в монашеские времена, давно, за яйцами и потому острова, где гнездилась гага, назывались Заяицкими;¹⁸⁹ впоследствии это название переделали в Заяцкие, а в просторечии они стали называться Зайчиками, хотя к зайцам никакого отношения не имеют. Чайки мне уже успели накричать, что в Посаде одна девочка устраивает водопады. Я сообразил, что это наверное Тика, и потому в письме к маме сообщаю кое-что о самых высоких и широких водопадах, – вроде твоих. Как идет у тебя немецкий язык? Кланяйся от

меня своей учительнице. Как твоя музыка? Играешь ли в четыре руки? Чайки мне сообщили, что ты ждешь маленького.¹⁹⁰ Что же ты будешь делать с ним? Слушаешь ли ты игру Марии Вениаминовны? И напиши, чему ты научилась от Марии Вениаминовны? Одна из чаек видела в Загорске фреску и говорила, что мне было бы интересно посмотреть ее, а почему – не сказала. М.б. ты сумеешь объяснить, в чем дело. Кланяйся от меня жаворонкам, которых здесь не слышно и по которым я скучаю. Пожалуй, с маленьким ты позабудешь своих кукол, и они на тебя обидятся. Кланяйся бабушке и скажи ей, чтобы она была здоровой и крепкой. Кланяйся Анастасии Федоровне. Напиши мне, какой породы твой Буська и какой он величины. Слушается ли он тебя, или делает, что хочет. Когда я писал вам о китайской кухне, то забыл сообщить, что там считаются лакомыми блюдами мидии (морские ракушки вроде беззубки – анодона, водящиеся в прудах) и слизняки; говорят, те и другие, с приправою вкусны. Крепко целую свою дорогую дочку и еще раз целую. 1936.VI.24. Сейчас узнал, что на крыше видели первого скворца.

1 мая 1936 г., быв. Кожевенный завод

V.I. Дорогой Мик, ты давно не писал мне. Чем занимаешься? Как твои глаза? Они меня очень беспокоят. Сейчас просматриваю «Океанографию» Шокальского¹⁹¹ и нахожу там много интересного. Хочу сообщить тебе кое-что о море. Во-первых об успокоительном действии масла на волнение. Масло действительно успокаивает гребни волн и не дает ветру срывать их и сглаживает поверхность. Слой масла может быть очень тонок, не толще 0,2 м, т.е. 0,0002 мм, и потому расход масла незначителен: напр. 50 см³ масла в 20 мин. покрывает площадь в 15 000 м². Для средней величины судна расход около 3 л масла в час. Вливают масло из мешков с пенькой – мешки промасленные насквозь (по 4 л масла на мешок) вешаются на борта судна. Лучше всего действуют животные (рыбий или тюлений жир) масла, затем растительные, а минеральные хуже.

V.3. Хотел бы написать еще, да взяли у меня книгу. Помню о волнах, набегающих на берег во время вулканических извержений и землетрясений: в Японии, например, волна была в 12 м высоты, а при извержении Кракатау в 1883 г. доходила до 34 м высоты и снесла с берегов на большую глубину внутрь острова не только жителей, но даже и землю, т.е. почву. Волна эта обошла весь океан, но конечно с постоянно убывающей высотой. Видишь на своем веку я пережил какие события: самую замечательную комету 1882 г.,¹⁹² извержение Кракатау, которое считается самым грандиозным из бывших на Земле в исторические

времена, возникновение и развитие всей электротехники (первая передача энергии была устроена в 1894 г.), изобретение фонографа, радио, цветной фотографии, кино, открытие рентгеновских лучей, радия, электрической природы вещества, космических лучей, полного пересмотра основ геологии, прививки против заразных болезней, измерение величины атомов, принципа относительности, квантовой механики, разработки воздухоплавания, электрического транспорта, синтетических смол, сжижения газов, открытие гелия и благородных газов, путешествий на полюс и без числа разных других новых явлений и идей. Когда оглядываюсь назад на прожитую жизнь, то мне кажется, будто читаю летопись за сотни лет. Добавь сюда еще великие археологические открытия: Трои, Крита, доисторической Греции, Египта, африканских культур и проч. Видишь, какой старей у тебя отец, почти тысячелетний. Крепко целую тебя, дорогой.

11–12 октября 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогой Мик, письма твои получил, мне страшно, даже задним числом, от твоих приключений и в частности от аэроплана. Видел ли ты в Тифлисе тетю Лилю и все ее семейство? Был ли на квартире у дяди Шуры? ¹⁹³ Был ли на могиле дедушки и бабы Юли? Летом я занимался физикой с кружком. Решали задачи по задачнику Цингера «Задачи и вопросы по физике», 7-е изд. 1935 г. Этот задачник составлен очень удачно. В каждой задаче сообщается что-нибудь интересное, задачи легкие, не требующие каких-либо фокусов, основательные. Мне очень хотелось бы, чтобы ты достал себе такой задачник и перерешал все задачи в нем от корки до корки, каждый день решая хотя бы по одной задаче, но систематически и вдумчиво, а не так, чтобы только получить ответ. Ты теперь в таком возрасте, когда закладывается фундамент всего последующего знания, и если не положишь фундамента добросовестно, то все потом пойдет непрочной и будет трудно осваиваемо. А задачник Цингера затрагивает не только физику, но и разные отрасли естествознания и техники. Письмо твое о Сванетии мне было очень интересно. В Сванетии я не бывал, но видел ее, с перевала Утини в Раче (Рачинском округе ранее) и получил от нее сильное впечатление. Наверное этот хребет Утини ты видел, хотя бы с аэроплана, т.к. в Кутаис из Сванетии надо перелетать именно через него. Другие местности, тобою упоминаемые, мне хорошо знакомы: в Кутаисе я жил и хорошо знаю весь район – Тквибули, Нанеральский хребет, Шаору и др. В Чиатури я тоже жил и облазил все нагорья, внимательно обследовав их. В Батуме провел все детство и знаю Зеленый мыс, Ботаническому саду на котором при мне только полагалось начало. Жаль еще, что ты не видел

моей любимой Батумо-Ахалцыхской дороги.¹⁹⁴ Но твое время еще впереди. Однако, при посещении Аджарис-Цхали в 1925 г. (?) с Кирой и Васей я с горечью убедился, что дикость и нетронутость Аджаристана уже исчезла, так что многих мест я просто не мог узнать. Всюду проникают удобства цивилизации, и вместе с тем рассеивается поэзия и уют. Как изменились на моих глазах окрестности нашего Загорска за 30 лет, до неузнаваемости. Целую тебя, дорогой Мик, старайся не терять времени и слушайся своей дорогой мамочки. Нравится ли тебе твой племянник?¹⁹⁵ Кланяйся бабушке.

23 октября 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогой Мик, как мне хотелось бы быть с тобою, чтобы приучить тебя к правильной работе и к накоплению знаний. Впрочем, если ты вспоминаешь иногда о своем папе, то наверное стараешься воспользоваться лучшими годами своей памяти и свежести восприятия, чтобы не терять времени зря и подготовить себя к будущей серьезной работе. Когда я был в твоём возрасте, то каждая потерянная минута казалась мне не то несчастием, не то преступлением, и я старался заполнять все время впритык. У меня были тетради, куда заносилось все существенное из прочитанных книг и отзывы о книгах, тетради интересных цитат, альбомы зарисовок с природы, тетради экспериментальных работ, разделенные по параграфам, записные книжки для полевых наблюдений. Каждый день я ставил самому себе балл по работе (делалось это вечером) с мотивировкою его. Именно таким способом я приобрел запас знаний, навыки к работе и, главное, привычку самостоятельно, а не с чужого голоса, судить о вещах, по самим вещам. Приобретаемые сведения я старался сопоставлять и суммировать в виде таблиц, диаграмм, кривых, – в таком конденсированном виде они становятся понятнее, оживают и осмысливаются: сразу, само собою, получается «эмпирическое обобщение». – Между прочим, читая о плодах растений, я сделал для себя маленькую сводку по расхождению житейской терминологии и терминологии ботанической. В основе ее лежит ботаническая классификация плодов, показанная в табличке Как видишь, обычное житейское название совсем не совпадает с научным. – Тут в лесах много куропаток и тетерок. Идешь лесом, и вспархивают стаи тетерок. Куропатки малобоязливы, их легко подманывать. А то ловят и без подманывания. Недавно я был в северной части острова.¹⁹⁶ Один рабочий вышел из дому и через несколько минут вернулся с куропаткой – убил палкой. Недавно видели много лебедей – на Севере (в Карелии) и на Соловках они водятся. Черно-бурые лисицы шмыгают под ногами как

собачонки, влезают в Кремль, слоняются по улицам и совсем не боятся людей, например едят прямо из рук. – Внимательно ли ты рассматривал растения на Зеленом мысу? Напиши мне, как ты представляешь себе в общем разницу субтропической растительности и растительности средней полосы, т.е. посадской, – а именно, в чем отличительный характер листьев, ствола, цветов, плодов и т.д., тех и других, если постараться обобщить признаки по наиболее типичным и многочисленным представителям той и другой флоры. Потом напиши мне еще, в чем разница почвы субтропической и средней или северно-средней. И еще напиши мне, есть ли в хлорофилле железо, а если нет, то есть ли там какой-нибудь металл. Крепко целую тебя, дорогой. Будь здоров. Как твои глаза?

25 ноября 1936 г., быв. Кожевенный завод

1936.XI.25. Соловки, №82. Дорогой Мик, только что вернулся я из маленькой экскурсии. Вчера вечером было поручено прочесть лекции на одной из командировок, в восточной части острова, за 10 км от Кремля. Вышли в 7 часов вечера, т.е. по-здешнему, совсем ночью. Но небо было ясное, морозило, светила яркая луна, так что, несмотря на свои глаза, шел я легко и свободно, но, как всегда, со своим высоким рябиновым посохом. Дорога идет лесом, затем болотами. Еще недавно по этим болотам трудно было пройти и днем. Теперь же там сделали песчаную насыпь, кроме того все подмерзло. Пустынно, никого за весь путь не встретили. Отчитал вечером 2 лекции, а на следующее утро еще одну, конечно все о водорослях и о водорослевой промышленности. Об этих вопросах и рассказывал столько раз, что есть опасность стать граммофоном. Поэтому стараюсь разнообразить подход, план и отчасти содержание, чтобы и самому было занятно. В классической музыке любили писать на тему вариациями, я, вот, и говорю вариации в разных тональностях и темпах. Бригадир командировки – армянин из-под Тифлиса, угощал меня разными кавказскими припасами – сыром, медом, орехами и яблоками, даже каймаком, так что я наелся и отогрелся в жарко натопленном бараке. Вспоминали Кавказ, разные места и кушанья. На морском берегу подобрал интересных водорослей в свою суму, без которой никуда не выхожу. Море начинает замерзать: покрылось шугою, она прибивается приливом и волнами к берегу, так что вода покрыта т.н. салом, – гущей из ледяных кристалликов. От них она густеет и напоминает застывающее свиное сало. Прибой характерно меняет. Волны уже не образуют гребней, не ломаются и не опрокидываются, а медлительно и нехотя находят на берег, оставляя на нем часть своей шуги. От этого вдоль береговой линии белеет вал, который сперва можно принять за снег, но бросается в глаза странность

такого выпадения снега длинной узкой полосой, тогда как прочая поверхность еще гола. С этой шугою перемешаны и прибитые к берегу водоросли, сверху смерзшиеся в общую массу. Брать их стало трудно – надо сперва пробить ледяную кору. Кроме того на берегу пронизывает холодный ветер, а ноги проваливаются в водоросли, под которыми оказывается холодная вода. Местами на волнах, окруженные салом, лениво покачиваются блины. Так называются ледяные диски, совершенно круглые, по величине с хороший блин, образующиеся от смерзания шуги в общую массу. Раньше я блинов на море не видывал. Оказалось, что это название очень удачно – точно передает вид этих ледяных образований. Набрал водорослей, но не выбирая, а почти наудачу: в перчатке водоросли мокрые не приходится разбирать, да и неудобно, если виды нежные, а без перчатки на ветру очень уж мерзнут руки. На обратном пути, при дороге, метра за 4 от себя видел я белую куропатку. Мы долго смотрели друг на друга, и я ее разглядел очень хорошо. Это очаровательная птица – белая, как снег или хороший фарфор, очень изящная, с хорошенькими темными глазками, вся гладенькая, словно выточенная или отлитая, совсем не боязливая. Целую тебя, дорогой Мик. Не огорчай мамочку и не забывай своего папу. Еще раз целую.

25 ноября 1936 г., быв. Кожевенный завод

[1936.XI.25. №82] Дорогая Тика, за дощатой перегородкой наш ночной сторож, преподаватель физкультуры, что-то говорит, не знаю с кем. Выглядываю за дверь (уже 2 часа ночи). Оказывается, он разговаривает с кошкой, которую запрятал себе за борт пиджака. На свой вопрос, с кем он разговаривал, получаю ответ, что – с кошкой, т.к. вспомнил, что он так же ласкал свою годовалую дочку и всюду носил ее на руках, а она желала, чтобы ее спустили на пол. А я вспоминаю свою дочку, которую тоже носил на руках и которая боялась леса. Теперь боишься ли? Занимаешься ли ты еще своими куклами, или отстала от них? Пожалуй, они уже скоро перейдут маленькому племяннику? Впрочем, о своих куклах я до сих пор еще помню и жалею, особенно о кукле Юле, которая мне в магазине так понравилась, что приобрели ее для меня, несмотря на разбитость части ее шеи. Этой кукле я не только платья шил, но и вышивал, вязал, постоянно стирал, вообще заботился о ней, как мог и даже готовил ей обед. Крепко целую тебя, дорогой Тик, не забывай папу.

18–19 декабря 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогая Тика, сообщаю тебе лисьи истории. Одна особа пошла кататься на коньках и сняла валенки. Лис черно-бурый подкрался, стащил один валенок и убежал с ним. Несмотря на погоню присутствовавших при

этом, вернуть валенок не удалось. Вероятно, лис расщиплет его на отделку своей норы. Лисы бегают всюду и любят бывать в Кремле, так что стали уже получать клички. Один из них, хоть он и лис, а не лиса, назван Катей. Этот Катя бегает по коридорам общежития, забирается в камеры и тут его подкармливают. Особенно любит он сахар. В одной из камер, где его часто угощали, он стащил калошу, но ее не удалось вернуть и не удалось найти в течение целых суток. На другие сутки он сообразил, что получать сахар ему выгоднее, чем владеть калошей, и сам вернул ее, принеся в зубах. Эти лисы никого не трогают и довольно трусливы. Двигаются бесшумно, словно черная тень скользит. Лисиц сюда черно-бурых нарочно не привезли, только одну, вероятно, по недосмотру. Хотели, чтобы вывелись детеныши от черно-бурых лисов и обыкновенных рыжих лисиц – эта помесь отличается красивым мехом и называется сиводушками. Но, кажется, таких детенышей не рождается. А у черно-бурой лисицы были дети, очень хорошенькие, как говорят, – я их не видел, впрочем. – У нас тут ветры и часто – оттепель, мороз же пока 1–2°, даже трудно поверить, что находимся у полярного круга. Широта сказывается, однако, на короткости дня. Часов в 9 утра еще темно, полутемно; без искусственного света работать в комнате можно лишь часа 2 в сутки. Море еще не замерзло, но в скором времени ждем прекращения навигации. Поэтому не удивляйтесь, если в письмах моих будет перерыв. Постоянно вспоминаю свою дочку. Нужно было бы ей почаще читать и рассказывать вслух, чтобы приучиться говорить. Хоть маме ты рассказывала бы побольше. Васюшка, когда был маленький, непрестанно говорил, особенно на прогулках. Он сам замечал это и объяснял так: «Знаешь, мама, когда пчела летит, она все время жужжит. Так и я, когда иду, то говорю». А Тика наоборот, совсем не похожа на пчелку. Как же она будет собирать мед? Папе же ее хочется, чтобы она собрала для него очень много меду. – К тому времени, как получится это письмо, вы вероятно уже вскрыете мою посылку. Напиши, нашлось ли там тебе что-нибудь интересное. – В настоящее время я живу на новом месте, т. е. в том же здании, но рядом с лабораторией, которая переведена в другую комнату, в самой древней части 2-го этажа. Живу один. Комната небольшая, в глубину шагов 10, а в ширину 3. Помещение более уединенное, чем было раньше и более тихое, но холодновато. Но зато мне, особенно поздними вечерами, легче думать о вас. Эта комната напоминает по форме ту, в которой я жил в 1906–1908 годах, но не такая высокая и не сводчатая.¹⁹⁷ Крепко целую свою дорогую дочку и еще раз целую.

19 июня 1937 г., быв. Чоботная палата

1937.VI.19. Дорогая Тика, мне приходится всегда прощаться с чем-нибудь. Прощался с Биосадам, потом с Соловецкой природой, потом с водорослями, потом с Йодпромом. Как бы не пришлось проститься и с островом. Ты просишь нарисовать тебе что-нибудь. Но сейчас у меня нет красок, а кроме того нельзя прислать, если бы я и нарисовал для тебя. Придется ждать более подходящего времени. Ты можешь взять из моего кавказского альбома какой-нибудь геологический вид или какую-нибудь водоросль и повесить себе. Но бери то, что покрасивее и заклей под стекло. Мне жаль, что рисование прекратилось, т.к. оно успокаивает, – так же как и музыка, если играть самому. Надеюсь, что за меня будет рисовать моя дочка, и наверное лучше своего папы. Кланяйся от меня бабушке и Анастасии Федоровне. Поцелуй мамочку и маленького и покажи ему что-нибудь красивое. Чайки говорят, что у тебя новое платье, правда ли? Крепко целую свою дочку.

Письма дочери Ольге

13–14 октября 1933 г., ст. Ксениевская

Дорогая Олечка, все собирался написать тебе, но так занят, с раннего утра (с 6 ч.) до поздней ночи (12 ч.–1 ч. или позже), что нет ни минуты свободного времени, а к тому же нет и открыток. Скажи маме, что мне ничего не нужно присылать, надеюсь, что как-нибудь добуду все нужное. Мне можете писать, сколько хотите, но я вероятно часто писать не смогу, поэтому не беспокоитесь, если не будете подолгу получать писем. Читай по русской словесности Островского, Лескова, Тургенева; по больше и по внимательнее читай Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Боратынского, а когда подрастешь – Тютчева и Фета. Из иностранных писателей читай Шиллера, В. Гюго, Гофмана. Пушкина хорошо тебе читать в издании Поливанова,¹⁹⁸ прочитывая каждый раз объяснение. Тут мне попался 1-й том этого издания и после обеда 1/4 часа я читаю лирические стихотворения Пушкина. Целую крепко тебя, дорогая дочка. Целую маму, Васю, Киру, Мику и Тику. Кланяйся бабушке.

Твой папа.

Адрес мой: ст. Ксениевская, Забайкальской ж. д., почтовый ящик № 1, 5-й лагпункт, мне.

12 ноября 1933 г., ст. Ксениевская

1933.XI.12. Дорогая Олечка, получил твое письмо и сажусь отвечать тебе. Прежде всего, не беспокойся о твоих неудачах со школой: все обойдется и устроится к лучшему. Занимайся спокойно в каждый момент тем, что доступно, расти, развивайся и будь уверена, что все, что ты наработаешь теперь, в юности, когда-нибудь понадобится и притом выйдет так, что потребуются именно это, как будто случайное, знание. Говорю тебе так на основании долгого опыта жизни. Что же тебе нужно делать? Во-первых, надо усвоить известные навыки, необходимые, чем бы ты ни занималась в дальнейшем: языки, литературу, математику, физику и естественные науки, черчение, хотя бы немного, и рисование, музыку. Во всяком жизненном положении и при всякой деятельности это необходимо. Учись излагать мысли, чужие и свои, учись описывать: приобрети навык внимательного отношения к слову, к стилю, к построению. Хорошо, что ты начала учиться немецкому по серьезному; не забывай и французского; для этого старайся каждый день прочитывать хотя бы по страничке, и притом непременно вслух, а незнакомые слова ищи в словаре. Неплохо также читать по-французски, имея и русский перевод текста и сличая, что

и как переведено, улавливая недостатки перевода. Вообще же старайся, чтобы языки, как русский, так и иностранные, были для тебя живым звуком, а не только значками на бумаге. Поэтому и русские сочинения, если не целиком, то хотя бы понемножку, старайся читать вслух и улавливай совершенство звука, ритм построения как со стороны звуковой, так и смысловой и образной. Непременно читай вслух хорошие стихи, особенно Пушкина и Тютчева, пусть и другие слушают – учатся и отдыхают. Мне тут попался том Пушкина в Поливановском издании. Как было хорошо после обеда, на берегу реки Угрюма, читать стихи Пушкина вслух и вдумываться в высшее совершенство каждого слова, каждого оборота речи, не говоря о построении целого.

В математике старайся, чтобы ты не просто запоминала, что и как делать, а понимала и усваивала, как усваивается музыкальная пьеса. Математика должна быть в уме не грузом, извне внесенным, а привычкой мысли: надо научиться видеть геометрические соотношения во всей действительности и усматривать формулы во всех явлениях. Тот не усвоил математики, кто умеет отвечать на экзамене и решать задачи, но забывает математическое мышление, когда нет речи о математике.

Спрашиваешь, заниматься ли тебе ботаникой. Конечно, по мере времени и сил старайся, если не заниматься, то подготовиться к этим занятиям: смотри побольше картинки в ботанических сочинениях, сравнивая растения на рисунках и в натуре, старайся понять стиль семейств, то художественное и биологическое единство, которое лежит в основе их. Наконец, следует тебе понемножку запастись капитал названий растений и притом так, чтобы это были не пустые названия, но копилки, куда будут складываться сведения о жизни, свойствах и применении растений, обозначаемых данными названиями. Чем богаче будут твои сведения, хотя бы разбросанные, об отдельных растениях, тем легче и интереснее будут впоследствии твои занятия ботаникой. Пойми, что приступать к какой бы то ни было науке без предварительно приобретенного багажа неправильно, это ведет к мертвому и вредному балласту, и сразу не умея переварить его, учащиеся остаются навеки с засоренной головой. Когда мы вместе с тобой гуляли, я старался обращать ваше внимание на сходство отдельных растений, сообщать кое-какие названия. Теперь к этому можно добавить технические свойства растений. В частности, почитывай Кернера фон Мерелауна «Жизнь растений»,¹⁹⁹ там найдешь много полезного, можешь не торопиться, а читай лучше понемногу, спокойно, усваивая и вдумываясь. Очень хорошо смотреть на изображения одного и того же растения в разных книгах и вообще

многократно возвращаться к одному и тому же растению, чтобы сделать его себе близким.

Крепко целую тебя, дорогая Олечка, поцелуй мамочку. Живи бодро и весело, работай и будь здорова. Твой папа. Скажи маме, чтобы обо мне не беспокоились, т.к. всегда находится кто-нибудь, кто заботится обо мне и помогает устроиться с едой и прочими условиями жизни.

27 декабря 1933 г., г. Свободный

1933. XII. 27. Дорогая Оля, мама пишет, что ты огорчаешься из-за школы.²⁰⁰ Напрасно. Во-первых, это дело устроится и утрясется со временем, а во-вторых, тебе гораздо полезнее подзаняться самой немецким и музыкой, подработать математику и физику и почитать литературу. А то, ведь, окончишь школу и так останешься без необходимой общей подготовки, потому что там пойдут свои занятия и времени у тебя не будет. Про себя я скажу, что все приобретенное мною знание, оказавшееся действительно прочным и полезным впоследствии, скоплено путем личных усилий, а не в школе. Правда, эти усилия достаются с большим трудом; но зато они дают и большее удовлетворение и лучшие результаты. Тут уж нет полу-знания: что узнал, то узнал надежно. Поэтому, дорогая, не огорчайся, а считай сложившееся положение своим приобретением.

Напиши мне, что ты читаешь. При случае почитай Лескова, да и другим тоже будет полезно и интересно. Потом еще почитай Леонтьева, – имею в виду его рассказы и повести. Но только, когда читаешь художественные произведения, не удовлетворяйся одной фабулой, а отдавай себе отчет в построении произведения, в особенностях языка, обдумывай типы. Надо понимать, как сделано произведение, в его целом и отдельных элементах, и для чего оно сделано именно так, а не иначе. Тогда ты увидишь, что различные особенности произведения, даже такие, которые сперва могут показаться недостатками, недочетами, капризами автора, на самом деле имеют целевое назначение в целом – для того чтобы достигнуть наибольшего впечатления в определенном смысле, чтобы дать цельность и органическую связность отдельным частям. Иное кажется сперва случайным, но когда вдумываешься, то увидишь его необходимость, увидишь, что иначе было бы хуже. Но, конечно, это относится только к произведениям высокого порядка. Слабые же, наоборот, полны случайностей, нецелесообразностей, внутренних несоответствий. В этом отношении очень полезно рассматривать произведения в последовательных его редакциях. Тут можно видеть, как художник безжалостно уничтожает отдельные части, фразы, главы и т.д., сами по

себе очень значительные и сильные, но нарушающие единство и цельность произведения. Особенно следил за этим Пушкин. Много-много раз он переписывал и все исправлял и исправлял, так что вся рукопись оказывалась перечеркнутой, надписанной, снова исчерканной, снова надписанной, так что ничего не разберешь. А теперь восстанавливают первоначальные варианты, и они оказываются высокохудожественными в своих частях, и все же уничтоженными из-за нарушения цельного впечатления.

1933.XII.29. Дорогая Оля, никак не могу закончить это письмо вам – все отрывают дела, а вечером поздно писать негде. Писем от вас не получаю и беспокоюсь, в чем дело. Скажи Васе и Кире, что мне очень хотелось написать и им, но письмо я и так очень долго держу: не следует тянуть с ним еще. Напишу в следующий раз, а пока целую их и вас всех.

Целую тебя, дорогая Оля. Не забывай своего папу, будь весела и спокойна. Сегодня тут тепло, идет легкий снег или скорее какой-то признак снега еле-еле, но и то приятно, что немного побелело. Еще раз тебя целую.

П.Флоренский

Скажи мамочке, что тут я кое-что зарабатываю, гораздо больше, чем мне нужно при всем готовом, и чтобы она обо мне не беспокоилась.

8 апреля 1934 г., г. Свободный

1934.IV.8. Ночь. Сквородино, ОМС. Дорогая Оля, сегодня получил твое письмо и, собираясь уезжать, спешу написать тебе, т.к. иначе дней 8 не смогу. Относительно музыки твоей ты напрасно нервничаешь и дергаешься. Тебе надо спокойно идти своей дорогой и научиться, чему способна и как способна, прочее же от тебя не зависит. Вполне понимаю твою учительницу,²⁰¹ когда ты задаешь ей вопросы о том, что выйдет из твоей музыки. Лично я вовсе не считаю непременно условием ждать чего-либо необычайного, чтобы учиться музыке. Она есть весьма важный элемент воспитания и образования, который доставит тебе самой и другим много светлого, но если ты не будешь ставить себе тщеславной цели сделаться артисткой и играть превосходно. Когда учатся грамоте, то не волнуются о том, выйдет ли из обучаемого писатель; нет, обязательна грамотность, способность читать книги и излагать свои мысли, а если, кроме этого, обнаружится литературный талант, то это уж бесплатное приложение, выигрыш судьбы. Так и в музыке нужна грамотность, способность пользоваться сокровищами музыкальной культуры. Если эта способность у тебя появится в результате обучения, то я считаю цель достигнутой. Если же сверх расчетов, обнаружится и талант, то это

неожиданный подарок, но требовать его себе или от себя неправильно. Расти, учись, развивайся, научись приобщаться тому, что есть у человечества лучшего – вот цель. Возможно, что Мария Афанасьевна не рассчитывает на большее от тебя. Так что ж, разве та цель, о которой говорю я, не стоит того, чтобы ради нее поработать? Но ты своими вопросами, очевидно, добиваешься от Марии Афанасьевны, чтобы она сказала, что не рассчитывает на большее, ей этого не хочется сказать, да кроме того ни она, ни кто другой не могут уверенно сказать, что может выйти в конечном итоге из обучения. Бывает нередко, что и большие способности, проявив себя блестяще сперва, затем хиреют, и наоборот, бывает внезапное пробуждение способностей после вялого и тусклого начала. Но ни о том, ни о другом нельзя сказать с уверенностью наперед, и ни в том, ни в другом случае нельзя отказываться от работы. Плохо лишь, когда вместо интереса к самому делу движущим началом оказывается тщеславие и самолюбие, подменяющее действительность собственной персоной. Вот от этого-то и хочу предостеречь тебя. Посади растение, поливай его, ухаживай за ним, а остальное предоставь его организующей силе, чтобы она произвела то, что может произвести. Не мешай ей, не дергай ее, будь спокойна. Ничто в мире не пропадает, и работа приносит свой плод, хотя часто и совсем не тот, на который рассчитываешь.

Теперь о занятиях в школе. Вы не сообщали мне, что ты стала учиться в школе, и это было для меня новостью. Конечно, если нельзя тебе сдать все предметы, то не надсаживайся, сдай, что можешь, а остальным займешься летом. В частности, займешься физикой и прочим, чего не сдашь. Сейчас я занимаюсь физикой и математикой с одним мальчиком, сыном нашего директора.²⁰² Моему ученику 17 лет, но вследствие переездов семьи с места на место, он прошел только 7 классов и теперь не у дел, хочет нагнать.

Заботьтесь о мамочке, старайтесь, чтобы она не унывала и была веселее. Не раздражайтесь на Тику. Ведь бедная девочка всю свою маленькую жизнь прожила в тревоге и под гнетом тяжелых впечатлений, да еще болела. Если у нее сейчас неровности характера проявляются слишком сильно, то это вполне понятно, да кроме того это вероятно просто какой-нибудь перелом внутреннего роста. Но это пройдет, и Тика скоро изменится к лучшему. Если же вы будете слишком считаться с наличным ее состоянием, то будет только хуже, и оно может окрепнуть.

Целую тебя, дорогая.

П. Флоренский

22 января 1935 г., Кремль, быв. Наместнический корпус

1935.I.22. Дорогая Олечка, получила ли ты то письмо, в котором я тебе писал кое-что о Тютчеве? Я читаю теперь Расина и наслаждаюсь им. Сегодня, прочтя «Ифигению в Авлиде» и под обаянием этой трагедии я развернул, в ожидании проверки, нашей ежедневной вечерней проверки, «Фауста» Гете и был поражен, насколько «Фауст» груб и неприятен после Расина. Правда, надо добавить, что Расина я читал в подлиннике, а Гете – в переводе, огрубляющем и стирающем тонкую ритмику подлинного Гете. Скажу несколько слов о Расине, м.б. тебе будет интересно. Прежде всего удивительное построение трагедий, – конечно это все-таки не античное построение, но по-своему совершенное. Вся трагедия монолитна, нет спаек, склеек. Действие непреклонно идет вперед, не отвлекаемое ни археологическими подробностями, ни бутафорией, ни побочными мыслями, чувствами и словами. Поэтому нет остановок, бесполезной повествовательности, все целеустремленно. Это – чистая динамика, без мертвых и неподвижных вещей. Второе, на что обращается внимание, можно было бы назвать, как это ни странно для придворного поэта, своеобразная внеклассовость или впечатление внеклассовости: оно объясняется тем, что действуют исключительно цари и герои, простые же смертные еле упоминаются и служат лишь бледным фоном. Таким образом все действующие лица между собою равны, а с прочим миром никак не соприкасаются и следовательно своих отношений к нему не проявляют. Третье, на что хотелось бы обратить твое внимание – это чрезвычайная смелость поэта. Его посвящения коронованным особам полны внутреннего достоинства, а его произведения, написанные для придворного театра, должны были служить уроками, нравоучениями и обличениями двора. Удивительно, как позволяли ставить на сцену подобные трагедии. Далее, чистота и прозрачность Расина, отчасти напоминающая моцартовскую музыку, хотя без игривости и детской ясности Моцарта. Нет ничего пошлого, тяжелого, мажущегося. Построение, словно кристаллы, возносится ввысь. И наконец, хотя и однообразная, но полнозвучная и острая ритмика стиха, при точном, математически точном языке, в котором нет ни одного слова лишнего, приблизительного, наудачу поставленного. – Вот, дорогая, все письмо ушло на Расина. Впрочем, я не знаю, о чем писать, ведь моя жизнь однообразна, день как другой, не только делать что-нибудь, но и думать некогда и негде. 1935.I.29. Несколько слов относительно твоих вопросов (письма я получил на днях и одно сегодня). Анна Каренина мне тоже не представляется ясной в целом. Очень яркие отдельные черты, но они мелькают как в кино, но целостный образ и особенно внутреннее развитие

Анны Карениной не выступают наглядно. Правда, читал я Толстого давно и помню его плохо. – Относительно тебя. Постарайся бывать побольше на воздухе. Боюсь, что головные боли и тяжелое состояние отчасти происходят от недостатка свежего воздуха и от переутомления. «Природа – лучшая очистительница». Можно сидеть в комнате много дней без толку и какой-нибудь час в природе даст понять то, чего не понимал раньше. Мысли и понимание растут и зреют, как растения; не надо слишком ковыряться в них. Терпеливо ожидая, когда мысль созреет, получишь ценное, а вымучивая мысль, рискуешь попасть в кажущуюся ценность, которая будет только обременять сознание и, ненужная сама, не давать роста нужному. Главное, не торопись и спокойно взирай на свой собственный рост: не теряй времени зря, но вместе с тем не упреждай роста: все придет в свое время. Крепко целую тебя, дорогая. Напишу еще в следующий раз по другим вопросам, тобою поставленным. Пришли мне рукопись или копию поэмы «Оро».

13–14 июня 1935 г, быв. Филиппова пустоте

Дорогой Олень, наконец-то ты стала поправляться. Только смотри, не напорти снова. Пользуйся, как можно больше, солнцем, это наилучшее истребление инфекции. Занимайся, как можно меньше, главное же – отсыпайся, отъедайся и дыши воздухом свежим. Хорошо было бы вам воспользоваться летом и есть побольше трав, но лучше в изготовленном виде. Чтобы не забыть. «Оро»²⁰³ переписывать не надо целиком, кое-как я восстановил, хотя и плохо. Но присылать мне все-таки не надо. Пришли только два отрывка – о Батуме и о лесных пожарах, больше ничего не требуется. Этих отрывков я восстановить не могу. Относительно историко-музыкального отделения (чего? – не помню) по-моему решать рано. Для занятия историей музыки требуется хорошая общеисторическая и эстетическая подготовка, знание древних языков и, конечно, хорошее музыкальное образование. Т.е. помимо понимания гармонии, контрапункта и инструментовки, надо уметь достаточно хорошо исполнять произведения и, кроме этого, хотя бы плохо, но владеть рядом разнообразных инструментов. Иначе придется читать и говорить о вещах, которых воспринять не можешь, т.е. впустую. По этому-то я и думаю, что с решением относительно историко-музыкального отделения надо повременить; вероятно, за предстоящий год уже определятся твои музыкальные успехи и возможности, и тогда будет видно, стоит ли делать музыку занятием не для себя и близких, а профессией. Хорошо бы об этом посоветоваться с Марией Вениаминовной, но не сейчас, когда данных для решения еще недостаточно, а именно после зимы. Ведь музыка, как

профессия, только тогда даст удовлетворение, когда имеются достаточные силы, иначе же она тягостна. Совсем другое дело музыка для внутреннего употребления, в часы досуга: тут и самая слабая музыка – великое подспорье для души. Но, за всем тем, это не значит, что не следует быть знакомым с историей и теорией музыки: это знание будет весьма полезно и для самой музыки, и для общего развития. Однако, еще раз предупреждаю тебя, как и ранее неоднократно. Чтобы ты не рассчитывала «старанием прибавить себе локоть роста».²⁰⁴ В твоём характере есть напор и нетерпеливость, ты хочешь натиском брать то, что дается лишь органическим ростом и приходит само в свое время, вылупляясь из оболочек, скрывавших от взора внутренний рост. Не торопись, не предвосхищай не дарованного в настоящем, живи тем, что есть сейчас и в терпении надейся на будущее. Теперь ты нахватываешь себе занятий, и того и другого и третьего сразу, а в результате может получиться, что ничего не будет усвоено и голова не выдержит. Не горячись и не жадничай, все нужное придет. Работай в меру и оставляй силы и время для усвоения: ведь набивание головы без усвоения – дело не только не полезное, но и прямо вредное. Усвоение же совершается во время отдыха, в тиши чувств – даже в некоторой скуке: «fastidium est guies, – скука – отдохновение души». Старайся вдумываться в делаемое и усвояемое, старайся быть благодарной за то, что есть, а не роптать за то, чего нет, как в окружающем, так и в окружающих. Боюсь, ты недостаточно ценишь нашу дорогую мамочку, своих братьев и сестру и других. Бери от них то, чего никогда не получишь впоследствии, вероятно лучшее, что вообще сможешь получить в жизни. Ведь все другие дела – только приправа к отношениям с близкими, и когда нет этих отношений и когда они неполноценны, то никакая приправа, как бы она ни была изысканна, не насытит души и будет казаться ненужной. – Спрашиваешь о линиях роста русской литературы. Напишу после, теперь голова так забита и работой и беспокойством, что трудно сосредоточиться. Хочу тебе отметить только мысль, высказанную Проспером Мериме в его переписке с Соболевским,²⁰⁵ а именно, что вся литература XIX века (русская и европейская) определяется двумя исходными центрами: В. Гюго и Пушкиным, они – антиподы. Мериме считает, что от Пушкина идет течение здоровое, а от Гюго неестественное, болезненное и риторическое. По последней линии пошел например Достоевский, т.е. это все говорит Мериме. Вероятно провести мысль Мериме до конца было бы затруднительно, но в ней есть какое-то ценное ядро, над которым следует поразмыслить. Относительно генеалогии писателей обрати внимание на

родственные связи славянофилов между собою и революционеров – между собою, причем последние идут преимущественно от декабристов (я говорю о деятелях XIX в., и притом не самого конца). Крепко целую тебя, дорогая, поправляйся скорее, отдохни за лето, чтобы быть крепкой к зиме. Ведь лето коротко и надо пользоваться солнцем.

16 сентября 1935 г., быв. Монастырская кузница

Дорогая Оля, недавно прочел я «Сербский эпос» в изд. «Academia»²⁰⁶ и получил истинное удовольствие, особенно от более древних песен. Большая красота, большая стильность и многое бесконечно близко душе, вероятно вызывает отклик далеких предков с Балкан или, б.м., и каких-то более южных, мне неведомых. А вместе с тем – и противоречие зартуштрианству, вероятно от других предков идущему: это мрачность, беспросветность. Нет в славянстве солнца, прозрачности, четкости! Ясность и мир отсутствуют. Какие-то безысходные и внутренне немотивированные осложнения жизни. В этом сербском эпосе уже обнажаются корни Достоевского и делается ясно, как получился он из славянской души по вычете из него «юначества», т.е. рыцарства. Думается, это существенно связано с не усвоением символического, гетевского подхода к жизни. Уметь видеть и ценить глубину того, что окружает тебя, находить высшее в «здесь» и «теперь» и не рваться искать его непременно в том, чего нет или что далеко. Страсть тем-то и вредна, что во имя того, чего нет, человек проходит мимо того, что есть и что по существу гораздо более ценно. Она ослепляет. Уставившись в точку, человек лезет на нее, не замечая красоты ближайшего. «Хочу того-то» и поэтому пренебрегаю всем остальным. А через некоторое время, когда этого уже нет, «хочу» этого и не пользуюсь тем, чего хотел раньше и что уже достигнуто. Страсть в таком истолковании – типично славянская черта: всегдашний упор в несуществующее или не в данное и немудрое отбрасывание всего прочего – отсутствие бокового зрения. Но незаметно для себя я стал писать не о красоте сербского эпоса, как хотел и теперь забыл уже, что именно. Главное, мне хочется, чтобы ты воспитывала в себе бодрое, жизненное настроение и умела символически воспринимать действительность, т.е., прежде всего, радоваться и пользоваться тем, что есть, вместо поисков того, чего сейчас нет. Я чувствую, ты не научилась ценить дома и окружающих, а этого никогда уже впоследствии не будет. Мамочка гораздо ценнее и дороже всяких вещей и людей, которые кажутся ценными, но неизмеримо менее содержательны, чем она. Не уставляйся в случайные точки со страстностью, а смотри кругом себя спокойно и ясно. Все нужное придет в свое время, а имеющееся теперь – уйдет и его не

воротишь. Кажется, ты уже поняла, что в игре нужна легкость; но ты не научилась быть легкой в жизни. Старайся не требовать от жизни, а сама давать. Маме надо оказывать помощь, чтобы она не чувствовала себя перегруженной тяжестью жизни. – Спрашиваешь, есть ли тут луна. Почти 1/2 года ее не видел, а теперь, последнее время, небо довольно часто бывает ясно, правда не очень надолго, и луна светит ярко. Озеро серебрится под нею. Местами видны столбы и пятна золота – от фонарей. С другой стороны неба светит северное сияние. Здесь очень разнообразны и своеобразны облака. Но начались ветры, по несколько раз в день дождит. Озеро плещется, словно быстрая река. С крутого берега набираю ведром воду для умывания, чая и готовки пищи и смотрю, как плавают по озеру дикая утка или гусь. А сейчас – ночь, за окном бушует ветер, разносятся капли дождя, ветер проносится и по комнате, а я чувствую себя в небытии. Крепко целую тебя, дорогая. Не унывай и не забывай.

1–4 ноября 1935 г., Кремль, быв. Никольский корпус

Дорогая Оля, очень скучаю без тебя и беспокоюсь о твоём здоровье. Непременно позаботься о том, чтобы не простужаться, т.к. в твоём положении всякая простуда может повести к рецидиву болезни. Одевайся по теплее, это очень существенно, поможет организму бороться против инфекции. Думаю, было бы хорошо применить внутренний прогрев – диатермию (токами высокой частоты), м.б. мама спросит об этом опытного врача. Приходится ли тебе говорить с Наташей о музыке? Мне думается, весьма важно обсуждать музыкальные произведения, даже и не вполне правильно, потому что необходимость сформулировать свою мысль заставляет задуматься и приучает расчленять впечатления. Попробуй составлять схемы музыкальных произведений, ничего, если будешь ошибаться. Было бы хорошо с кем-нибудь обсуждать такие схемы. В свое время я, правда в другой области, на философских произведениях, многому научился на подобных схемах. Большое удовольствие и удовлетворение – сделать архитектуру произведения вполне прозрачной для себя и установить органическую связь отдельных его органов и тканей (в творческом произведении нет частей, а есть только органы). Тогда выясняется, что даже противоречия и невязки произведения вытекают из общего его замысла и, из всех мыслимых возможностей, наиполнейше его выражают. Чем отличается органическое-живое-творческое от механического, вещного, безжизненного, – рожденное от сделанного? Тем, что сделанное лишено истинного единства, оно не есть ЦЕЛОЕ, а рожденное – целое. «Целое прежде своих частей» (Аристотель), т.е.: оно из себя их производит, – выводит, полагает, тогда как сделанное слагается

своими частями и ими полагается, есть лишь отвлеченная мысль о взаимодействии этих частей. Целого тут нет. Там же, где есть целое, части, им порождаемые, суть органы. Задачи изучения поэзии, музыки, живописи, научной мысли и т.д. – понять изучаемое, как целое, т.е. увидеть, как его целое полагает, производит свои части – органы. Вот, и твое целое должно исправить твои органы и направить их к полному здоровью. Это – дело времени, а пока надо хранить бодрость и энергию и помогать организму, в частности – теплом. Присылаю вам растения, появляющиеся здесь рано, в июне: папоротник и еще одно, покрывающее целые поля, названия которого я не знаю. Часть возьми себе, часть передай мамочке и еще, кто захочет. Кланяйся от меня бабушке и Софье Ивановне. Если увидишь Марию Вениаминовну, скажи, что я постоянно вспоминаю о ней и желаю ей спокойствия и успехов. – Через день по 2 стиха пишу Оро, нет ни времени, ни места, ни благоприятного душевного состояния: природы. Крепко целую своего дорогого Оленя.

Январь 1936 г., Кремль, быв. Никольский корпус

Дорогой Олень, в одном из писем ты выражаешь если не намерение, то тень его, бросить музыку, ссылаясь на безуспешность занятий. Уж сколько раз я говорил тебе о ложности самой постановки вопроса так. Чего ты хочешь, о какой успешности думаешь? Стать славной пианисткой? На это я никогда не рассчитывал и, пожалуй, не хотел бы для тебя. Эстрада – мучительное дело, требующее больших жертв, мало дающее внутреннему человеку, разлучающее с самой музыкой и переносящее интерес из музыки в самолюбие и угодничество публике. Не подменяй чистого бескорыстно-о любования красотой суетливой погоней за славой, кроме горя ничего не дающей. Не задавайся слишком большим. В «Воспоминаниях» Жихарева²⁰⁷ приводится замечательное наставление ему престарелого Мерзлякова. «Страсть к большим литературным трудам – несомненный признак мелкого таланта, точно так же, как и страсть к необдуманно колоссальным предприятиям – резкий признак мелкой души: то и другое доказывает неясное сознание своей цели и заблуждение самолюбия» (стр. 334). Ты спрашиваешь о Шекспире и о футуристах. О последних я уже писал тебе, наверно ты позабыла. О Шекспире начну теперь, чтобы поговорить еще в следующий раз. Но что же можно сказать о Шекспире в нескольких строках? Ведь Шекспир – это океан, то бушующий, то мирно-плещущийся, принимающий все возможные цвета, скрывающий в себе все мыслимые существа. Это – полнота человеческих чувств, характеров, ситуаций. Он близок к Бетховену, но по силе Шекспир охватывает весь мир человеческих возможностей, все оттенки чувства. Но

над этим бушующим океаном не носится луча просветления, который так ясен в античной трагедии. Тут много благородства, но нет святости, как новой по качеству силе, активно переустраивающей. Обрати внимание. Воли без конца, воли избыток – и все-таки эта воля пассивно берет жизнь, как данную, но не ставит себе задачей преобразование и просветление ее. Шекспир выражает в этом отношении самую суть новой, возрожденческой, культуры – затерянность человека в мире, устранение человека, как начала новых рядов причинности. Человек – не творец, человек, смотрящий на мир через замочную скважину, человек, которому нет места в им же придуманном мировоззрении. Этот человек не имеет корней, иных, кроме стихийных, и потому он – игралище стихий, во всем: в нравственности, в личной жизни, в семье, в государстве, в обществе, в экономике и даже в познании и искусстве (натурализм). В значительной мере то же надо сказать о Бетховене. – Крепко целую тебя, дорогая Оля, кланяйся бабушке и Анастасии Федоровне. Поцелуй мамочку и непременно кушай по-человечески.

29 февраля – 1 марта 1936 г.,

Кремль, быв. Кожевенный завод

Дорогой Олень, ты задаешь ряд вопросов, но мудро ответить на них сколько-нибудь понятно в письме, где так мало места. Спрашиваешь о применимости физических и химических законов к человеку и к обществу. Ответ на такой вопрос весьма сложен, потому что требуется разграничить ряд различных применимостей и неприменимостей. Прежде всего, человек и общество представляют качественно новые планы действительности, характеризующиеся своими собственными законами. Следовательно, поскольку физические и химические законы характеризуют материю иного качества, постольку прямая пересадка этого закона на инородный план недопустима. Однако, между планами есть какое-то соответствие, символическое выражение одного – другим, и потому возможно эмоционально-образное перенесение, метфора (а это и значит перенос), которая однако не есть только метафора, а представляет и нечто большее, указывает и на внутреннее сродство областей, однако не могущее быть точно формулированным. Я сказал «поскольку». Это потому, что большинство законов физики и химии не охватывают данного плана, как такового, но лишь поясняются им, как примером, на самом же деле шире своего общепризнанного, обще-учитываемого содержания, истинным же их предметом служит не этот определенный план бытия, а некоторое формальное его свойство, могущее быть обнаруженным и в явлениях другого и других планов. Математическая схема (формула),

относящаяся к известной области и на ее почве найденная, часто учитывает все-таки не специфические свойства этой области, а некоторые общие отношения. Поэтому совершенно естественно, что она оказывается применимой к другим областям, по существу весьма отличным от данной, но однако обладающим теми же общими соотношениями. Если например для электрического тока верна формула Ома IE/R , то она окажется верной для теплоты, магнетизма, электрического поля, диффузии и т.д. Ее можно перенести и на ряд явлений человеческой жизни. Всякий раз мы будем понимать под символами I , E и R разное, но соотношение символов останется одним и тем же. Боюсь я, дорогой Олень, что ты, по обыкновению, прешь, уставившись в одну точку, и не видя окружающего. В данном случае говорю о мамочке, о братьях и о Тике, которых ты не замечаешь из-за своих товарищей, между тем как товарищи – дело временное, а близкие – навсегда. Надо стараться уметь брать то, что есть у тебя и около тебя, и не прельщаться нарядным взамен существенного. А чужие люди неизбежно наряднее своих, ибо они – в гостях, в гости же всегда наряжаются. Дело это естественное, но и понимать вещи, как они есть на самом деле – тоже естественно. Праздник есть праздник, против него нельзя возражать, но вредно и ложно искать постоянного праздника и подменять им будни. Софья Ивановна страдает именно этим недостатком, ей нужен сплошной праздник (м.б. был нужен, теперь не знаю), и она умеет прекрасно их устраивать. Но забывая о буднях или не желая знать их, она остается неудовлетворенной и несытой. Ошибка многих! Но ты помни, что только в тиши мирной будничной работы можно найти себя самого и свое удовлетворение. Крепко целую тебя.

10–11 марта 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогая Оля, вчера мне попала книга Бертольса, Фирдоуси и его творчество, Л.-М., 1935, Изд. Акад. Наук.²⁰⁸ Несмотря на некоторые промахи по части вкуса, книжка написана в общем неплохо. Она характеризует Фирдоуси и его творчество на фоне персидской истории, и в этом отношении автор свободно владеет материалом. Тебе было бы полезно прочесть эту книжку (она невелика, 71 стр.) не только ради великого эпического поэта, но и ради древней истории и истории литературы, поскольку дается сравнительная характеристика Фирдоуси и Гомера. Еще прочел я недавно Воспоминания художника-акварелиста Соколова²⁰⁹ и воспользовался ими для составления генеалогической таблицы рода Соколовых с его многочисленными представителями изобразительных искусств, Брюлловых, Бруни и др. Это – одна из многочисленных иллюстраций ГЕНЕТИКИ (учения о наследственности) и

исторического значения биологически передаваемых свойств – мысль, которая меня занимает десятки лет, хотя совсем специально у меня не было возможности заняться ею. Мое глубокое убеждение, что если бы люди внимательнее относились бы к свойствам рода, как целого, и учитывали бы наследственность, которая в данном возрасте может и не проявляться ярко, но скажется впоследствии, то были бы избегнуты многие жизненные осложнения и тяжелые обстоятельства. Но люди, особенно в молодости, думают самоуверенно, что можно обойти законы природы и сделать, как им самим хочется в данный момент, нередко по прихоти или капризу, а не так, как это вытекает из природы вещей, – в данном случае – из элементов наследственности, ГЕН, материально присутствующих в нашем теле и никуда из него неудаляемых. И за свое нежелание вдумываться, изучать и вникать, за свой каприз потом жестоко расплачиваются, к сожалению, не только собою лично и своею личной судьбой, но и судьбой своих детей. Античная трагедия построена вся на этом понимании, ибо в основе трагической завязки лежит там не проступок данного человека, а его «трагическая вина», т.е. вина, содержащаяся в самом его существе, не в злой воле, т.е. в неправильном рождении, в недолжном сочетании генов. Да иначе трагедии и не возникло бы; если человек согрешил и несет естественное возмездие за свой грех, то можно его жалеть, но нельзя не испытывать нравственного удовлетворения, что грех не остался безразличным и безнаказанным. Трагическое же, как таковое, возникает от зрелища несоответствия между возмездием и проступком или поступком, причем за свой поступок человек отвечать не может, но совершил его он в силу своих наследственных свойств и расплачивается поэтому за роковую вину предков. Греческая трагедия – самая поучительная, самая глубокая и самая совершенная часть мировой литературы. У меня от нее всегда было чувство абсолютного совершенства: лучше быть не может и не нужно – достигнут идеал. Вот почему после греков трагедий в собственном смысле уже не было и не могло быть: задача выполнена, решена; конечно, больше решать ее нечего. – На днях, копаясь в мусорном материале «30 дней» (такой журнал), кажется №2 1936 г., в конце, петитом нашел жемчужину – неизданную доселе поэму (на 2 стр.) Велимира Хлебникова, и притом Ороченскую, т.е. по ороченским мотивам.²¹⁰ Вот писатель, которого я уже много лет предощуцаю как родного по духу и к которому не могу подойти: несмотря на все старания, никак не мог добыть собрания его, изданного посмертно, знаю же только отдельные, случайно доходившие до меня отрывки. В нем предчувствую близость к другому близкому, к

Новалису. Но это – лишь предчувствия, и я не уверен, что они не рассеются, когда заколдованные писания Хлебникова будут у меня перед глазами. В моей жизни почему-то всегда было так: все вопросы, книги, исследования, особенно меня волновавшие, бежали от меня, вытесненные чуждым, делаемым по долгу настоящего момента, и всегда приходилось откладывать на будущее все более глубокое и подлинно занимающее. – Крепко целую тебя, дорогой Олень, будь здоров и весел.

27–28 апреля 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогой Олень, читаю и перечитываю Бальзака. Сейчас – под впечатлением Цезаря Бирото и Нюсинжен. Гениальная кисть голландского мастера, поразительно – и вместе чуждо. Это типично городская культура, писатель из буржуазии, общество торговцев и спекулянтов всех калибров, дух меркантильности. В одном семействе, как рассказывал мне знакомый, родилась девочка, и первое слово, произнесенное ею, было деньги. И вот у Бальзака все кружится около денег, хищно или страдательно, успешно или неудачно, но около них только. С деньгами связана и честь, и любовь, и успех, и страдания, – только с ними. Деньги и вещи, вещи и деньги. Вещами все завалено и заставлено. Никаких признаков природы, ни одного деревца, ни клочка лазури, хотя бы в окне, ни облачка. Растения – только в виде букетов, но и то весьма редких. Нет даже улицы или площади; все ограничивается комнатами и ресторанами. Но зато какая конкретность в письме вещей и людей, какое проникновение в их внутреннюю жизнь – если можно назвать внутренней жизнью жизнь не человека, как такового, а члена буржуазного общества, всецело и насквозь пронизанного началами этого общества, как древесина, пронизанная грибницею грибов-разрушителей, и сама уже почти разрушенная. В отличие от представителей натуралистической школы, с их холодным, внешним и аналитическим описанием, у Бальзака вещи и люди не описываются, а являются. Обрати внимание, они – не внешние изображения, зависящие от условий освещения, перспективы и других случайных обстоятельств своего бытия, а просвечены изнутри собственным светом, подобно натюрмортам голландской живописи. Это – не фотоснимок с его условной объективностью и не субъективные впечатления импрессионизма, а самые вещи в их собственном бытии, реальные вещи, хотя и не в глубоком разрезе. Еще раз скажу, тут точный аналог голландским мастерам живописи. – Теперь о другом. Думала ли ты о значении стихотворной речи? Конечно, значение ее многообразно, но сейчас хочу отметить лишь один момент – ее конденсированность. Стихотворная речь во много раз короче не стихотворного изложения той

же темы. Поэт вынужден быть скупым на слова; как говорил Гете, писать надо так, чтобы «словам было тесно, а мыслям свободно». Но что это значит? Поэт не может сказать многих слов там, где прозаик сказал бы их неограниченно много, и следовательно, вынужден сгущать наиболее важное из того, что хотел бы сказать, в словах немногих, т. е. должен отбрасывать все второстепенное и сгущать наиболее характерное. А т.к. сгущение идет по пути наглядного образа, а не отвлеченного понятия, то образ в стихотворной речи вынужден становиться типом, идеей, символом – в отличие от соблазнительного для прозы фотоснимка и присущего отвлеченному познанию понятия. Стихотворная речь по своей природе поэтична. Есть и другие причины ее поэтичности – порядка звукового, но сейчас о них говорить не стану. Хочу лишь подчеркнуть, что трудность стихотворной формы сама уже направляет изложение в сторону поэзии. Эта общая трудность усиливается, далее, специальными видами стихотворной речи. Трудная форма (сонет, терцины, октавы и т.п.) ведет к подъему творческого усилия, она служит плотиной, повышающей уровень воды – напор, и творчество, вместо того, чтобы легко излиться по легчайшему пути и дать много, но рыхлого и дешевого продукта, конденсируется, работает при высоком потенциале и создаст полновесные произведения, если может подняться до барьера, или вовсе не вырывается на свободу, если слабосильно. В этом повышении потенциала великое значение трудных форм, о которых часто (ошибочно) думают, как об условностях, лишь мешающих свободному проявлению творческих усилий. Если хочешь, действительно они мешают; но когда порыв не встречает никакого сопротивления, то он ничего и не создает, и вместо尼亚гары получится лишь застойная лужа. Это относится не только к поэтическому творчеству, а ко всей культуре, ибо она в любой области создает барьеры, изолирующие явление и не позволяющие ему мелко растекаться и смешиваться в безразличном и безличном единстве с прочими, вследствие чего возникает индивидуальное и усиленное раскрытие творческого порыва, если он достаточно мощен, и – устранение, если он не способен достигнуть надлежащего потенциала. Чтобы вырастить великое, надо выполоть кругом все мелкое, или – мелкое заглушит великое, поскольку второй принцип термодинамики (в углубленном толковании) сводится к тому, что естественно, т.е. вне культуры, вне деятельности разума и жизни, низшее вытесняет высшее, т.к. низшее всегда более вероятно, чем высшее. В естественном состоянии менее благородные виды растений и животных забивают и вытесняют более благородные, как, равным образом, низшие фор. мы энергии и

материи сменяют более высокие. Лишь установкою культурных барьеров можно бороться против этого разложения в мировом процессе. И эти барьеры достигаются трудными формами – везде в технике, в искусстве, в науке, в быту и т.д. – Крепко целую тебя, дорогая Олень и еще раз целую.

22 мая 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогой Олень, весна кончается, то есть астрономическая, а весна жизни здесь только начинается. 20-го мая я нашел в лесу цветущее волчье лыко (*Daphne mezereum*), капустницу у канав, а сегодня, 23-го, розовые бутончики гонобобеля, на болоте. Показалась трава, хотя в большинстве мест еще держится осенняя, засохшая. Похолодало. Царит какое-то уныние, и здешняя весна скорее похожа на осень, чем на весну. Только над водорослевыми выбросами множеством мух заставляет думать о близости чего-то вроде лета. Морские впечатления переносят меня к детству.²¹¹ Море было мне самым близким и родным, и все, связанное с ним, казалось особенно желанным и заветным. Одно огорчало – что на Черном море нет островов. Многократно я спрашивал об этом родителей и, желая получить положительный ответ, повторял свой вопрос. (Впрочем, теперь я узнал, что острова на Черном море все-таки есть, хотя ничтожны и в небольшом числе.) Остров казался таинственным и полным смысла. Жить на острове, видеть приливы и отливы, собирать ракушки, морские звезды и водоросли – это было пределом желаний. При этом остров представлялся непременно небольшим, вроде кораллового рифа. Он должен был быть таким, чтобы с одного места можно было охватить разом всю береговую линию и ясно ощущать обособленность острова от материка. Мечтал плавать по морю. Во дворе у нас в Батуме,²¹² в доме Айвазова, стоял ящик, в котором мой отец производил испытания цемента и извести. Я влезал в этот ящик, брал палки вместо весел и видел себя плывущим по безбрежной глади океана. Выскакивали из воды летучие рыбки, в глубине виднелись кораллы и водоросли, а я плыл в упоении, забывая обо всем окружающем. Иногда сооружал из досок плот и плавал на нем тут же по двору. Это, воображаемое, море сливалось с действительным и все дары его в Батуми,² кстати сказать, очень бедные, принимались с теплотою: обычные кочерыжки кукурузы, обточенные палки, дощечки и пробки, рогатые орехи *Tara patans* (чилиим – этого названия я не знал), медузы и разнообразные морская галька и гравий.

Июнь 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогой Олень, ты совсем забыл своего папу. Но папу еще ничего, а я боюсь, что ты, по своему обыкновению, предаешься какому-нибудь одному увлечению, в шорах идешь к нему и не воспринимаешь

окружающего. Это очень грустно и плохо, прежде всего для тебя самой. Мудрость жизни – в умении пользоваться прежде всего тем, что есть, в правильной оценке каждого из явлений сравнительно с другими. В данном случае я имею в виду мамочку, братьев, Тику и других близких. Школа и все, с ней связанное, мимолетный эпизод в жизни. Товарищеская среда сегодня есть, а завтра рассеется и все забудут друг о друге. Так бывает всегда. И тогда можешь оказаться в пустоте. Ведь товарищеская среда потому перетягивает к себе все внимание, что товарищеские отношения в сущности безответственны, каждый отвечает сам за себя и каждый занят своими интересами. Поэтому в ней легко. Но эта легкость есть легкость пустоты, а подлинное требует усилия, работы и несет ответственность. Зато доставшееся с усилиями, действительно внутренне проработанное, остается на всю жизнь. Того, что может дать родной дом, не даст потом никто и ничто, но надо заработать это, надо самой быть внимательной к дому, а не жить в нем, как в гостинице. Может быть, я ошибаюсь и преувеличиваю твое состояние, я был бы рад ошибиться. Но смотри сама, если в моих словах есть хоть частичное указание на неправильную оценку тобою окружающего, то потом ты будешь горько раскаиваться в ошибке, которую уже не исправишь. – Теперь о другом. Недавно прочел «Travail» Э. Зола, «Труд». Раньше не приходилось читать это произведение. И был поражен, до чего оно слабо. Художественно это пустое место. Нет ни одного живого лица – все схемы отвлеченных понятий, как в средневековых «Moralites», т.е. нравоучительных представлениях, где выступают вместо действующих лиц различные пороки и добродетели. Зола воображает, что он идет по стопам Бальзака. Но какое это глубокое самообольщение. У Бальзака все – плотно, конкретно, человечно, построено. У Зола бесплотные призраки, пустота, отвлеченные рассуждения. Он хочет быть близким к жизни, но никакой реальности у него не чувствуешь. Тщетно пытается он возместить пустоту образов подробными описаниями вещей и обстановки: эта инсценировка бутафорская, описания рассыпаются на отдельные, не образующие ничего целостного признаки, – описания Зола – это каталог, а не картина, даже не фотоснимок. И наконец идеология – наивная, без мудрости жизни, какие-то гимназические упражнения на социальные темы. Мне, пожалуй, даже любопытно было читать эту книгу, чтобы воочию убедиться, какой убогой пищей питались люди того времени и сколь мало они понимали жизнь и предвидели будущее. – По поводу Тютчева и, отчасти, Пушкина давно хотел отметить тебе один прием их версификации, сообщающий их стихам полноту ритмики. Это именно постановка в начале стиха

многосложных слов, преимущественно составных слов, в которых ударение первого слова-слагающего ослабевает, и потому ударяемый слог становится слабым, но зато его ударение компенсируется долгой гласной: «Но светла» Адмиралтейская игла», стих читается не так «Адмиралтейская игла», а так: «Аадмираалтейскаая звездаа».²¹³ VI.7. Сейчас, при виде зари, скользкой вдоль горизонта, мне звучит стих: «Спешит заря сменить другую»,²¹⁴ и думается: ведь это не Полтава и не Украина, а Псковская губ., если не Царское Село. А в Полтаве заря отнюдь не «спешит» сменить другую, между ними темная летняя ночь. Это один из немногих примеров неточности у Пушкина, вообще же он точен до научности и фактичен до мельчайшего штриха. У Пушкина было исключительное чувство реальности и он, при всем полете творческой фантазии, никогда не порывал с конкретными впечатлениями реальности. Замечательны мелкие подробности и штрихи повествования и описания у Пушкина. Внимательный анализ всегда позволяет установить их фактичность. Один из таких примеров не отмечен в пушкинской литературе, это образ Трике.²¹⁵ Казалось бы, он выдуман. Но Трике в самом деле существовал, и именно в Тамбове жила семья Трике, близкая к Левшиным (о Левшине в связи с Тамбовом Пушкин тоже упоминает), и фактическое доказательство этого хранилось у Ивана Семеновича,²¹⁶ но к сожалению сгорело в пожаре. Даже фамилий и имен Пушкин не любил выдумывать, а брал их из жизни. Отсюда такая прочность его творений, насыщенных реальностью и полных жизни, несмотря (или вследствие, что точнее) фотографичности случайных обстоятельств, как у натуралистов. Зола гонится за реальностью с кодаком, – и ничего не улавливает. Пушкин идет, «куда влечет свободный ум», и всегда верен реальности, всегда ощущается его образ как плотный и полно-жизненный. Пушкин и Гете, самые свободные в отношении внешней близости – и самые реальные из поэтов. Отсюда следует вывод: об ошибочности пассивного закрепления случайных подробностей, столь свойственного русской литературе. – Крепко целую тебя, дорогая Оля, будь здорова и отдыхай. Кланяйся бабушке и Анастасии Федоровне, кланяйся Софье Ивановне, поцелуй мамочку.

25 августа 1936 г., быв. Кожевенный завод

VIII.25. Дорогой Олень, в последнем полученном мною от мамы письме было сообщение, что врач дал тебе какое-то новое лекарство и обещал скорое поправление. Подозреваю, что это – какой-нибудь эндокринный препарат, т.к. лишь таковой способен вызвать более быстрый рост того или другого органа, в данном случае сердца. Помогло ли тебе это

лекарство? И еще, напиши, что за работу, которую можно взять и на дом, обещали тебе. Или возможность брать ее на дом была только предположением? Меня весьма утешила бы твоя домашняя работа, и по состоянию твоего здоровья и чтобы ты была с мамочкой. Если тебе придется бросить музыку, то это очень печально. Замена занятий концертами ни в какой мере не действительна. Пассивное восприятие никак не заменяет собственной активности, и усваиваем (даже усваиваем!) мы только то, что активно в себе перерабатываем. Но и усваивать, только усваивать, недостаточно. «Отраднее давать, нежели врать». Это относится не только к общественным отщепенцам, но и ко всему отношению с миром: лишь активность в мире есть источник сознания и познания, а без нее начинаются грезы, да и они постепенно замирают. Человек замыкается в своей субъективной сфере и, не имея притока питания, постепенно засыпает, так что даже сновидения прекращаются. Воплощение есть основная заповедь жизни, – Воплощение, т.е. осуществление своих возможностей в мире, принятие мира в себя и оформление собою материи. Только Воплощением можно проверить истинность и ценность себя, иначе невозможна и трезвенная критика себя. Мечтательность создает в нас болото, где нет никаких твердых точек, никаких репер (термин геодезистов), никаких критериев реального и иллюзорного, ценного и лишнего ценности, хорошего и плохого. Осуществляя возможность, пусть слабо и плохо, ты можешь судить о ней, исправлять, идти дальше; оставаясь пассивной, отражаешься туманом призраков, но и призраки со временем выдыхаются, бледнеют, меркнут. Начинается спячка и вместе глубокая неудовлетворенность. Русской натуре пассивность весьма свойственна, но именно из пассивности происходит, далее, вечное беспричинное недовольство, неудовлетворенность, колебания между нетрезвым самопревозношением и унылым самоуничижением. Скольких знаю я людей, которые проглатывают книги в десятки раз большие моих. Но проку от этих запасов – никакого. Эти люди не только не могут породить свежей идеи, но не способны даже просто разобраться в самом простом вопросе, когда он появляется пред ними не препарированный в книге, а реально, в природе и жизни. Такое знание хуже незнания, т.к. расслабляет и внушает ложную мысль об овладении предметом. Между тем, всякое знание должно быть не самодовлеющим комом в душе, а лишь вспомогательной линией нашего жизненного отношения к миру, нашей связи с миром. То, что сказано о знании – значения общего, относится и к искусству, и к философии, и к быту. – Недавно прочел, впервые, роман Данилевского «Девятый вал». Данилевского до сих пор я инстинктивно

обходил стороною. И убедился в верности своего инстинкта. Но такой слабой литературы все же не ожидал встретить. Фабула склеенная из эпизодов, не только не мотивированных, но и просто произвольных. Целеустремленность отсутствует. Характеры бледные, схематические. Понять, каково мировоззрение автора, никак невозможно, а скорее всего мировоззрения просто нет. Язык однообразный, небрежный, без ритмики, пухлый. Ни действием, ни словами описываемые лица не показываются. Взамен картины автор бессильно комментирует, что думает то или другое лицо, т.е. немотивированно и бездоказательно приписывает ему любые внутренние движения, и нет возможности убедиться, что это так действительно. И наконец, общее гнетущее впечатление от гнилости, разложенности и пустоты всех элементов общества. Это было бы еще терпимо, если бы показать эту гнилость было целью автора. Но так выходит у него случайно, и все высокое (по мысли автора) оказывается бессильным, внутренне бессильным, и гнилым. Светлая, гордая и сильная героиня после ряда глупостей ни с того ни с сего топится. Революционный подвижник увлекается гешефтами и делячеством. Идеалист-учитель втягивается в биржевую игру. Никто не разбирается в окружающих людях, не умеет действовать (кроме мошенников). – Крепко целую тебя, дорогой Олень. Присылаю растение Лук-сковорода (*Allium schoeno oprasum* L, сем. Liliaceae) с Лудейного острова, взят 16 июля.

23 октября 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогая Оля, присылаю тебе наброски (по книгам) отдельных ветвей и листьев дерева ГИНКГО (*Ginkgo biloba*), дерева, глубоко занимавшего меня своим строением с самого детства, хотя я и не знал, что в нем занимательного. Экземпляры его росли в Батуме на бульваре. Когда нас с Люсей водили гулять, я всякий раз останавливался перед гинкго и щупал его листочки. Замечательна их веерообразная, в японском стиле, форма, белесовато-зелено-голубой цвет, жилковатость без соединительных перемычек. Это признаки древности (вероятно и сероватый цвет), промежуточности между собственно листом и хвоей. Лишь впоследствии я узнал, что гинкго, действительно, есть пережиток далекого прошлого – живое ископаемое класса, уж вымершего, возникшего в конце каменноугольного времени, получившего большое распространение в середине юрского времени и затем полу-вымершего. Лишь при японских храмах сохранились экземпляры, от которых теперь размножены по ботаническим садам прочие, да затем найдены еще экземпляры в Южном Китае (кажется недавно). Кстати сказать, семена гинкго съедобны и напоминают фисташку. В моем гербарии листья гинкго были, может быть

и еще есть, поищи. У меня с детства был особый нюх на явления и вещи, которые магически привлекали мое внимание без какого-либо явного повода. От них волновался не только ум, но и все существо, билось сердце, пробегал по спине холод. Уже много лет спустя, потом открывалось, что это явление или вещь – «особые точки» (выражаясь математически) мировой ткани и что в них – ключи к пониманию глубокого прошлого мироздания или каких-либо затаенных его уголков. Вот, и гинкго я срисовывал, желая вспомнить свое детское волнение, присылаю тебе эти зарисовки как стенограмму своего развития. Но хорошо понимаю, что даже самый объект может оказаться бездушным чужому взору, не говоря уже о плохом рисунке. Напиши мне, знаешь ли ты какие-нибудь составные растения, типа неразрывных сообществ, и какие именно? Обсудите этот вопрос все совместно. Что такое микориза? Могут ли какие-нибудь растения жить без кислорода? Какие современные ты знаешь, происхождение которых относится к древним геологическим временам? Крепко целую тебя, дорогой Олень. Будь здорова и слушайся мамочку. Играешь ли в 4 руки? Еще раз целую.

29–30 октября 1936 г, быв. Кожевенный завод

Дорогая Оля, все беспокоюсь о твоей голове. Знаешь ли, у меня в детстве, особенно от 4 до 8–9 лет, были никогда не прекращающиеся головные боли. Это можно сравнить, как если бы кто-нибудь сильною рукою схватил за затылок. От этих болей я постоянно заламывал шею назад, откидывая голову, словно стараясь скинуть тяжесть и эту схватившую меня руку, но конечно тяжесть и боль не проходили. Кроме того, вероятно от малярии, был ежедневный жар. Папа, который водил меня пройтись, был обеспокоен и много раз в день спрашивал «болит ли головка» и щупал лоб. Я видел, как он огорчается утвердительным моим ответом и обнаружением повышенной температуры, хотелось мне успокоить папу, но дело говорило за себя и ничего успокоительного сделать я не мог. Папу во время этих прогулок я закидывал тысячью вопросов, главным образом естественнонаучных и в особенности по части тропических стран. А в голове, м.б. в связи с жаром, непрестанно звучали симфонии. Общий характер их помню и по сей день. Это были величественные многоголосые контрапункты, в духе Баха, а частью музыка в стиле Гайдна и Моцарта. М.б. бессознательно воспроизводились и варьировались произведения именно этих композиторов, т.к. тетя Соня тогда усиленно обучалась музыке и много играла классического. Мама моя, равно как и тетя Соня, обладали хорошими голосами и часто пели – почти исключительно Шубертовские и Глинковские романсы,²¹⁷ т.е.

пожалуй наилучшее из имеющегося в мировой вокальной литературе. Эти романсы врезались мне в сознание и, как только услышу их, невольно вспоминаю детство. Из вокальной музыки впечатления детства остались еще от женщины-врача Марьи Викторовны Флориной.²¹⁸ Она приходила лечить нас и вообще осматривать, а заодно пела – Даргомыжского, Глинки и других русских композиторов. Но пение мамы мне нравилось гораздо больше. Тетя Соня обучалась потом в Лейпцигской консерватории пению и собиралась выступать, но из-за туберкулеза должна была бросить пение безусловно. Была у меня еще двоюродная сестра Нина.²¹⁹ У нее был замечательный, словно серебряный, голос. Окончила курс в филармонии, начинала выступать – и почти внезапно умерла, от туберкулеза. Пела и моя Валя,²²⁰ по-домашнему, – и тоже скончалась, от той же болезни. Вот, по ассоциациям, я впал в грустные воспоминания, совсем не ладящие с неистовыми румбами и танго, несущимися сегодня как на грех, исключительно отчетливо от радио, через 3 стены, правда дощатых. Впрочем, я не жалею, что записываю иногда в письмах воспоминания детства, – м.б. когда-нибудь они вам станут интересны. Напиши, какого рода рукописи тебе приходится «считывать». Думаю, это очень полезное занятие – для грамотности, развития стиля и, м.б., обогащения литературного и научного. Крепко целую тебя, дорогая Оля.

25 ноября 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогой Олень, сегодня, 1-го декабря, услышал из Красного Уголка звуки радио – передачу концерта, – которые меня задержали. Начала не слышал. Сложная и очень чистая работа, большое мастерство, но по существу примитивно и бедновато. Я сравнил с чеканкой по серебру или резьбой по дереву первоклассного мастера XVII в. Долго не мог понять, что ж такое играют. Лишь по окончании передачи узнал: 1-й Гамбургский концерт Баха. И тогда сказал себе, что определил правильно. В Бахе я всегда чувствую ремесленника. Не пойми этого слова, как укор. Ремесленников, особенно старых, очень уважаю и ценю, скажу больше, очень хотел бы быть ремесленником. Но это совсем особый строй духа. Привычки и навыки, наследственно выработанные столетиями, мастерство без порыва и вдохновения, точнее сказать, без вдохновения данной минуты, работа, которую мастер может в любой момент начать и в любой момент без ущерба прекратить. Вероятно, это самое здоровое творчество, всегда текущее по определенным руслам, без мучений, без исканий, без романтики, без слез и без восторгов, но со спокойной уверенностью в своей руке, которая сама знает, что делать ей. Гениально, но без малейшего трепета – как коробочки Афония,²²¹ хотя и выросшие в целые

дома. Это бездумное мастерство бесконечно далеко от нашего времени, где все построено либо на мучительной искренности и метании, либо на желании произвести что-нибудь отличное от производимого другими, удивить, ошеломить, ударить – и боязни нечаянно попасть на путь, уже пройденный другими. Сразу видно, что Бах, как и Афоний – осколок древних времен, не опасается повторения – ни себя самого, ни других. Он производит свой добротный товар, уверен в его превосходном качестве, уверен в одобрении потребителя. Он знает силу своего мастерства и вместе с тем относится к своему произведению не как к своему ребенку, личность которого неповторима и ничем незаменима, а как к хорошей вещи, которая навсегда останется ценной и которая, вместе с тем, могла бы быть заменена другою, хотя, быть может, и менее добротною. – Это – полная противоположность Бетховену (если говорить о величинах приблизительно одного порядка). – Ну, вот, расписался о Бахе – и нет места уже. Напиши мне, чем именно занимаешься, как твое здоровье, как себя чувствуешь. Крепко целую тебя, дорогая Оля.

23 марта 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937.Ш.23. Соловки. №96. Дорогой Олень, письмо твое от 11-го февраля получил 21 марта. При такой медленности сообщений не знаешь, стоит ли отвечать на вопросы. М.б. интерес к ответу уже исчезнет, когда ответ дойдет до тебя. Тем не менее, отвечаю. Спрашиваешь о Чайковском и Скрябине. Прежде всего, я никак не могу ставить их рядом. Не по значительности: и тот и другой, и с этого начну, конечно большие люди, бесспорно одаренные. Но по смыслу и характеру своей деятельности они существенно различны. Ты спрашиваешь меня о моем отношении к ним обоим. Повторяю, признаю их большую силу, но внутренне отталкиваюсь и их не приемлю. Когда я хочу дать себе окончательный ответ на вопрос о ценности произведения, то спрашиваю себя: что было бы, если бы этого произведения не существовало. Потерял ли бы мир без него? Закрылся ли бы один из лучей жизни? – И вот. Если бы не было Моцарта, Баха, Бетховена, даже Шуберта, Глинки, мир бы потускнел. А если бы не было Чайковского и Скрябина? – Боюсь, – это слишком резко и неуважительно, мне самому неприятно высказывать свою мысль, – боюсь мир несколько просветлел бы. Нехорошо желать смерти кому бы то ни было. Но бывают тяжелые люди, после ухода которых из жизни делается легче. Я и боюсь, что по исчезновении из людского сознания этих произведений, т.е. Чайковского и Скрябина, стало бы веселее. Однако не думай, что я хочу опорочить их, я знаю их силу. Например, «Пиковая дама», мне кажется, едва ли не самая цельная, самая выкованная из опер, но – тем хуже, ибо

она клубок отчаяния, т.е. самого ядовитого из чувств. И она властно заражает отчаянием. Изысканность одежд и завлекательность форм не меняет сути дела, – того, что это – Смерть, закрадывающаяся в душу, и закрадывающаяся тем беспрепятственнее, что она нигде не называет себя своим именем, не доводит до спора и протестов, внутренней борьбы против себя и противления себе. Против Чайковского и против Скрябина я имею разное, но это разное по-видимому объединяется в одном, в их ирреализме. Один уходит в пассивную подавленность собственными настроениями, другой – в активную, но иллюзионистически-магическую подстановку вместо реальности своих мечтаний, не преобразующих жизнь, а подставляющих вместо жизни декорацию, хотя и обманчивую. Но оба не ощущают недр бытия, из которых вырастает жизнь, оба живут в призрачности. – Чайковский – без стержня, в его музыке нет онтологии, и он сознательно бежит от онтологии, закутывая ее своим унынием. Бесспорно, эти призрачные тени красивы, но я не могу назвать их прекрасными, ибо прекрасное не только красиво, но и истинно. Скрябин хочет быть магичным, и он достигает своего, он магичен. Но ведь магия – обман, не в том смысле, что она только шарлатанство (хотя в этой области между шарлатанством и обманом в высшем смысле граница текуча и никогда не м.б. установлена с уверенностью, – в этом существо магии), а в высшем, всегда обман: вместо "так есть" она подставляет Я, я так хочу и теми или другими приемами заставляет видеть, как хочет маг, но лишь на время, пока морока не рассеется. Она может дать сдвиг сознанию – род внушения и перестройки восприятия, но эта насильственная перестройка неустойчива, а неустойчива, ибо небытийственна. Если хочешь, можно сказать, Скрябин и Чайковский – антипушкинцы и антитютчевцы. Этим все сказано. Мне припоминается один вечер, устроенный после кончины Скрябина. Участвовали лучшие пианисты Москвы и некоторые из Ленинграда. Играли кто как, т.е. технически все превосходно, но с разной степенью проникновенности. Зато игра одного, Буюкли²²² (говорят, он – сын Николая Рубинштейна) была гениальна. И сам он, и игра его – прямо из Гофмана. Но не только во время его исполнения, при всех, я почти глазами видел, что стулья скачут, столы пляшут, диваны бегают по комнате, – что еще немного – и рассыплется стены. Было ли хорошо? – Нет, скорее жутко. Сеанс магии. Не менее чудесные действия производят ультразвуки, вызывающие химические реакции, механические эффекты, согревающие, даже обжигающие и убивающие. Но с музыкой у них нет ничего общего. Если несколько преувеличить, то и о Скрябинских произведениях хочется сказать: поразительно, удивительно, жутко,

впечатлительно, магично, сокрушительно, но это не музыка. Скрябин был в мечте. Он предполагал создать такое произведение, которое, будучи исполнено где-то в Гималаях, произведет сотрясение человеческого организма, так что появится новое существо. Для своей миродробящей мистерии он написал либретто, довольно беспомощное, но дело не в том, а в нежелании считаться с реальностью музыкальной стихии, как таковой, в стремлении выйти за ее пределы, тогда как музыка Моцарта или Баха бесконечно действеннее Скрябинской, хотя она и только музыка. Один третьестепенный писатель высказывает мысль: «Россия – страна пророков». Да, только лжепророков. Каждый одаренный человек хочет быть не тем, что он есть и чем он может быть реально, а презирает свои реальные способности и в мечтах делается переустроителем мироздания: Толстой, Гоголь, Достоевский, Скрябин, Иванов²²³ (художник), Ге и т.д. и т.д. Только Пушкин и Глинка истинные реалисты. Мудрость – в умении себя ограничить и понимании своей действительной силы. Скрябин же жил в туманах мечтаний. Крепко целую тебя, дорогая Оля.

13 мая 1937 г., Кремль, быв. Чоботная палата

Дорогой Олень, не могу вспомнить, что несправедливого, по твоим словам, я написал тебе, но думаю, ты чего-нибудь недопоняла. Очень трудно писать так, чтобы быть правильно понятым, когда приходится учитывать каждый квадратный сантиметр бумаги. Но за всем тем помни, я считаю своим долгом сказать все полезное, что могу сказать, и не обижайся. Надеюсь, с наступлением весны вы несколько отдохнете. Знаешь ли ты растение звездчатку среднюю? (*Stellaria media*.) Она растет обычно у воды – вдоль канав, у болот. Из нее можно готовить вкусный салат, попробуйте; а также можно варить ее в разных видах. Пишу это, чтобы вы воспользовались весенним временем для пользования травами, что необходимо организму. Относительно сходства Тики с Госей я часто думал, так что твое письмо лишь подтвердило мои мысли. Возвращаюсь к травоядению. Кажется было бы правильно признать то положение, что количество и разнообразие растительной пищи, а особенно травянистых частей, корней и клубней, есть мерило культурности общества. Обращаясь к истории, удивляешься, как поздно современные европейцы усвоили растительную пищу. Например культура салата, моркови и некоторых других овощей была освоена только при Генрихе VIII, т.е. в 1-ой пол. XVIв., а спаржи лишь при Карле II, в XVII в.²²⁴ Благородным культурам материальным базисом служит пища растительная, по крайней мере в основном. Дело не в вегетарианских принципах, – которых я не признаю, – а в физиологическом воздействии растительной пищи на наш организм, от

мяса грубеющий и быстро снашивающийся. Секрет творчества – в сохранении юности. Секрет гениальности – в сохранении детства, детской конституции, на всю жизнь. Эта-та конституция и дает гению объективное восприятие мира, не центрированное, – своего рода обратную перспективу мира, – и потому оно целостно и реально. Иллюзорное, как бы блестяще и ярко оно ни было, никогда не м.б. названо гениальным. Ибо суть гениального мировосприятия – проникновение в глубь вещей, а суть иллюзорного – в закрытии от себя реальности. Наиболее типичны для гениальности: Моцарт, Фарадей, Пушкин, – они дети по складу, со всеми достоинствами и недостатками этого склада. – Еще раз перечел твое письмо и никак не могу вспомнить, чем тебя огорчил. Во всяком случае огорчен этим сам. Ты не понимаешь чувство отца, которому хочется, чтобы дети его были не просто безукоризненны, но и представляли собою высшую ценность. Не для других, а для себя надо быть такими, но неважно, как о вас будут думать другие: быть, а не казаться. Иметь ясное, прозрачное настроение, целостное восприятие мира и растить бескорыстную мысль – чтобы под старость можно было сказать, что в жизни взято все лучшее, что усвоено в мире, все наиболее достойное и прекрасное, и что совесть не замарана сором, к которому так льнут люди и который, после того как страсть прошла, оставляет глубокое отвращение. Крепко целую тебя, дорогая.

Письма старшим сыновьям Василию и Кириллу

13 ноября 1933 г., ст. Ксениевская

1933. XI.13. Дорогой Кира, сегодня я получил твое письмо, написанное по приезде домой.²²⁵ Очень рад, что ты удачно съездил и что вернулся благополучно. Хорошо также, что будешь заниматься над разборкой коллекций и подучишься у опытного минералога. Однако я боюсь, хватит ли у тебя времени и сил на работу сразу в трех местах. Потом меня беспокоит еще вопрос о жилье твоём и питании. Особенно в отношении последнего постарайся наладить его так, чтобы ты ел правильно и сытно. Конечно, порывать с занятиями палеонтологией не следует, тем более что в области осадочных пород руководиться и палеонтологическими данными совершенно необходимо. Биолиты – это понятие здесь основное, а понимать биолиты можно лишь в свете палеонтологии и биологии. Было бы очень важно, чтобы ты м.б. не сейчас, а позже, усвоил палеоботанику и в частности палеоботанику низших растений. Если у тебя будет время, то почитай хотя бы поверхностно Самойлова «Биолиты» и последние работы Вернадского – «Биосфера» и другие; готовилась к печати, но не знаю, вышла ли, весьма важная для тебя книга Вернадского *о воде*.²²⁶ Если она вышла, непременно проштудируй ее. – Еще: если в «Сорена» напечатана моя статья «Измерение формы»,²²⁷ то поговори о ней со своим руководителем, мне думается, ею можно было бы воспользоваться для изучения россыпей и в частности, вероятно, разработать морфометрический анализ россыпей, т.е. судить о природе минеральных обломков по их форме, охарактеризованной количественно.

Если же эта статья не напечатана, то в моих бумагах, а именно в папке по почве, ты найдешь копию рукописную. Очень жаль, что ты не читаешь по-английски; у меня как раз по осадочным породам, пескам и т.д. много интересных американских работ в изданиях американских институтов и университетов. Следовало бы использовать эту литературу. Постарайся в свободный день с Васей хотя бы ознакомиться с тем, что именно есть, чтобы иметь в виду на случай, когда понадобится. В частности есть у меня монография о монацитах.

При случае зайти в редакцию «Технической Энциклопедии» и попроси Николая Петровича Ракицкого, ученого секретаря редакции, устроить, чтобы тебе выдали недостающие у меня и мне причитающиеся тома «Технической Энциклопедии» и «Справочника» к ней, но предварительно справься, чего у меня нет. Я писал об этом Ракицкому и

посылал маме доверенность на получение, но боюсь, что ни то, ни другое не получено, а потому пишу об этом снова. Мне было бы очень жаль, если бы «Техническая Энциклопедия» с моими статьями отсутствовала у нас. При случае в частности просмотри статью «Скважность»;²²⁸ правда, ее урезали в редакции, но все-таки она м.б. тебе полезна, т.к. там собраны разнообразные сведения, которых сводки в книгах не найдешь. А ведь для горных пород скважность есть существенный фактор, дающий возможность проявиться деятельности воды.

Живу я на таком далеком Востоке, что казалось бы даже ехать некуда; но вероятно скоро уеду еще на 1200 км восточнее. К сожалению пока в моих руках нет литературы по местному краю, и потому я его пока представляю себе плохо, хотя чувствую, что тут очень много, над чем следует подумать и чем следует заняться. Вот почему мне хочется поехать восточнее, где имеются условия научной работы, – как говорят, а я сам пока не вполне в этом уверен. Все время я вспоминаю вас всех, а в частности тебя и Васю, и вы мне представляетесь двумя зайчиками, тогда как младшие – птичками. Мне особенно запомнилось, как Мик и Тика, прижавшись друг к другу и притихши, сидели на тахте у печки и только шептались между собою, когда у мамы был припадок боли в печени. Именно в таком виде я представляю себе их вот уже 9 месяцев.

Старайся, чтобы младшие получали знания и навыки к работе, я имею в виду здесь не занятия, а мелкие разговоры, участие в работе: по разборке книг, по рассматриванию картин в книгах, по разбору коллекций. Показывай им иногда минералы, породы (их собрано у меня довольно много), материалы, карты. Сразу не надо показывать много. Если они увидят один-два предмета, одну-две картинки – этого достаточно, но надо, чтобы по поводу виденного было брошено какое-нибудь замечание, тогда предмет будет насыщаться содержанием. Пусть усваивают термины, способы работы, диаграммы; понемногу будет запасен материал для дальнейшего. Только такие знания нужны и полезны. Важно, чтобы дети не остались без сроднившихся с ними образов искусства, особенно эллинского, будет ли то скульптура, архитектура или поэзия. Да и тебе самому будет это полезно и освежительно, т.к. ты тоже что-нибудь подметишь новое для себя и обогатишься. Я уже писал, что Вася и ты можете пользоваться рукописными материалами, собранными в моих папках, но с условием быть аккуратными и не перепутывать листков. Крепко целую тебя, дорогой. Скажи Вале, что напишу ему в следующий раз, т.к. письмо и так выходит слишком толстым и задерживается, а пишу я его Урывками, когда придется. Поцелуй мамочку, кланяйся бабушке.

Если будешь у бабы Оли, поцелуй ее от меня и скажи, что я получил от нее письмо, последнее, вероятно, но только одно.

1933.XI.17. Твой папа

23 ноября 1933 г., ст. Ксениевская

1933.XI.23. Дорогой мой Васенька, наконец-то я пишу тебе. Письмо твое получил одно. От мамы я узнал, что ты уехал летом в экспедицию, и потому не писал тебе, а потом никак не мог найти время подходящее. Я был очень рад, что ты и Кира поехали в новые для вас места,²²⁹ тем более что в течение всего лета, т.е. до 13 августа, был уверен, что поездка твоя не удалась. Надеюсь, ты набрался новых впечатлений и знаний,

так что твой кругозор обогатился. При изучении природы главное дело – иметь непосредственные впечатления, которые если наблюдать по возможности непредвзято и непредубежденно, постепенно сами собою складываются в общую картину; а из общей картины возникает интуиция типов строения природы, она-то и дает основания для углубленных выводов. Без этой интуиции выводы всегда остаются лишь условными схемами, которые могут быть направлены в произвольные стороны и потому условны и даже вредны – мешают наблюдать и подмечать действительно важное. В области, над которой ты работаешь, необходимо воспитать в себе чувство пейзажа, и тогда многое из достаемого без этого чувства путем кропотливым и легко ведущим к заблуждению, дается само собою. Поэтому было бы очень полезно, если бы ты старался формулировать, чем характеризуется стиль пейзажа, виденного тобой – сначала отдельными штрихами, несистематичным перечнем отдельных, всплывающих в сознании признаков, а затем постепенно сращивая эти признаки в единое описание типа. Гете обладал эту способность видеть тип наблюдаемого, в исключительной степени; у Гете надо учиться познанию природы. При случае почитай хотя бы книгу Лихтенштадта, ты найдешь ее в шкафу, где лежат книги по философии. Почитай также книгу Метнера о Гете; но Лихтенштадт будет для тебя полезнее, т.к. у него приводятся большие куски из работ Гете в переводе, сколько мне помнится, неплохо.²³⁰

Меня беспокоит, как устроились вы с Кирой, – где живете и как питаетесь. С течением времени, надеюсь, вы устроитесь более или менее сносно, но сразу это очень трудно. Маме я писал, что в моих бумагах (папка с аттестатами и другими документами) имеется письмо зам. директора ВЭИ, в котором он обещает предоставить жилую площадь, в случае если бы я оставил службу в ВЭИ. Конечно, все подобные обещания очень условны, но все же не мешает найти это письмо и просить на

основании его какой-либо площади взамен той, которую я в свое время передал Институту. Главное позаботься о своем здоровье. Ты находишься как раз в таком возрасте, когда это особенно важно; лет через пять организм окрепнет и будет надежнее, а сейчас требуется особая забота. Поэтому непременно устрой питание свое и Киры как следует, старайтесь продавать вещи, чтобы обеспечить еду. Кроме того одевайся тепло и не ходи по холоду кое-как, я очень боюсь простуды, особенно при общем истощении и усталости. Еще относительно твоих занятий. Бери из моих материалов все, что тебе понадобится, только старайся сохранять порядок и не разрезать материалы, т.к. иначе они станут совершенно бесполезны. Правда, мои материалы подобраны для других целей, чем те, которые стоят пред тобою, но тем не менее ты найдешь себе там что-нибудь полезное. Кроме того, тебе вообще полезно знакомиться с родственной областью из практики, она может навести на какие-либо новые задачи и выводы.

О себе я уже писал многократно, так что надоело. Но на всякий случай, если письма не дошли, сообщаю еще раз, что живу я неплохо: еда вполне достаточная и во много раз лучшая, чем какая была в Москве, но мне неприятная, т.к. приходится есть мясо. Живу я в комнате с несколькими инженерами; хотя я и не имею с ними ничего общего, но люди они тихие и спокойные, так что никакого неудобства не испытываю. Сплю на деревянной койке, во 2-м этаже, куда приходится взбираться, как в вагоне железной дороги. Получил теплую одежду – телогрейку, брюки, валенки, короткое пальто, называемое здесь бушлатом. Все эти вещи (кроме валенок, конечно) на вате. В комнате теперь тепло, даже бывает весьма жарко, когда, собравшись на ночь, мы затапливаем железную печьку. Впрочем, качество комнаты значит для меня мало, т.к. целый день я на службе и возвращаюсь домой на 1–1 1/2 часа днем и поздно ночью.

Мой ближайший начальник,²³¹ начальник отдела, – из обрусевших немцев, учился за границей и был одно время профессором в Лейпциге. Это – культурный и благожелательный человек. Ко мне он относится внимательно, так что работать с ним весьма ровно. Жаль только, что он по специальности экономист и агроном, а экономика весьма далека от моих интересов. Вчера говорил с ним относительно возможного срока моего отъезда. Вероятно это будет в первых числах декабря, т.к. тут надо закончить некоторые работы.

23-го ноября получил письмо мамы от 8 ноября. Из этого письма я узнал, что ты с Миком нервничаешь и беспокойны. Это меня весьма огорчило, во-первых, из-за твоего состояния, а во-вторых из-за твоей

неправильной установки. Пора тебе уже понимать, что все происходящее имеет свой смысл и делается так, что в общем итоге жизнь направляется к лучшему. Неприятностей в жизни не избежешь, но неприятности, перенесенные сознательно и в свете общих явлений, воспитывают и обогащают, а в дальнейшем приносят свои положительные плоды. Поэтому, дорогой мой мальчик, будь спокоен, жди лучшего будущего, не волнуйся и старайся в каждый данный момент пользоваться тем, что есть у тебя и что можно делать в это время. Душой я всегда с вами, крепко люблю всех вас, всегда думаю о вас. Работай над собою, береги маму и детей, заботься о своем здоровье и старайся радоваться тому, что тебе доступно. Непременно дыши побольше воздухом. Из моих книг можешь брать все, что тебе надо. Пользуйся также химическими препаратами для анализа, я уверен, что ты найдешь вещества, тебе полезные и притом химически чистые. Крепко целую тебя, мой дорогой. Поцелуй маму и детей, бабушку, кланяйся другой бабушке. Боюсь, ты не разберешь моего письма: карандаш короткий, а мне без очков писать трудно.

П. Флоренский

12 февраля 1934 г., г. Свободный

1934.П.12. Дорогой Васенька, сегодня у вас дома праздник, и я мыслями присоединяюсь к вам и поздравляю тебя и дядю Васю.²³² У нас – выходной день, но я, как всегда, этот день сижу на службе и работаю. В такие дни народу бывает сравнительно мало, поэтому в учреждении тихо и работается гораздо успешнее, чем в рядовые дни. Ведь когда слишком много людей, трудно сосредоточиться, часто отрывают разными вопросами, когда требуется что-нибудь объяснить или сделать, и потому мысль разбрасывается. Это время мы, т.е. несколько человек, знающих и ценящих поэзию, много вспоминали Андрея Белого в связи с дошедшими до нас газетными известиями об его кончине. Правда, я много лет его не видел, но воспоминания юности, когда я знал его хорошо и когда он был в расцвете своих дарований, так живы, что как будто это было несколько недель тому назад. Я даже доволен, что не встречался с ним в последние годы, бывавшие для него годами упадка, болезни и старения. Вероятно новые, менее светлые впечатления загладили бы старые и старый его облик, с каким он останется в моем сознании. Мы жалели только, что нечего почитать из его прежних произведений, которых здесь ни у кого нет, и что приходится довольствоваться жалкими обрывками, сохранившимися в памяти; но не сохранилось почти ничего цельного, хотя когда-то я знал немало. Вот, значит порвалась еще одна нить, связавшая меня с годами юности.

Тут, несмотря на мороз, явно чувствуется весна. Снег почти исчез, даже с крыш. Не думай, что растаял. Вследствие сухости воздуха и ветров здесь снег не тает, а просто испаряется, из твердой фазы переходя непосредственно в парообразную. Впечатление такое, как если бы это был не снег, а хлопья твердой углекислоты.

По-прежнему, а может быть и более прежнего, я погружен мыслями в мерзлоту. Тут все – и явления природы, и интересы строительства, и разговоры окружающих наводят на эту тему. К тому же у меня с Павлом Николаевичем происходят деятельные сборы и приготовления к поездке – переселению на мерзлотную станцию в Сковородино (бывшая ст. Рухлово на стыке Забайкальской и Уссурийской железных дорог). Там надо будет произвести ряд опытов, наблюдать мерзлотные явления, соприкоснуться с ними в условиях строительства. Набрал я много материалов, относящихся к физике и, отчасти, геологии этих процессов, сделал сводки. Мне кажется, я уже разгадал механизм образования так называемых пучин, причем оказалось, что развиваемые в литературе взгляды неверны и во всяком случае существенно неполны. Даже удивительно, до чего люди не наблюдательны. Например, здесь на каждом шагу можно видеть длинные и широкие трещины, так называемые «морозовые трещины», – в почве, во льду рек и наледей. Все пишут и говорят, что причины их неизвестны. Но простая очевидность указывает на наличие в почве, наряду с положительными давлениями по вертикали, давлениями пучения, – также и отрицательных давлений, или растяжений, по горизонтали, сил, разрывающих грунт. Механизм возникновения тех и других сил оказался простой, но вовсе не «расширение воды при замерзании» на 9 %, которое у всех на языке и на уме. Дело – в давлениях и натяжениях при процессе кристаллизации воды, то есть в силах не гидростатических, не всесторонних, а векторных, с направленностью по осям кристаллической решетки, по которым идет ориентировка молекул льда (вода, или то, что обычно называют водою, есть раствор льда – тригидрола $(H_2O)_3$ и пара моногидрола $(H_2O)_1$ в собственно воде, дигидроле $(H_2O)_2$). Процесс охлаждения воды ведет к увеличению концентрации тригидрола, и когда этих молекул становится много, они выкристаллизовываются в направлении линий распространения тепла или, точнее, против них, причем имеют стремление присасываться к твердым поверхностям, на которых имеется адсорбированный слой воды, надо полагать уже в твердом состоянии, поскольку адсорбированные молекулы бывают ориентированы. Твердое тело, прикасающееся ко льду, вызывает в нем раздражение, и лед разрастается в направлении нажимающей на него

поверхности, как ткань разрастается, когда ее что-нибудь раздражает. С точки зрения общей энергетики это есть проявление принципа Ле Шателье.²³³ Система стремится сохранить наличное свое состояние, развивая такие процессы, которые как раз обратны фактору, вызывающему ее изменение. Если на лед производится некоторое давление, то он при слабых давлениях (до 15 кг/см²) и низких t° противодействует сжимающему усилию ростом именно в этом направлении, а при сильных давлениях и сравнительно высоких температурах повышает свою точку плавления, как это выяснено Джемсом и Вильямом Томсонами,²³⁴ ибо таяние льда ведет к повышению его температуры и, следовательно, к тепловому расширению, которое противодействует производимому давлением сокращению объема. Этот раздражающий эффект настолько велик, что ведет к поднятию тяжестей, слоев грунта, строений, скал, разрыву трещин. Мне рассказывали о случаях, когда замерзание воды, находящейся под огромными валунами 10x8x5 метров, приподымало их, например на 10 см, несмотря на то, что вода имела полную возможность вытечь из-под камня и замерзнуть где-нибудь в стороне. Но она, напротив, собиралась силами кристаллизации под валун и вопреки законам гидростатики давила по вертикали вверх. Мало того. Чтобы выкристаллизироваться в направлении противодействия (с силою до 15 кг/см²) давлению вещество воды заимствуется из окружающей среды и с боковых граней того же кристалла. Он «тает» там, где нет давления, чтобы своим материалом питать растущую под действием раздражения грань. Отсюда – появление отрицательного давления на этих гранях, т.е. боковых, и подсасывающее действие растущего кристалла: он сокращается в ширину (т.е. в направлениях, перпендикулярных к главной оси – направлению роста) и, следовательно, отрывается от других ему параллельных кристаллов; в образующиеся трещины всасывается вода, поступающая на рост раздражаемой грани, следовательно образуется вновь пониженное давление. Таким образом наледь растет, трескается, снова растет и пучит грунт, над нею находящийся, а также раздвигаются частицы грунта, между которыми возникают кристаллы льда. Что это явление не имеет ничего общего с объемным расширением воды при замерзании, свидетельствует хотя бы факт возникновения подобных же эффектов в жидкостях, при затвердевании свой объем не увеличивающих, а, напротив, уменьшающих. Контрольные опыты в этом направлении я буду еще производить в Сквородине.

Вот, все письмо вышло о мерзлоте. Уже поздно, надо уходить, а то останусь без ужина. Целую тебя, мой дорогой. Боюсь, что ты по-прежнему

плохо питаешься, и это меня очень беспокоит. Сделали ли вы с мамой относительно питания то, что я писал ранее? Получили ли «Справочник» и «Техническую Энциклопедию»?²³⁵

П. Флоренский

7 ноября 1934 г., Кремль, быв. Троицкий собор

1934.XI.7. Дорогой Васюшка, надеюсь ты уже вернулся из своей поездки. Как хотелось бы, чтобы эту зиму ты был здоров. Все время думаю о тебе, о вас всех. Тут есть люди интересные, но их надо назвать скорее бывшие интересные: потому что все серости и тусклости, так что даже не верится, что это те самые люди, которые могли бы быть значительными. Только когда разговоришься, то мелькнет иногда что-нибудь, словно стертая позолота. Вероятно и я такой же, даже не вероятно, а наверное так. Типичная часть разговоров о том, кто где сегодня работал и сколько % выработал, – второе всех всегда интересуется, т.к. с этим связано количество выдаваемого хлеба и качество пищи. Монастырь – крепость – весь какой-то облезлый, очень неприятный, несмотря на свой исторический и археологический интерес. Мне что-то и смотреть на него не хочется. Мама тебе говорила, вероятно, о минерале – определил ли ты его с Кирой. Если определишь, сообщи, что это такое по-твоему. Целую тебя, дорогой, будь здоров и пищи.

26 ноября 1934 г., Кремль, быв. Наместнический корпус

Дорогой Кирилл, мама пишет, что тебе приходится очень много работать и вдобавок в Москве негде ночевать. Надеюсь Вася теперь приехал уже, и ты будешь ночевать у него. Старайся поддерживать свое здоровье и есть как следует. Относительно твоих занятий в дальнейшем отсюда трудно говорить. Но мне думается, что следует держаться минералогии. Одно только: тебе не нравится Памир. Но м.б. и твой руководитель²³⁶ будет связан в дальнейшем не с Памиром, а с другими районами? Я так и не знаю, что ты нашел в моем минерале. Вероятно много железа, но неужели нет ничего более интересного? У меня в области минералогии не только нет ничего поучительного, но и не предвидится, т.к. весь остров покрыт ледниковым мусором – валунами, осадочными глинами и т.д., так что коренных пород не увидишь. А я терпеть не могу этих ледниковых наносов, пришедших неведомо откуда и лишенных связи со своим первоисточником. Зато тут есть водоросли, собираюсь их попробовать: они давно, с детства, меня интересуют, равно как и йод. Новых книг здесь я не вижу вовсе, старых нужных тоже нет. О журналах и думать нечего, так что не представляю, что делается в науке и, конечно, быстро забываю то, что знал. Целую тебя, дорогой Кира, пищи.

26 ноября 1934 г., Кремль, быв. Наместнический корпус

Дорогой Васенька, надеюсь, ты, наконец, вернулся домой. Все время беспокоюсь о тебе, и за твое здоровье, и из-за твоей оторванности от дома и о твоём здоровье. Напиши, что сделал за лето. Пожалуй, на следующее лето хорошо бы тебе и Кире поехать в новые места ознакомиться с природою, отличной от Памирской. Тут я буду вероятно руководить математическим кружком, но беда в отсутствии новых книг, придется импровизировать, а для подготовки времени тоже нет. Я уже писал тебе отсюда, но судя по маминым письмам думаю, что письмо не дошло, м.б. из-за своей величины. Старайся сообщать детям что-нибудь по минералогии, физики, химии, геологии, – между прочим. Это их обогатит и подготовит почву для дальнейших занятий. Если показываешь минерал, объясни его состав, особенности, техническое название. О моих работах по льдам тебе расскажет кое-что мама, если только она не забыла. К сожалению, эти работы прервались, обещали дать ценные выводы. Таблицы классификации льдов ты вероятно видел уже, но они мало понятны без текста и без рисунков. Поцелуй в Москве бабушку и тетю Люсю. Будь здоров, дорогой, старайся быть добрым и устрой свое питание, чтобы успокоить меня хоть отчасти. Крепко целую тебя.

П. Флоренский

14 декабря 1934 г., Кремль, быв. Наместнический корпус

1934.XII.14. Дорогой Васечка, вероятно ты получил мои старые письма, кроме одного, большого, которое очевидно не дошло. Сейчас я получил возможность писать чаще, чем ранее, так что вы будете получать от меня известия по несколько раз в месяц; но вероятно в ближайшее время будет перебой, т.к. прекратится навигация и не будет налажено сообщение аэропланное. Я очень рад, что ты наконец дома и притом относительно здоров. Сообщи, что делал ты летом и что нашел интересное. Сейчас я занят обдумыванием (в частном порядке, это не относится к моей служебной работе), как можно организовать здесь комплексное производство – целый комбинат – добычи брома из морской воды с использованием энергии ветра и приливов в хорошо замкнутом цикле различных процессов и продуктов. Намечается красивая схема, но воплощение ее в проект требует большого труда и, к сожалению, книг, которых здесь нет. Все-таки буду продумывать эту задачу, совместно с некоторыми специалистами. Постепенно продумываю также различные варианты йода и других продуктов из морских водорослей. По существу тут, в вопросе о водорослях и бrome, очень много важного интересного, и притом тесно связанного с моими работами по электрическим

материалам. Но тем не менее тяжело уходить от исследований и мыслей о мерзлоте и льдах, где можно было бы сделать большой шаг вперед. Кроме того здешняя природа, несмотря на виды, которые нельзя не назвать красивыми и своеобразными, меня отталкивает: море – не море, а что-то либо грязно-белое, либо черно-серое, камни все принесенные ледниками, горки, собственно холмы, наносные, из ледникового мусора, вообще все не коренное, а попавшее извне, включая сюда и людей. Эта случайность пейзажа, когда ее понимаешь, угнетает, словно находишься в засоренной комнате. Так же и люди; все соприкосновения с людьми случайны, поверхностны и не определяются какими-либо глубокими внутренними мотивами. Как кристаллические породы, из которых состоят валуны, интересны сами по себе, но становятся неинтересными в своей оторванности от коренных месторождений, так и здешние люди, сами по себе значительные и в среднем гораздо более значительнее, чем живущие на свободе, неинтересны именно потому, что принесены со стороны, сегодня здесь, а завтра окажутся в другом месте. И еще: не знаю почему, с детства я бессознательно не выносил Соловецкого монастыря, не хотел читать о нем, он казался мне не глубоким и не содержательным, несмотря на свое большое значение в истории. А теперь, попав сюда, я ощущаю глубокое равнодушие к этим древним стенам и постройкам, не осматриваю их, даже не побывал до сих пор в соборе, куда водят экскурсии и который считается местной достопримечательностью. Умом я хорошо понимаю несправедливость такого отношения, но все же оно остается и даже растет. Это первый раз в моей жизни, когда древность не вызывает во мне никакого волнения и влечения к себе. Пожалуй, водоросли да йод – самое значительное, что нахожу на Соловках. – Удастся ли тебе отдохнуть после экспедиции? Было бы хорошо, если бы можно было тебе пожить с мамочкой. Чтобы не забыть: старайся записывать мысли и наблюдения каждодневно, не откладывая их закрепление на будущее; ведь они быстро забываются, а если и сохраняются в памяти, то неточно и неярко. Из таких заметок, если будешь их делать, накапливаются материалы для больших работ, и этот способ работать дает работе сочность и насыщенность. Лучше всего, имей при себе всегда блокнот, чтобы можно было вести запись на ходу и при любых условиях. Крепко целую тебя, дорогой Вася, пиши и не забывай своего папу.

П. Флоренский

24–25 января 1935 г., Кремль, быв. Наместнический корпус

Дорогой Кирилл, часто вспоминаю тебя, особенно когда поздно

вечером ложусь спать. Вспоминаю с болью, что огорчал тебя, не входя в твой возраст и требуя того, что ты не понимал. Дорогой мальчик, как бы мне хотелось – не исправить прошлое, которое уже прошло и неисправимо, – а сколько-нибудь возместить тебе его. Мне хотелось дать вам в наследство честное имя и сознание, что ваш отец всю жизнь проработал бескорыстно, не думая о последствиях своей работы для себя лично. Но именно из-за этого бескорыстия я должен был лишать вас удобств, которыми пользуются другие, удовольствий, естественных в вашем возрасте, и даже общения с вами. Теперь мне грустно, что вместо какой-либо пользы для себя в настоящем за все мое старание, вы не получаете и того, что получает большинство, несмотря на жизнь их родителей ради самих себя. Моя единственная надежда на сохранение всего, что делается: каким-либо, хотя и неизвестным мне путем, надеюсь, все же вы получите компенсацию за все то, чего лишал я вас, моих дорогих. Если бы не вы, я молчал бы: самое скверное в моей судьбе, – разрыв работы и фактическое уничтожение опыта всей жизни, который теперь только созрел и мог бы дать подлинные плоды, – на это я не стал бы жаловаться, если бы не вы. Если обществу не нужны плоды моей жизненной работы, то пусть и остается без них, это еще вопрос, кто больше наказан, я или общество, тем, что я не проявлю того, что мог бы проявить. Но мне жаль, что я вам не могу передать своего опыта, и, главное, не могу вас приласкать, как хотелось бы и как мысленно всегда ласкаю. – В январе я писал тебе, но не знаю, дошло ли мое письмо. О том, как я живу, узнаешь из письма к бабушке. Крепко целую тебя, дорогой. Надо кончать письмо, очень поздно и я валяюсь от усталости.

22 февраля 1935 г., Кремль, быв. Филиппова пустынь

Дорогой Вася, ты совсем забыл своего папу, ничего не пишешь. А мне ведь нужно знать, что ты делаешь, чем занимаешься, что думаешь. Пишешь ли что-нибудь. Непременно пиши, и записывай мимолетные и систематические наблюдения и мысли, и обрабатывай их. По собственному опыту я вижу, что накопление большого материала впрок ведет к тому, что большая часть его остается непроработанной и не приведенной в порядок. Старайся воспользоваться хоть опытом моей жизни и более рационально тратить труд, т.е. поскорее оформлять найденное. Более крупные обобщения и более полная систематизация придут в свое время, и ничто не мешает потом вернуться к старому, пересмотреть, дополнить и исправить сделанное, но уже более сознательно и целеустремленно. Еще. Старайся при исследовании вовлекать в круг рассмотрения возможно больше различных

характеристик и сопоставлять их между собою. Тогда сами собою будут приходиться выводы, которые иначе потребовали бы большого напряжения и удачи. Особенно важно пользоваться различными физическими способами изучения вещества, т.е. химия дает слишком бедные, слишком далекие от действительного вещества характеристики, – говорит не конкретно и слишком вообще. Крепко целую тебя.

3 марта 1935 г., Кремль, быв. Филиппова пустынь

Дорогой Кирилл, от мамы я узнал о кончине Давыда Ивановича,²³⁷ меня поразившей и огорчившей. Одним все-таки я могу быть довольным, что ты успел, хотя и далеко недостаточно, поработать под его руководством. Мне жаль и его, и тебя, и себя, но в особенности, конечно, его семью. Передай Софье Владимировне²³⁸ мой привет и вырази ей от меня сочувствие к ее потере. М.б. в следующем письме я напишу ей несколько слов, а тут нет места уже. Вот видишь, дорогой, твое беспокойство о выборе руководителя отпало само собою, и Давыда Ивановича ты не огорчил.²³⁹ В жизни часто бывает так, что трудности разрешаются сами собою, только не надо дергаться и проявлять нетерпение. Мама пишет, что ты без работы сейчас. Мне неясно, почему: ведь ты же работаешь по минералогии. Или это только в летнее время? Я сижу в химии, и последнее время по преимуществу в органической. Разбираюсь в разных видах углеводов и их производных, далее пойдут белки; готовлю реактивы, налаживаю методику анализа. Попутно идет другая работа, подготовка к электрохимическим процессам, т.к. я хочу испробовать электрохимический путь комплексного использования водорослей. На ходу уясняются разные детали, неизвестные по книгам, но важные в том или другом отношении. Живем мы уединенно, тихо, в работе, окруженные лесом и снегами. Это особенно хорошо в настоящий момент, т.к. мне нездоровилось и после гриппа обычное ослабление сердца и полиневритовые боли. Серьезного ничего нет, но посидеть дома полезно. Впрочем, читаю лекции по математике и хожу в баню. Крепко целую тебя, дорогой. Я рад, что ты устроился с квартирой, но теперь непременно надо устроиться с едой. Напиши, как обстоят денежные и квартирные дела Софьи Владимировны.

15 июля 1935 г., Кремль, быв. Филиппова пустынь

1935.VII.15. Дорогой Васюшка, боюсь письмо мое тебя не застанет уже, но на всякий случай все-таки пишу. Мама пишет о предполагаемом твоём отъезде, однако ничего не сообщает об его длительности. Прежде всего, о твоих личных делах. Ты же знаешь, как я люблю всех вас и тебя. Мне хочется, чтобы вам было хорошо и чтобы вы пользовались радостью,

насколько вообще на земле она возможна. Это и вообще и в данном случае. Сказать же что-нибудь о твоём выборе отсюда мне невозможно, т.к. Наташи я не знаю, правильно сказать – совсем не знаю и даже по рассказам не представляю себе. Да, кроме того, ведь мои рассуждения, если бы они были возможны, оказались бы все равно бесполезны. Но я верю в своих детей и надеюсь на их осмотрительность, особенно, когда дело идет об устройстве жизни. Перед тобой пример мамы и от него исходи. Хочу только, чтобы ты нашел мир и тишину, остальное же все – на втором плане. Однако ты должен не забывать о мамочке, братьях и сестрах. Этот долг, конечно, при всех обстоятельствах лежал бы на тебе. Но к моему глубокому огорчению на тебя падает трудная и большая задача – двойной долг, т.е. я не могу ничего сделать, чтобы сколько-нибудь дать мамочке радости и спокойствия. Она прожила всю жизнь нелегко, а теперь, когда ей следовало бы быть в покое и радости, на ее долю пришли времена особенно тяжелые. Помни же об ее любви к тебе и сделай так, чтобы не доставлять ей лишней скорби.

Мамочка пишет о твоём беспокойстве относительно твоих занятий по кристаллографии. Вот несколько соображений, которые м.б. помогут тебе. Во-первых, старайся как можно чаще прибегать к наглядным пособиям и моделям. Пространственное воображение, трехмерное у человека на настоящей стадии развития, очень слабо, а при непривычке представлять себе пространственные образы часто просто отказывается работать. Можно быть совсем неглупым – и все же не владеть представлением пространственных образов. Поэтому необходимо помогать здесь моделями. Пусть учащиеся и сами их делают, это тоже очень помогает. Прибегай к стереоскопу. Найди разъемные модели и т.д., побольше пользуйся окрашенными поверхностями и цветным мелом – цвет очень укрепляет понимание формы. Во-вторых, тебе самому было бы совершенно необходимо изучить векторное исчисление, которое для кристаллографии есть важнейший инструмент. Сейчас занимаюсь с инженерами этой дисциплиной, и как мне досадно, что не могу заняться с тобой. Если ты усвоишь, (но именно усвоишь) хотя бы первые главы, т.е. основные операции с векторами, то сразу почувствуешь себя вооруженным, тогда как без векторного мышления обычно бывает беспомощность. (Между прочим, у меня в руках книга Н.Е. Кочина «Векториальное исчисление», Л.-М., 1933, изд. 3-е; еще хорошая книга Я.Н. Шпильрейна; кратко – в теоретической физике Эйхенвальда, выпуск «Теория поля».) Но для усвоения векторного исчисления непременно надо решать задачи, иначе ничего не запоминается. В третьих, старайся

насытить кристаллографию физическим и химическим содержанием (образцовая книга: Lehmann, Die Molekular physik, хотя во многом и отстала очень существенно, но содержит драгоценный материал, старайся прибегать к ней). В-четвертых, отмечаю некоторые книги: *Делоне Б.Н.*, Математические основы структурного анализа кристаллов и определение основного параллелепипеда поверхности (?) при помощи рентгеновских лучей. Л. 1934. 328 стр., 4 р. 20 † 1 р. Напоминаю о кристаллографии Вернадского – для общих установок. Было бы очень полезно (в последующем) вникнуть в идеи ФЕДОРОВА.²⁴⁰ Относительно твоих занятий осадочными породами: особенно важный момент, в частности для понимания генезиса пород, – их текстура.²⁴¹ Подбери материалы по различным способам охарактеризовывать текстуру; в моих материалах (например о мраморе) кое-что найдешь тоже. Я убежден, что текстурному анализу, когда он будет опираться на точный учет форменных элементов и их геометрии (в связи с теорией вероятности) предстоит большое будущее. Кроме того, старайся вообще вникнуть в физические способы охарактеризования пород (отражательная способность, капиллярность и т.п., электрические свойства). Если даже не будешь сам проделывать измерений, то хотя бы подбирай материалы по уже сделанному. Это дает много для понимания, как породы построены. – Посылаю тебе картинку – вид на лабораторию. – Очень важная область, промежуточная между грубым – макроскопическим – и тонким – микроскопическим – строением всякого рода природных тел, как-то обходится, хотя именно с ним связываются наиболее яркие свойства тел. – По поводу пестрой пермской свиты²⁴² у меня есть одна мысль, разовью ее в следующий раз, а ты подумай. Не есть ли эта свита генетический аналог граниту и гнейсу, но весьма молодой. Было бы очень интересно проследить ВСЮ последовательность, как в сторону еще более молодых отложений родственного типа, так и в сторону более древних, и дойти до метафорических кристаллических пород. Эту мысль я как следует не продумал, м.б. и откажусь от нее, но продумать следует. Крепко целую тебя, дорогой. – Обрати внимание на несогласное напластование (косослойность).

5–6 сентября 1935 г., быв. Монастырская кузница.

Дорогой Кирилл, если ты приехал, то сообщи поскорее о себе. Беспokoится мамочка, но беспокоюсь и я. Надеюсь, напишешь, что ты сделал за лето. Получил ли ты мои «персидские» письма?²⁴³ Сообщаю еще, что слово *ал*, красный особого оттенка, т.е. того же корня, что и русское *алый*, вероятно не просто родственное нашему, а занесено к нам

из Персии. Когда-то я занимался древнерусскими названиями драгоценных камней. Многие из названий обычно или остаются непонятными, или объясняются в словарях древнерусского и славянского языков совершенно ложно. Мне удалось установить точное значение терминов, опираясь на древние описи вещей, которые сохранились в натуре, и устанавливая непосредственно природу минерала. Многие древнерусские названия оказались восточными: армянскими, персидскими, индусскими и т.д., кое-что вошло через Грецию из Ассирии. Это очень интересная тема – проследить миграцию минералогической терминологии, и у меня были подобраны значительные материалы к работе этого рода. Как-нибудь посмотри их, найдешь вероятно и для себя что-нибудь полезное. – Сейчас я живу на берегу Святого озера, так близко от него, что из комнаты берега не видишь. Погода дождливая, порою бушует ветер со шквалами, озеро бурлит словно море. Дом старинный, с крепостными почти стенами. Мама беспокоится относительно здешних холодов. Но это ошибка с ее стороны: на Соловках климат гораздо теплее московского, правда лето прохладное, но зато и зима не холодна. Мы говорим, что здесь – словно в термостате. Зимой непрерывно дуют ветра, летом – часто. Поэтому я называю Соловки Островом Ветров (по греческим воззрениям жилище ветров было в стране гипербореев, т.е. следовательно на Соловках).

Последние дни сижу за заявками по ряду изобретений, касающихся использования водорослей. Хотим взять заявочное свидетельство на номограмму для анализа галидов. Пишу статьи – на те же темы. – Как-то я писал тебе о книге Вернадского по Радиогеологии,²⁴⁴ но не знаю, дошло ли письмо до тебя. Сейчас думаю написать еще статейку об этой книге, тем более, что для здешних газет (стенных и частью печатных) что-нибудь надо. Меня беспокоит вопрос о твоём учении: ты опоздал приехать к сроку, как бы не было из-за этого осложнений. Во всяком случае обрати главное внимание на окончание курса, это необходимо не только по причинам формальным, но и по существу. Привез ли ты каких-нибудь интересных минералов? Мама просит прислать ей растений. Но она, очевидно, не сознает, что я не могу посылать посылки, да к тому же посылка так задержится, что растения погибнут. Думаю, большинство здешних растений можно достать из других мест – вереск, голубику, гонобобель, чернику, морошку, карликовую березу, особый вид грушанки и т.д. Крепко целую тебя, дорогой; пиши поскорей.

16 сентября 1935 г., быв. Монастырская кузница

Дорогой Кирилл, в книге Вернадского вычитал о древности

карельских кристаллических пород и в особенности о побивших мировой рекорд по древности синепапальных. Это хорошо сочетается с видом кремлевской стены и строений – из валунов, так что чудится что-то циклопическое, тем более, что башни и все постройки в нижней части расширяются, как комель у сосен и елей, луковицей. Валуну стен поросли желтым лишаем, словно выкрашены. Возят грузы здесь больше на быках, очень породистых, массивных и архаичных. Когда въезжает в проход Святых ворот телега, запряженная быком, то представляются времена доисторические, какой-то архаичский ритуал, – срастаются впечатления от величественного быка и тяжелых, несколько бесформенных каменных кладок. Одни из быков здесь высокорогие, с длинными острыми рогами, а другие, и они особенно сильны, очень тяжеловесны, с короткими, толстыми и тупыми рогами; эти мне ближе, более египетские. – По поводу твоих занятий хочу напомнить тебе о существовании номографии: непременно научись владеть номографическими методами,²⁴⁵ это очень облегчает расчеты. В частности сделай своим привычным достоянием бумагу с различными специальными координационными сетками. Из них особенно часто бывают полезны сетка полулогарифмическая и дважды-логарифмическая. При помощи этих и других подобных сеток ты сможешь вскрывать почти без труда различные зависимости между явлениями, которые непосредственным вычислением установить часто нелегко. Скажи об этом и Васе. Записываешь ли ты наблюдения над природою, чтобы набирался материал. Потом, пора тебе собирать библиографию по вопросам, над которыми работаешь и заметки из прочитанного в журналах и книгах. Лучше всего делать эти записи на лоскутах бумаги стандартного размера и затем раскладывать их по папкам. Тогда, путем перекалывания из папки в папку записи можно легко классифицировать и каждый вопрос будет легко обозреваем, так что оформление материалов станет быстрым и полным, а главное не будет требовать особых усилий. Пока материалов мало, эти меры кажутся лишними, но потом, по мере накопления данных, материал начинает давить. Между тем, весьма опасно полагаться на память, из-за этого много ценного ускользает от внимания. Крепко целую тебя.

16 декабря 1935 г., Кремль, быв. Никольский корпус

Дорогой Кирилл, меня очень огорчает, что ты в Москве без пристанища. Постарайся, по крайней мере, есть как следует. Может быть теперь Владимир Иванович что-нибудь устроил для тебя? В книге В.С. Доктуровского «Торфяные болота», 2-е изд., М-Л., 1935, содержащей много полезных данных по торфу, я нашел (стр. 35, 36) указания на

водоросль *Cladophora Sauten* – растительные шары Заболотья (помнишь были у меня). Оказывается, они встречаются в некоторых озерах Владимирской губернии, в оз. Ардине Нижегородской губернии, в Глубоком оз. Московской губернии, и кое-где в Западной Европе. Меня эти шары очень занимают в частности по связи с марганцевыми оолитами,²⁴⁶ думаю последние того же происхождения. В моих бумагах имеются микроснимки шлифов этих оолитов, а также анализ Заболотской кладофоры. На стр. 77 изложены данные по определению возраста сапропеля и сапроколла по годичным микрозонам. – Трудности твоей жизни отчасти напоминают мои собственные. Знаю, меня многие считают избалованным жизнью и легко достигающим успеха. Но это глубокая ошибка, м.б. объясняющаяся тем, что я привык не жаловаться на судьбу. Все то, что другие получали легко, мне давалось с усилием, или вовсе не давалось. В общем, сравнивая себя с любым из своих знакомых, я вижу, что не получил в жизни и малой доли полученного каждым из них. А имеющееся добыто усилием, работой над собою, упорным размышлением и трудом. Даже книги, буквально плывущие в руки другим, до меня или не доходили, или доходили поздно. Из себя я извлекал идеи, которые потом находил в книгах или слышал от других; но мои идеи давали плоды, а у других они оставались внешним придатком. Может быть трудность получения и была условием органического усвоения. В упорстве мысли и в непрестанном труде вижу я свое преимущество пред другими, а не в способностях, которых у меня м.б. меньше, чем у многих других. Этот путь тяжел и утомителен, но внутренне он плодотворнее, чем легкий успех и внешнее быстрое усвоение. И если бы мне было дано начинать жизнь заново, с детства, я вероятно шел бы тем же путем, который уже пройден. Я делал ошибки. Но в основном совесть моя спокойна. Крепко целую тебя, дорогой. Пиши и будь бодр.

16 декабря 1935 г., Кремль, быв. Никольский корпус

1935. XII. 16. Дорогой Васюшка, не получая от тебя писем, я прихожу к выводу, что ты зарываешься с работою. Мне жаль, что это так, и не по одной причине. Прежде всего, от этого страдает твоя работа. В том возрасте, в котором находишься ты, надо дать возможность выкристаллизовываться мыслям и не мешать этому процессу постоянным разбалтыванием их: надо каждый день иметь хотя бы небольшой отрезок времени для созерцания. Чего хотел бы я и жду от тебя? Латинская поговорка гласит: *Non multa, sed multum*, а по-русски можно было бы передать смысл: «Не многое, а большое». Мне хочется, чтобы ты не разменялся на многие мелочи, а сделал бы нечто цельное. Это не значит,

что мелочей не нужно. Нет, в мелочах находит себя целое, но для этого мелочи должны быть организованы, должны направляться, определяться и собираться целым. «Целое – прежде своих частей» («прежде» – не в хронологическом, а в существенном смысле); оно порождает из себя и ради себя свои части, а не механически складывается ими, как случайными элементами и воздействиями. Ты должен найти себя самого, а для этого необходима тишина и, хотя бы временами, незасоренность сознания. Это во-первых. Во-вторых, тебе пора уже думать серьезно об организации своей жизни. Раз ты завел себе семью, то должен заботиться об ее благоустройстве, а оно прежде всего состоит во внутренней полноте и связанности. Нельзя, чтобы Наташа была предоставлена самой себе, из этого не получится ничего хорошего; наименее опасный исход – это тот, что она будет скучать, грустить, внутренне чахнуть. Но гораздо легче может случиться, что из инстинкта самосохранения она будет стараться заполнить пустоту, и тогда семья распадется, если не юридически, то фактически. Поэтому тебе необходимо позаботиться о том, чтобы ты входил в ее внутреннюю жизнь, а она – в твои интересы и во всяком случае, не оставалась одна. Третье – ты должен думать о маме и о братьях и сестрах. Говорю «должен» не в моральном смысле, о котором можешь догадываться и сам, а в смысле твоих собственных интересов, т.к., утратив живую связь с мамой, братьями и сестрами, ты потом уже не сумеешь ее возобновить и останешься в пустоте. А во имя чего? – Во имя суетных мелочей, которые в сущности тебе не нужны, даже вредны для твоего развития, – т.е. во имя пассивности и нежелания вдумываться в возможные последствия твоих поступков. Организуй же свою жизнь сознательно и целеустремленно, чтобы она определялась не случайными факторами, а замыслом, насколько это возможно. И наконец, ты должен подумать о своем здоровье – это простой расчет, ибо тебе предстоит жить и действовать, а для этого надо копить и беречь силы. Крепко целую тебя. Привет Наташе.

24–25 декабря 1935 г., Кремль, быв. Никольский корпус

1935. XII.24–25. Дорогой Кирилл, последние дни передо мною непрестанно встает долина Кончурки с ее заливными лугами, поросшими травой и ты, маленький, забравшийся в траву с головою и бегающий в ней с возгласом: «Я – травяное животное!» Помнишь ли, как это было, когда мы ходили по этой долине с мамочкой? А помнишь, как мы с тобой ходили по грибы. Мне живо вспоминается девственная заросль около Вифанского пруда, где пространство между мелкими болотцами-лугами, заваленное сгнившими стволами, было сплошь покрыто опятами. В эти

места никто не приходит почему-то, и у меня от них впечатление как-то лесов по Амазонке. А помнишь, как мы с тобой таскали тяжелые корзины с грибами и, чтобы облегчить путь по дороге, делили ее на участки – перегоны между станциями? Хоть и много я видел разных мест, но наиболее родными и дорогими представляются окрестности старого Посада, теперь уже изменившиеся почти до неузнаваемости. Когда же поселился в Посаде, они были совсем глухими, безмолвными и торжественными, отчасти жуткими. Можно было ходить, целыми днями не встречая ни одной души, и казалось, всякий звук, всякое слово нарушает священную тишину лесов. – Давно я собираюсь написать тебе о необходимости готовить сводку данных по хронологии геологических образований, – выписывать все, что попадает на эту тему. В моих условиях это делать систематически невозможно, но я буду понемногу сообщать тебе, что встречу. Вот для начала кое-что: прирост торфа в залежи (т.е. уплотненного) в районе Киева 10 см в столетие (Буганское болото). 2. То же в Австрии (Аайбахское болото) 7 см в столетие. 3. Начало торфообразования, т.е. общее увлажнение климата в районе Киева, т.е. исчезновение послеледниковых пустынь совпадает с началом неолита и относится к 5000–7000-ому году тому назад 4. Конец неолита и начало бронзового века ок. 3000 л. тому назад (Украина) (см. «Торфяное дело» 1928, №9, стр. 269–272, Курдюмов). 5. Начало образования сапропелевой толщи²⁴⁷ в озерах Карелии – 6700-й год тому назад, а в Сакском озере 1620-й год. 6. Годовой прирост сапропеля 0,8–3-4 мм (Доктуровский, Торфяные болота, 2-е изд., 1935, стр. 77). Крепко целую тебя, дорогой.

29 февраля – 1 марта 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогой Кирилл, я получил два твоих письма. Радуюсь твоим успехам и в частности намечающимся занятиям по ассиметрии у природы. Это тема величайшей важности, над нею я размышляю вероятно уже 44 года и мечтал когда-нибудь реализовать свои мысли и материалы. На эту тему я собираюсь написать тебе большое письмо и потому сейчас писать не стану. Вероятно завтра же начну писать его. Обращаю твоё внимание на новую редакцию графита: в концентрированном H_2SO_4 графит в присутствии окислителей Cr_2O_3 , HNO_3 и др. даёт ярко-синий бисульфат и набухает. (Rüdorff u Hofmann, Chem Ztd 59, №58, 589, 1935 – «Журнал Химической Промышленности», т. 12, декабрь 1935, стр. 1929, реф. №20). Ещё о графите: две разновидности сажи: 1° Noire de flamme, зернистая, от интенсивного черного до глубоко-каштанового цветового тона, из алифатических углеводородов и 2° Noire de fumee, серого с синеватым оттенком, хлопьевидная, из циклических углеводородов (Chim. ind- 24,

№2, 280, 1930 – Журнал Химической Промышленности. Т. 8, №4, 28 февраля 1931, стр. 437, №362). Пишу тебе это в связи с письмом об углеродистых минералах. Книги попадают здесь случайно, они всегда в разборе. Недавно перечел том Бальзака, изумляюсь его высокому мастерству. Он заключает целый мир характеров и образов, представленный реально и объективно, но вместе с тем пронизанный мыслью, точнее сказать, потому и реальный, что он пронизан мыслью. Напрашивается сравнение с произведением кисти художников фламандской и голландской школ, где вещественность сочетается с идеей. Образы Бальзака зрительны, и потому живописны, в отличие от скульптурных осязательно-зрительных образов других французских писателей. Словно светолепка. Они светятся изнутри, как и образы голландских художников, а не освещаются извне, и потому не натуралистичны. Ты видишь самое вещество, а не его внешность со случайными рефлексамии. И хочется сказать: по полноте проработки Бальзак пишет маслом, а не рисует: у него нет линий, а есть объемы. Удивительна «Человеческая Комедия». Всякий раз, когда берусь за Бальзака, снова замкнутая законченность пространства во всех его произведениях в полную противоположность фотографии: это не вырезки, а самозагнутые цели, за которые выходить нет надобности и бессмысленно, хотя сюжетно, в смысле повествования, отдельные произведения обрываются как бы незакончено. Больше писать негде. Крепко целую тебя.

11–12 ноября 1936 г., быв. Кожевенный завод

1936.XI. 11–12. Соловки. №79. Дорогой Кирилл, сейчас в лаборатории, в которой провожу буквально круглые сутки, а рядом со мною один новый сотрудник проделывает упражнения на скрипке. Играет он недурно; упражняться около меня стесняется, т.к. боится помешать, усвоив на опыте, что его все гонят. Но я просил его играть у меня, – это успокаивает. Ведь живу «без божества, без вдохновенья, без слез, без чаю, без любви».²⁴⁸ Звуки радио раздражают, а упражнения несколько налаживают, во всяком случае не мешают. Часто всплывает мысль о Давыде Ивановиче: так я и не увиделся с ним в последний раз. И Владимира Ивановича тоже не увижу. Правда, у меня нет ничего особенного, что нужно было бы сказать. Но на свете так немного людей, с которыми внутренне считаюсь, что не видеть двух – слишком большая потеря. Дело даже не в величине человека, а в строении его мысли. У большинства мысль, м.б. и сильная по-своему, тем не менее внешняя, пустая (в ней нет реальности, а только одни шахматные ходы), не

постигающая природу, а поддельвающая ее и приспособляющаяся к извне придуманным схемам. Читая большинство работ, я удивляюсь их ловкости и – не верю ни одному слову. Все это – марево, может быть более или менее стройно оформленное, но говорящее о виртуозности писателей-исследователей, а не о природе. Владимира Ивановича я не считаю виртуозом, мысль его не доводится до прозрачности, не оформляется законченно, часто не досказана и противоречива. Но в нем я всегда ощущаю естествоиспытателя, а этого-то и не хватает подавляющему большинству: они не испытатели природы, а шахматные игроки. Современное естествознание сделало огромные успехи, Но я опасюсь, не утратило ли оно главного – живого ощущения реальности своего объекта. Вот почему мне грустно не иметь возможности перекинуться словом с тем, кто этого ощущения не утратил и живет в нем, продолжая традиции подлинных естествоиспытателей прошлых веков.

Теперь несколько слов в связи с твоей работой (кстати сказать, статьи об определении ванадия я не получил). – Как-то прихожу в редакцию «Технической Энциклопедии» и полусознательно бросаю взгляд на гранку (!) с корректурой статьи, подписанной к печати – кажется она называлась «Диссимметрический углерод» или что-то в этом роде. Читаю в ней: диссимметрический углерод образует соединения, различающиеся энантиоморфностью своих кристаллов и оптической активностью, но совершенно тождествен по прочим физическим и химическим свойствам. Что-то в этом роде. Статью собираются отсылать. Незаконно вмешиваюсь в не свое дело, задерживаю. Спрашиваю, кто автор – Беркенгейм. Объясняюсь с ним, насилию уговариваю, что его утверждение неверно, а на другой день приношу доказательства. Одинаковыми могут быть свойства асимметрических соединений только те, которые проявляются в отношении симметрических факторов. Т.е. они не одинаковы, а просто нет проявленных данных для их различения. Проявляются же они всякий раз, как фактор сам не симметричен. Химические реакции асимметрических соединений с асимметрическими же или скрыто-асимметрическими, обязательно должны быть различны и давать соединения с *разными* физическими и химическими свойствами. Существуют ли, однако, действительно симметрические факторы? Уверен, что НЕТ, хотя бы по одному тому, что всякий фактор действует во времени, которое лишено симметрии. Следовательно, соединения асимметрические всегда должны давать *различные* проявления, хотя б.м. в известных случаях это различие по невнимательности нашей или по своей малости, ускользает от прямого наблюдения. Но жизнь, как особенно ярко проявляющая процессуальный

характер бытия, а следовательно и особенно тесно связанная со временем, должна быть и особенно тонким реактивом на асимметрию химических соединений. Тебе, для пополнения, намечу несколько примеров:

1°. Часто оптические антиподы отличаются по вкусу: *d*-лейцин сильно сладок, *d-l*-лейцин имеет слегка сладкий вкус, а *l*-лейцин – пресный и слабо-горький; *bb* и *gg*-аминокислоты безвкусны (E. Fischer, Ber., 35, 2660, 1902; E. Fischer и Warburg, *ibid.*, 33, 3997, 1905). – 2°. Несомненно, то же *должно* быть в отношении и запахов. – 3°. *Должна* быть разная усвояемость (надо поискать примеры). – 4°. Из ряда соединений типа аскорбиновой кислоты (противоцинготный витамин С) противоцинготными свойствами обладают лишь те, в которых 4-му атому (в цепи сорбозы) свойственно *правое* вращение (см. «Успехи химии», т. V, вып. 5, 1936, стр. 678, П. Каррер). 5°. Подобные же явления наблюдаются у ферментов. – 6°. Куски рыбы, подвергнутые действию поляризованного света в течение 12–14 часов, сильно загнивают, в то время как контрольные не изменяются. Высказывалось мнение, что предубеждение обитателей тропиков против употребления в пищу мяса или рыбы, освещавшихся лунным светом, имеет свое основание, потому что лунный свет богат поляризованными лучами, которые ускоряют процесс гниения (E.G. Bryant, *Chimie et industrie*, 42, 681, 1923). Вероятно здесь идет речь о круговой поляризации. 7°. Свет, отражаемый небесным сводом, поляризован. Очевидно должно быть весьма различное поведение живых организмов и б.м. неорганизованной материи в зависимости от *экспозиции* (т.е. направленности) по странам света и точкам небесного свода. У В.Н. Оболенского, Основы метеорологии, М.-Л., 1933, стр. 399–401, найдешь данные о поляризованности дневного света и дальнейшие ссылки. Для облегчения даю тебе схему поляризационных явлений небесного свода. М.б. этот чертеж облегчит тебе понимание обсуждаемых явлений.

8°. Асимметрическое (м,б. неизотропное?) строение тканей нашего тела сказывается в так называемых пучках Гайдингера – непосредственном усмотрении поляризованности света неба. Их можно видеть, если смотреть на точки наибольшей поляризации неба (см. у: Helmholtz, *Handbuch der physiologisch. Optik*). Но я лично наблюдал их просто смотря на отражающую (а потому и поляризующую) поверхность стекла, например в микроскоп, когда свет от зеркальца попадал в глаз. – Не может быть, чтобы это различие света, посылаемого разными участками небосвода, не сказывалось на процессах фотосинтеза и др. действиях света. Надлежит просмотреть различные данные по значению экспозиции в растительных и др. процессах. – Место все занято. Пора

кончать. О многом хотел бы спросить тебя, но надеюсь, что напишешь сам, потому и не спрашиваю. Напиши о ходе занятий, учебных и служебных, как устроился с квартирой и столом, бываешь ли у бабушки и как она живет. Целую тебя, дорогой Кира. Скажи бабушке, что напишу ей в следующий раз и что часто ее вспоминаю. Еще раз целую.

7 января 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937.1.7. Соловки. №87. Дорогой Васюшка, написал было я вам письмо, но отправить, ввиду выходного завтрашнего дня не удалось. Сажусь за следующее. – Сегодняшний день выделился из прочих: небо разъясни

лось, морозно. К вечеру разыгралось сев. сияние. Часов ок. 7 в сев. части неба возник голубоватый световой сегмент, – нечто вроде света полной восходящей луны, но более яркий и резко очерченный. Сегмент этот стал подниматься над горизонтом, увеличивая светояркость с ВСВ стороны небосвода. Затем от него стали отделяться концентрические дуги, того же голубоватого цвета, тянущиеся в широтном направлении через небосвод. Точнее сказать, словно самый сегмент состоял из концентрических дуг и постепенно на них распадался. Дуга одна проходила через зенит, другая была даже южнее. Вместе с тем световой сегмент обратился в четко очерченный темный, более темный, чем остальное небо, но окруженный яркою световою дугой. Со стороны сегмента эта дуга была очерчена резко, а с внешней стороны постепенно сливаясь с небом. Кстати сказать, во время северных сияний, и в частности сегодня, небо не черное, а все несколько светится, словно расплывшийся Млечный путь. Звезды видны, но более яркие, и в числе, далеко не соответствующем яркости атмосферы. Из световых дуг по яркости, после ограничивающей сегмент, была зенитная. – По прошествии небольшого времени эти дуги, продвигающиеся по небу, стали ломаться у зенита и образовано нечто вроде шатра с вершиною в зените. Было наглядно и убедительно, что столпы шатра – не что иное, как вырывающиеся в атмосферу в надирном направлении потоки энергии, параллельные между собою – и потоки корпускул, вызывающие свечение разреженного газа. Столпы с СВ бывали светлее северо-западных; по яркости столпы меняли свой порядок, а также меняли свое место на небе. В СВС стороне наряду с голубоватыми столпами появилось обширное по пространству (по телесному углу зрения) интенсивно красное, малинового тона, свечение, как бы легкое и прозрачное облако. Длина его раза в 4–5 превышала ширину и направление по дуге круга высоты. Все свечения стали особенно живо и быстро перемещаться и менять свои яркости, несколько напоминая

зарницы. Затем столпы разрушались, образуя плоские, поставленные на ребро световые облака. Далее эти облака еще более вытянулись к земле в виде световых завес, прихотливо извивающихся и красиво драпирующихся крупными, свободными складками. Строение этих завес было столбчатое, словно вся ткань их была гофрирована. Цвет завес был зеленый, причем кверху яркость убывала очень постепенно, книзу возрастала, чтобы оборваться резко. Завесы сильно и быстро колебались, как бы сотрясаемые ветром, складки перемещались, пробегая вдоль завесы, вся картина с большой быстротой изменялась. Появилось на нижней границе зеленого свечения оранжевое окаймление, красно-оранжевое, заревого цвета. Движение стало еще интенсивнее. Некоторые складки делались составными – тройными, пятерными и очень широкими, почти во всю ширину завесы. Когда свечение верхних частей завесы ослабевало, то оставалась сильно извивающаяся светлая змея. Хотя все эти явления разыгрывались по всей северной части неба, до зенита и далее, от З до В, но особенно сильно в сторону В, где были более яркие, более разнообразны и более изменчивы. От 9 ¹/₂ до 10 ч. вечера (по зональному времени) северное сияние светило особенно красиво. Затем оно стало меркнуть. Завесы распались на клочья, свечение уменьшило свою яркость. В 1 ч. 30 мин. я вышел взглянуть на небо. В северной части виднелись характерные светлые облакообразные массы, похожие на облака, освещенные луною, но светившиеся изнутри. Вместе с тем и небо стало значительно темнее, так что эти облака выделялись особенно отчетливо и контрастно. – Описание северного сияния нарочно сделал тебе подробнее, т.к. наблюдения этого рода надо накапливать и закреплять. Ведь в литературе, несмотря на тысячи наблюдателей северных сияний, все же очень немного достаточно отчетливых рассказов о них. К большому сожалению не мог сделать наблюдений магнитных, за неимением буссоли. 1937.I.11–12. После того сияния последовал ряд новых, почти каждый день, то слабых, в виде светлой дуги – над горизонтом, то сильных, когда эта дуга и нрзб выбрасывает из себя столп. – Постоянно думаю о маленьком, жалею, что не вижу сны о маленьких. 1937.I.13. Сижу по обыкновению ночь.

Вот и старый стиль привел новый год. Знаменья сего дня меня не веселят: видел сегодня бабушку вашу – мою маму, в грустном виде; смотрел на северное сияние, величественное, но над чернейшим, вероятно тучевым, сегментом; слушаю завывания ветра. Да и все как-то тревожно и уныло. Если под радостью разумеешь не чувство восхищения, а встречу какого-то добавка к жизни, то единственной моею радостью был маленький, как новый в мире. А все остальное в лучшем случае не

слишком ущербно. Конечно, – и за это надо быть благодарным, Однако при мысли о недостающем, то, что есть, бережешь скорее с боязнью, чем с радостью. Скажу лишь, что точка внутренней опоры на мир у меня давно уже сместилась с себя на вас, или точнее в вас. Поэтому единственное, чего хочу, по-настоящему, чтобы вы с мамой были довольны и пользовались жизнью, и чтобы было сознание ее полноты и ценности. Целую крепко всех вас.

Маме и другим напишу после. Кланяйся Наташе. Навигация прекратилась, когда-то еще это письмо дойдет до назначения. Целую тебя, дорогой. Будь здоров и заботься о себе.

1937.V.19. Дорогой Кирилл, невольно вспоминается далекое прошлое и часто я вижу вас во сне, но всегда маленькими, равно как и своих братьев и сестер, тоже маленькими. А тебя нередко вспоминаю в связи с твоим желанием, когда тебе было лет 5, уехать на Кавказ и приписаться к какому-нибудь горскому племени. Тогда я тебе говорил о невозможности исполнить это желание. Но знаешь ли, как это ни странно, что почему-то мне симпатизируют многие магометане, и у меня есть приятель перс, два чеченца,²⁴⁹ один дагестанец, один тюрк из Азербайджана, один турок, собственно не турок, а образовавшийся в Турции и в Каире казахстанец. Перса я слегка поддразниваю, указывая на превосходства древней религии Ирана парсизма (впрочем он со мною почти соглашается). С образованным казахстанцем иногда веду философические разговоры. А необразованный чеченец-мулла находит, что из меня вышел бы хороший мусульманин и приглашает приписаться к чеченцам. Разумеется я отшучиваюсь. Но чеченец – настоящий чеченец и вероятно немало порезал народу на своем веку. Как-то, когда он при ком-то звал меня в Чечню, тот заметил, что они головорезы и у них там режут в день по 30 человек. Чеченец возразил спокойно: «Вовсе не по 30, а по 5–6 в день, в его селении». Глаза его мрачно сверкают при всяком случае и ясно видно, что зарезать кого угодно ему ничего не стоит. Как-то он расписывал высокое качество их оружия. «А зачем вам кинжалы?» – спросил собеседник. «Как же иначе ходить воровать коней?» – ответил тот. Чеченец этот спит прямо надо мною. Впрочем мы с ним и ему подобными хорошо уживаемся. Рядом со мною, бок о бок, спит один армянский крестьянин, а с другой стороны – поляк. Иногда я высказываю сожаления, что у нас нет ни одного негра, остальные народы, белой и желтой расы, представлены полно. Крепко целую тебя, дорогой. Сообщи, куда ты едешь, и будь в поездке осторожнее при подъеме на горы и прочих рискованных случаях путешествия.

Письма о внуке

24 марта 1936 г., быв. Кожевенный завод

1936.III.24. Дорогая Наташа, получил одно Ваше письмо. Надеюсь, что Вы бережете себя и ребеночка.²⁵⁰ Как я писал уже Вам, я сердечно рад его существованию и чувствую, что люблю его. Жаль мне только, что не увижу его собственными глазами. Но Вы впоследствии скажете ему, что его дед любил его, когда его еще не было под солнцем. Но было бы грустно, если бы Ваши занятия музыкой прекратились надолго. Очень неудобно, что у Вас нет инструмента дома – и для упражнения, и для радости. В моих бумагах была составленная мною по рассказам родословная Вашей семьи. Попросите кого-нибудь из наших переписать ее, чтобы она была и у Вас. Я считаю, что знать прошлое своего рода есть долг каждого и приносит много пользы для самопознания и исправления или предупреждения возможных ошибок в жизни, т.к. дает возможность учесть свои прирожденные склонности, спорности и слабости. Мне же в особенности хочется, чтобы Ваши дети были вооружены этим материалом самопознания, – конечно в будущем, которое наступит еще не скоро. Сообщите мне, когда собирается появиться на свет маленький. Соловки, по какой-то врожденной антипатии, бывшей у меня еще с детства мне глубоко чужды, несмотря на то, что было бы конечно нетрудно найти и привлекательные стороны их. Хорошо знаю, в частности, что здесь во многих отношениях лучше, чем во многих других местах – и все же выталкивается у меня из сознания этот остров. Например до сих пор я не был в Соборе,²⁵¹ даже стыдно признаться, но нет желания, и это несмотря на мою страстную любовь к древнему искусству. Монастырь очень живописен, а не радует. Единственное, на что еще смотрю, это на закаты: краски тут исключительно разнообразные и нежные, сокровище для хорошего колориста. Еще смотрю на северные сияния; красивое и поучительное зрелище. Когда-то мне казалось, что увидеть северное сияние составляет венец человеческих желаний; но когда это пришло, то жгучий интерес уже погас. Так и все в жизни: осуществление желаний приходит слишком поздно и в слишком искаженном виде. Всего хорошего, берегите себя и будьте здоровы.

8–9 апреля 1936 г., быв. Кожевенный завод

1936.IV.8–9. Соловки. N 56. Дорогая Аннуля, получил сегодня твое от 30 марта, N 12. Отвечаю на вопросы. Спрашиваешь о водорослях. Нельзя одною фразой ответить на твои вопросы. Водорослей существует 13

классов, причем в Белом море из более примечательных 4-х классов найден 121 вид и 129 форм, найден уже в 1925 г., а число находимых видов все возрастает. В настоящее время практическое значение находят главным образом бурые водоросли (к которым относятся разные виды ламинарий и фукусов) и багряные (к которым относится анфельция). Мне приходится работать с этими тремя родами. Из ламинарий (и отчасти фукусов) добываются йод, альгин и другие вещества, а из анфельции – агар-агар. Спрашиваешь, как их вылавливают. В большинстве случаев не вылавливают, а просто собирают на берегу. После штормов берег покрыт выбросами, берега Белого моря буквально завалены водорослями, и валы выбросов тянутся на много километров, при высоте в 50 см и более, и ширине от 1 м и значительно более. Ежегодно выбрасывается на одних только Соловках не менее 25 тысяч тонн, да и это не все выбросы, а наиболее полезные – «морская капуста» (ламинарии), «тура» (фукусы), «мошок» (анфельция). Водорослевые запасы Белого моря исчисляются в 1,5 миллиона тонн, причем возобновление запасов считается в 3 года. На 1 кв. м поверхности дна (у берегов) вырастает около 5–6 кг ламинарий и 9–10 кг фукусов, – но, конечно – там, где они вообще могут расти. Величина ламинарий очень различна, в зависимости от возраста и разных условий. Малые – 50–75 см. Крупные экземпляры до 350 см ростом, при толщине ствола в 3,5–4 см. Сейчас передо мною лежит такой экземпляр. 5 растений присосались своими ризоидами («подобие корней») к одному камню – куску гранита в 20 кг. Держатся на камнях они так прочно, что не оторвешь, только ножом можно подрезать. А чем держатся – непонятно, т.к. ризоиды лишь сверху камня, как бы приклеены к нему. На камне всякие жители моря: мелкие водоросли, розовый налет – вероятно тоже водоросли, полипы, губки, ракушки, икра, морская звездочка и т.д. Стебли гладкие, тугие, совершенно без волокон и сосудов, словно резиновые. К середине они несколько потолще, слегка изогнуты волнистой линией, лежат как клубок змей. Стебель составляет 1/2 длины водоросли, другая половина – нечто вроде листа. У ламинарии дигитаты это как бы рука с длинными пальцами – их много, этих пальцев в письме пропуск. Свежевытащенные из воды или выброшенные водоросли из бурых – бурого цвета, но на воздухе примерно через сутки становятся темно-зелеными. – Кроме сбора водоросли добываются и драгировкой. Драгированные водоросли свежее и выше по качеству, но драгировка нелегка. И сбор и драгировка производятся летом, т.е. с весны по осень включительно. Но т.к. мне понадобились свежие водоросли, то сделана попытка драгировать их не с лодки, а из-под льда, и водоросли драгировали уже несколько раз.

Требуется их конечно много, даже для опытов по 100 кг в день, а для производства – тонны и десятки тонн. – IV.9–10. От свежих водорослей приятно пахнет – сыростью и морем, но при гниении запах делается противный. – На зиму водоросли надо сушить, если имеется в виду добывать из них различные полезные вещества. Если же добывать только йод, то водоросли сжигают – либо в ямах, либо в особых печах, частью осенью и летом, частью весною – перепревший материал, «консервированные» водоросли; и в том и в другом случае перед пережогом приходится водоросли подсушивать, а это нелегко, особенно в здешних условиях, при сырости воздуха и отсутствии солнца, т.к. водоросли мясисты и водянисты, содержат не менее 4/5 воды. – Мешок тоже подсушивают, после промывки; сушить его легче, он суше и слоевище его состоит из тонких волокон. – Довольно о водорослях. Об имени для Васи и Наташи я не писал, потому что меня не спрашивали, а навязывать свое мнение не хочу. Очень трудно об этом вопросе говорить вообще, не конкретно. Ведь имя само по себе не дает хорошего или плохого человека, оно – лишь музыкальная форма, по которой можно написать произведение и плохое и хорошее. Имя можно сравнить с хрией, т.е. способом распределения и соотношения основных частей и элементов сочинения, но не именем создается тема сочинения или качество его. А далее необходимо рассуждать, отправляясь от конкретных условий времени, места, среды, пожеланий и т.д. и делать вывод о пригодности или непригодности имени к этим условиям. Положительное имя, т.е. без внутренних надломов и осложнений, но зато и без вдохновения, Андрей. Горячее имя, с темпераментом и некоторой элементарностью, Петр. Из коротких имен, на границе с благой простотой, Иван. Извилистое и диалектичное, с соответственными противоречиями и динамикой, – Павел. Тоже по-своему сложное, но с уклоном к вычурности и искусственному, бескровному подходу к жизни, завивающееся около случайных явлений – Феодор. Огненное по возможности и очень духовное имя по своей природе, но могущее в неподходящих условиях давать тяжеловесность и неуклюжесть (как рыба на суше или точнее – как намокшая птица), – Михаил. Александр – самое гармоничное имя, имя великих людей, но становящееся претензией, если нет сил заполнить его надлежащим содержанием. Алексей – близко к Ивану, но с хитрецей, несколько себе на уме. Приятное имя, но не из высших, Роман. Георгий дает активность, в лучшем случае объективно направленную на высшие цели, в худшем – на устройство собственных жизненных дел. Николай – тоже активность, но несколько элементарно устремленную; имя хорошее в отношении помощи

окружающим, так сказать помощи нижайшей. Сергей – имя тонкое, но несколько хрупкое, без стержня, и Сергею требуется какая-то парность, без этого он не может развить полноту своих энергий. Люблю имя Исаак, но у нас оно связано с ассоциациями, которые затрудняют жизненный путь. Славянских-скандинавских имен брать, мне кажется, не следует. Они пахнут чем-то выдуманным, каким-то маскарадом под «истинно русское». Кроме того они по молодости недостаточно обжиты, вероятно мало устойчивы и во всяком случае плохо изучены и распознаны – Всеволод, Олег, Игорь, Святослав, Ярослав и т.п. Я предпочел бы имя надежное, испытанное и существенное. Женских имен вообще мало. Лучшее конечно – Мария, самое женственное, равновесное и внутренне гармоничное, доброе. На втором месте стоит Анна, тоже очень хорошее, но с неуравновешенностью, преобладанием эмоции над умом. Юлия имя капризное и взбалмошное, с ним очень трудно. Елена – не плохо, но с хитрецей. (Анна соответствует Иоанну). Наталия – честное имя, но жизнь трудная. Варвара – взбалмошное благородство, демонстративное великодушие, преувеличенная прямота, жизнь Варвары трудная по собственной вине. Нина – легкое имя, женственное, слегка легкомысленное, т.е. скорее не глубокое. Пелагея – кроткое имя. В Дарье распорядительность, не совсем женственная. В Валентине – мужские черты, к женщине очень не идущие. Прасковья – внутренняя строгость, имя хорошее, но скорее монашеское. София – распорядительность, организационные способности и в связи с этим привычка стоять над другими, окружающими. Вера – имя трагическое, с порывами к самопожертвованию, но обычно ненужному, выдуманному из разгоряченного воображения. Ну, всех имен не переберешь. Для мальчика, если не иметь в виду каких-либо специальных условий и желаний, я остановился бы на Михаиле или Петре, или Иване, для девочки на Марии, Софии или Анне. Да, еще из мужских имен доброкачественное Адриан, спокойное и солидное имя, без надломов, но не глубокое. При выборе – трудность в решении вопроса, чего хотеть: сравнительно спокойного, ровного существования, но без внутреннего блеска, или рисковать на глубину и возможную силу, но с возможными срывами и неудачами. – О Кириной работе тебе писал: она мне нравится, но проверить ее я не могу за отсутствием у нас соединений ваннадия. Впрочем, пусть проверяют другие, опытные аналитики. – Получил книжку Нины Яковлевны,²⁵² благодарил за нее и остался очень доволен изяществом и четкостью ее изложения, не идущими в ущерб глубине мысли, даже наводящими на углубленное рассмотрение вопросов графики. Надо вам всем усвоить эту

книжку, т.е. не просто прочесть, а изучить с карандашом в руке. Рад успехам Марии Владимировны и ее детей, но скажи ей, напрасно она жалеет, что не посвятила себя всецело живописи: теперь плакала бы, как в свое время плакала Нина Яковлевна от обратного, жалея о неимении детей кроме Адриана, хотя Адриан во всех отношениях образцов и не оставляет желать лучшего.²⁵³ Мирowego Мария Владимировна не создала бы, а написала бы несколько десятков картин, допуская, что очень недурных, и упоминалась бы в каком-нибудь справочнике, в 2 строках. Неужели из-за этого стоит терять личную жизнь? Что же до творчества в собственном смысле слова, то оно же ей никогда не было заказано и вырвалось бы, если бы было (в собственном смысле слова!), несмотря ни на какие препятствия. Ведь это большая разница – способности и творчество. Способности у многих, творчество у единиц на десятки миллионов, да и то не всегда такие единицы появляются. Если у Марии Владимировны есть Никита и Ваня,²⁵⁴ то это для художества совершенно достаточно и можно отойти в сторону спокойно, остальное – от самолюбия. О разных знакомых, когда ты пишешь, я вспоминаю, сам же ничего не помню: это и ослабление памяти и реакция защитная организма, – чтобы не подавать лишнего повода к грусти. Что касается до ваших писем, то они – единственное, чем я живу здесь, и чем больше их, тем лучше. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля. Кланяюсь Марии Вениаминовне и бываю рад узнать, что она заходила к вам. Ее метеорный характер приходится принимать как факт, т.е. брать каждое ее появление само по себе и не делать никаких расчетов и выводов на будущее. Еще раз целую.

21–22 апреля 1936 г., быв. Кожевенный завод

[1936.IV.21–22. №58]. Дорогая Наташа, получил Ваше письмо от 13.IV. 1936. Радуюсь маленькому и хочу Вам сказать, что не стоит Вам печалиться о временном прекращении занятий: они придут своим чередом, да и не они – самое важное в жизни. Но конечно следует довести начатое до конца. Ввиду Вашего интереса к вышивкам, присылаю в письме образец шитья,²⁵⁵ как будто бывшего когда-то недурным; – попался мне случайно в тряпках для обтирания химической посуды. Об именах я писал, Анне Михайловне, но, очевидно, письмо не дошло. Если это только пока, то подождем, а если совсем, то напишу снова. Против своего имени не возражаю, а характеристику его найдете у меня в рукописи, подробную. Есть такая же у моего тезки, Павла Яковлевича.²⁵⁶ Вообще, почитайте мои «Имена».²⁵⁷ Что же до женских, то кроме написанного в письме и в «Именах», об Елизавете скажу, что несмотря на общую доброкачественность его, оно трудно по судьбе – как-то нескладно и

потому неудобно. Елена – не плохо, но лучше Марии все равно не найти, а почему же не дать лучшее, что можно, если только нет каких-либо особых мотивов против. Снимок лучше всего сделать не в фотографическом ателье (там они всегда выходят плохо), а дома, и домашняя фотография, даже при плохой технике, всегда передает человека лучше, чем сделанная в чуждой обстановке, чужими руками и с искусственными ухищрениями. Как-то мне потребовался фотоснимок. Один знакомый повел меня к одному из лучших московских фотографов, и тот, по знакомству (а согласно здешней терминологии «по благу»), особенно постарался. Получилось изображение, от которого я, по прошествии лет 12-ти, до сих пор краснею, а ночью, проснувшись и вспомнив его, чувствую приступ тошноты. Вполне понятно, что наряду с музыкой Вас интересует шитье. Ведь узор есть отвлеченная формула каких-то мировых процессов, либо внешних, либо внутренних, а точнее сказать: внешних, поскольку они прошли чрез внутреннее освоение, внутренних, поскольку они выразились в каком-то последовательном ряде движений: «г эмоциональное движение, жест, рисунок, запечатление рисунка шитьем и т.д. Музыка – та же мировая формула, но запечатленная иным способом (да и не совсем иным, ибо нотная запись сама есть орнамент и, помимо своего звукового содержания, имеет значимость и зрительную), так что шитье – это музыка и музыка – шитье. Скажете, что шитье не всегда таково. Нет, оно всегда таково, но оно бывает натуралистично, или формалистично, или не композиционно, или плохо выполнено. Конечно, но ведь все эти пороки могут быть и у музыки. Поэтому будем равняться по высшим проявлениям. В частности, было бы любопытно дать стилистическое сопоставление шитьевого орнамента и музыки по эпохам и векам. Я уверен, что обнаружится параллелизм. – Всего хорошего Вам и малышу, о котором я все время думаю.

24 мая 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогая Наташа, письмо Ваше я получил, благодарю за сообщения о Васе, которые дали мне знать то, о чем другие не пишут, вероятно потому что сами не знают. Как мне хотелось бы помочь всем вам, но увы помощь невозможна. Я не знаю, когда ожидается маленький; полагаю, что скоро. Однако напишите точнее. Полагается просить об осторожности с собою в ожидании маленького. Однако припоминаю, как далекий как бы родственник, старик 80 лет, Пекок, Готлиб Федорович, прислал мне письмо, когда Анна ждала Васюшку и убеждал остерегаться пожара и бешеных собак. Опасаюсь, не вышли бы мои просьбы и советы в таком же роде, и потому молчу. Для Вас эти события – давно прошедшее,

праистория, для меня же – вчерашний день, и все бывшее тогда помнится с такою яркостью, как будто буквально было вчера. Даже больше, вчерашний день забывается, и мне трудно вспомнить, что я делал или говорил вчера, а тогдашнее живо в малейших подробностях. Васю, только что родившегося, представляю как будто он сейчас предо мною в пеленках и тюфячке. Впрочем эти пеленки и тюфячок Вы тоже можете представить, т.к. наверное Анна передала их Вам для нового маленького. Будьте здоровы и бодры, жду известий, кланяюсь Вашим родителям и всему семейству.

24–25 июня 1936 г., быв. Кожевенный завод

1936.VI.24–25. Соловки. Дорогой Васюшка, от мамочки получил известие о рождении маленького.²⁵⁸ Надеюсь, что здоровье Наташи неплохо, однако хотел бы узнать об этом точно. Мне хотелось бы также, чтобы маленький прожил хотя бы лето дома, т.е. в Посаде, тем более, что там хороший воздух и ближе к природе. К сожалению, я не знаю, что есть у меня и потому не могу ничего подарить ему. Но ты сам выбери, что найдешь подходящим и подари от меня. Тебе же надо воспользоваться летним солнцем и хорошенько отдохнуть к зиме, а также предаться размышлениям, чтобы накопление знаний и опыта не было загромождением и обременением памяти, а действительно обогащало общее миропонимание. О судьбе твоих работ я так и не знаю. Главное, мне представляется необходимым фиксировать их, чтобы не были нагромождением, которое легко выветривается, забывается и не оставляет прочных следов. Старайся по возможности подводить итоги составлением таблиц, схем, диаграмм, – это не только фиксирует, но и придает материалу легко обозреваемый вид, необходимый для сопоставлений и выводов. Кроме того подобная координация материалов и данных служит хорошим пособием для преподавания, даже если схемами и прочим не пользоваться как непосредственно показываемым пособием, – т.к. мысль и изложение приобретают достаточную четкость. У нас в стране и раньше и теперь мало кто умел излагать четко, а этому между тем учиться особенно важно. Сейчас, например, читаю «Пегматиты» Ферсмана²⁵⁹ и нахожу, что изложен материал на редкость тяжеловесно, неоформленно и неусвояемо: типично-немецкое изложение, с которым надо всячески бороться. Вернадский, несмотря на свои французские симпатии, тоже излагает свой драгоценный материал совсем не так, как следовало бы и как изложил бы его любой француз, даже на много голов ниже Вернадского. Должно быть живое чувство архитектоники произведения и его ритмики, а для этого нужна внутренняя ясность мысли. Среди различных работ я занимаюсь,

правда очень медленно продвигаясь вперед, проблемой морфометрии. Наметил один путь, кажется он должен дать хорошие результаты, но для него необходима большая предварительная проработка ряда математических вопросов. К этой проработке я подбираюсь, пока же вывожу ряд формул. К сожалению, намеченный мною путь аналитически сложен и представляет математические трудности, в возможности преодоления которых при наличии весьма скудных, почти детских пособий и отсутствии других, хотя бы скудных, я далеко не уверен. Однако, выводимые мною формулы вероятно будут полезны и сами по себе, если бы и не удалось использовать их по прямому назначению. – В «Полном собрании сочинений» И.Ф. Рылеева (Academia, 1904, стр. 297, №88)²⁶⁰ я нашел заметку «Об Острогжске». Острогжск, «ныне» уездный город Воронежской губ., был главным городом Острогжского слободского полка. Он построен в 1652 году и первоначально населен по указу царя Алексея Михайловича заднепровскими казаками, в числе 1000 человек, пришедшими с полковником своим Дзеньковским... и т.д.» Это сведение заинтересовало меня в связи с одной из могил в бывшей Троице-Сергиевой Лавре, в которой погребен житель Острогжска, – по всем данным из числа потомков этих казаков. – На ближайших днях думаю проехать к выходам коренных первично метаморфических пород, м.б. найду что-нибудь интересное и полезное. Видимо там имеется выход пегматитовой жилы. – Постарайся воспользоваться летом и побольше побыть с малышом и мамочкой, бабушками, Олей и Тикой, чтобы наверстать упущенное за много лет. Кроме того побольше гуляй и вспоминай о своем папе. Когда мой отец приехал на один день в Посад, он был в восторге от видов и растительности, все твердил – «Это просто парк», – а он видел много на своем веку. Крепко целую тебя, дорогой.

Дорогая Наташа, приветствую маленького и радуюсь его появлению. Надеюсь, Вы будете его растить в музыке, чтобы он пропитался насквозь ее ритмом. Я уже писал, что хотел бы слышать о Вашем нахождении летом в Посаде, и чем скорее – тем лучше, – чтобы не терять короткого теплого в наших широтах лета. Передайте мой привет Вашим родителям и прочим членам семьи. – Читая В.А. Бильбасова «Историю Екатерины Второй» (т. 1, 1895, стр. 229), я сделал заметку, которая может быть заинтересует Вас. Бильбасов рассказывает, что 17 июня 1745 г. Вел. Кн. Петр Федорович был объявлен совершеннолетним и вступил в управление Голштинским герцогством. В 1746 г. был образован при Петре Федоровиче особый Совет для управления Голштинией. Секретарями Совета были назначены ф. Брэмзен и Цейс.²⁶¹ Сообщаю Вам это сведение, т.к. исторические мелочи

нельзя собрать сразу, они накопляются, для образования цельной картины, годами и с большим трудом. Советую и Вам копить их, записывая на лоскутах или в общую тетрадь, но тогда под номерами, чтобы можно было после составить указатель имен и предметов. Теперь, после рождения сына, на Вас эта обязанность культурного накопления ложится уже со всею тяжестью. Но Вы молоды и, надеюсь, энергичны. Поэтому не раскисайте и не откладывайте на завтра то, что можно и должно сделать сегодня. А именно записывайте, то, что прочтете по истории из необходимого, чтобы установить свое (в лице своего рода) место в историческом прошлом, расспрашивайте, выжимайте сведения из кого можно, – да, выжимайте, ибо, как Пушкин сказал с горечью «мы нелюбопытны», а нелюбопытство к своему прошлому есть порок. Мы же, к сожалению, не только не любопытны, но всегда стараемся забыть о прошлом и потому не научаемся в настоящем и повторяем ошибки прошлого. – Живя в Посаде, надеюсь, Вы будете играть, это полезно не только для Вас, но и для всех, особенно же для малыша. Всего хорошего, поправляйтесь и радуйтесь.

7–8 июля 1936 г., быв. Кожевенный завод

Дорогая Наташа, поздравляю Вас с рождением сына.²⁶² Надеюсь, теперь Вы оправились совсем и чувствуете себя хорошо. Просите написать о своем впечатлении от семейного события. Но какое же у меня м.б. впечатление, кроме чувств: я ведь знаю о событии лишь из писем и смотрю на него Вашими глазами. Могу лишь сказать, что я весьма рад вообще и в частности благополучному исходу. Мальчик родился примерно в то же время, что и Вася (25-го мая, а Вася 21-го), но очевидно решил выждать 4 дня, чтобы родиться в особенно хороший день. Конечно, малыша я очень люблю, но ничем не могу быть ему полезен. Хочу дать только один совет. Пусть с первых же дней он получает наилучшие впечатления от мира. Большая ошибка думать, что эти «бессознательные» впечатления безразличны. Именно они, больше чем какие-либо другие, последующие, слагают основу личности, ложась первыми камнями ее фундамента. Знаете основной закон психофизики – Вебера-Фехнера:²⁶³ ощущение (добавлю – и впечатление) пропорционально логарифму раздражения. Или: произведение из замечаемого изменения ощущения на уже имеющееся раздражение пропорционально приросту раздражения. Поэтому, когда никакого раздражения еще почти не было, прирост ощущения велик при малом добавочном раздражении. И «пустяк» поэтому воспринимается как откровение. Но весь вопрос в том, какого рода откровения будет получать от мира малыш. Нужно, чтобы они были

прекрасные, чистые и светлые. Тогда они станут коренными образами всего облика, и на них станет наращиваться, выкристаллизовываясь, родственный материал. Может случиться, вообще говоря, и обратное, и этого надо опасаться и оберегаться. Что же именно следует давать малышу для первого питания? В соответствии с известным мне духом рода можно наметить пищу наиболее подходящую. Это: музыка, но высшего порядка, т.е. Бах, Моцарт, Гайдн, пожалуй, Шуберт, который, хоть и не глубок, но здоров и ясен. Затем цветы. Надо обращать внимание малыша на цветы, т.е. показывать ему их и привлекать внимание. Далее – зелень, воду, вообще стихии. Далее небо, облака, зори. Далее: произведения изобразительных искусств, хотя бы в репродукциях. Надо, чтобы с первых же часов жизни он привыкал вживаться в природу и в лучшие проявления человеческого творчества. Не смущайтесь, что он будет будто чужд показываемому: это только кажется. Он будет воспринимать, но не сумеет проявить свое восприятие. Но позже вы сами убедитесь, что эти впечатления не миновали его, и они скажутся так или иначе, самым явным образом. – Когда я писал Васе, то не сумел уместить одной мысли; передайте ему Вы. Это, именно, необходимость внимательно отнестись при изучении осадочных пород к *косослойности* – явлению мало изученному, но очень характерному и дающему основания для генетических выводов. Изучение косослойности примыкает к изучению фаций.²⁶⁴ Из-за некоторых второстепенных оплошностей Наливкина²⁶⁵ только полу-признали и держат в черном теле. А между тем самые промахи его свидетельствуют о подвижности ума и свежести подхода. Его мысли необходимо освоить (м.б. не усвоить целиком) и применить как-то, вероятно с соответственными изменениями. Ведь суть дела заключается в очень простой и совершенно бесспорной мысли: возникновение породы зависит не только от хода времени (как обычно принимается в геологии), но и в такой же мере от места в пространстве. А потому строение геологических образований есть функция точки пространства-времени, а не только времени. Это – простая мысль, но надлежащих выводов из нее и применение ее не делают. Хочется, чтобы Вася подходил к явлениям природы возможно непосредственнее, не закрывая себе глаз односторонними и явно недостаточными понятиями, ходячими и принимаемыми без критики. – Возвращаюсь к маленькому. Вы пишете об его черных или темных волосах и темно-серых глазах. Но ни то, ни другое в таком возрасте еще ничего не говорит относительно будущего. Эти первые волосики сменяются и, весьма часто, окрашенными совсем в иной цвет; равным образом и глаза изменяют цвет в раннем возрасте. При

случае сделайте отпечаток его ручонка: надо закоптить бумагу, положить на стол и наложить ручку, слегка прижав. Тогда на копоти отпечатаются линии. А затем отпечаток закрепляется, для чего бумагу опускают плашмя в спиртовой раствор, очень слабый, какой-либо смолы, а в крайнем случае и просто в спирт. Будет поучительно иметь отпечаток линий руки, когда он подрастет, для сравнения. У меня в бумагах был где-то отпечаток рук Васи, было бы интересно сравнить их между собою. Я вероятно впадаю в детство, т.к. общество взрослых, всегда меня тяготившее, становится совсем невыносимым, и приемлемо только общество детей (которого у меня здесь нет), да подростков. Поэтому мне особенно хотелось бы иметь маленького возле себя и грустно, что его не вижу. – Всего хорошего. Приветствую Ваших родителей²⁶⁶ и всех Ваших. Дайте бумагу на испытание для акварели Владимиру Андреевичу.²⁶⁷

П. Флоренский

23 декабря 1936 г., быв. Кожевенный завод

1936. XII. 23. Соловки. N 85. Дорогая мамочка, по установившемуся обыкновению последнее письмо месяца посвящаю тебе. Все-таки деление времени на месяцы не совсем условно, и конец месяца означает и подведение итогов – как рабочих, так и личных. Конец же декабря для соловчан в особенности знаменателен. Готовимся к зимней спячке, т.е. к прекращению навигации и к зимовке в изоляции. Кто мечтает о переезде на материк, кто фантазирует об освобождении. Мечтаний о материке я понять не могу, т.к. убежден, что здесь во многих отношениях гораздо лучше, чем на какой-нибудь материковой командировке. Думаю, в этом случае действует больше слово материк, чем трезвая оценка самого материка. Но всякое прекращение навигации всегда сопровождается на Соловках этими бесплодными разговорами. Впрочем, я лично их почти не слышу, сидючи круглые сутки в лаборатории или в своей келлии, представляющей отторженную часть моей лаборатории же. Вот уже несколько дней, с 18-го декабря, как я переместился в новое помещение, в пределах того же здания. Теперь и лаборатория и моя келлия более уединенны и более тихи, но зато лишены своеобразия прежних: там над головою высилась на высоте более 10 метров крыша. Подынешь глаза и видишь стропила, что мне весьма нравилось. Теперь я нахожусь в обыкновенных оштукатуренных стенах, правда стенах весьма старинных и достаточно толстых, но все-таки не дающих никаких особых впечатлений. Сижу день и ночь, если в это время на Соловках можно говорить о дне и ночи: почти круглые сутки темно или полутемно, ведь мы живем у Полярного круга, а вчера был самый короткий день. Помещаюсь я во

втором этаже, так что видны краски неба и Кремль. Веду исследования, связанные с развивающимся производством, исследования химико-технологического характера. Последний месяц много занимаюсь водорослями и с ботанической стороны – изучал их строение под микроскопом, определял, насколько можно определять при нашем безлитературье, гербаризировал, делал зарисовки микроскопических картин. Обдумываю один аппарат для непрерывного получения йода прямо из водорослей. Установил режим процесса отбелики агара и тд. Собираю, опять-таки насколько возможно в наших условиях, материалы по водорослям со всех точек зрения. Это нужно и для работ, и для чтения лекций на курсах Мастеров-Водорослевиков (вероятно, это первые в мире курсы с подобной специализацией) и, – тайная надежда, – для книги о водорослях, написать которую можно было бы лишь много времени спустя, по завершении ряда исследований и получении литературы, для книги совершенно необходимой. – Я получил несколько фотоснимков с домашних и в особенности с маленького. Последние, ноябрьские, мне показались наиболее интересными, м.б. потому, что у маленького совсем осмысленный вид и, по крайней мере так кажется, здоровое состояние. Мне жаль, что ты не видишь своего правнука, носящего имя своего прапрадеда. Хотелось бы повидать его и мне, но хорошо и то, что присылают из дому его снимки. Видно по этим снимкам, как маленький растет и крепнет. Все, но немногие, кому я показывал эти снимки, хвалят маленького и находят его толстеньким и здоровым. Находясь здесь, я чувствую себя все-таки с вами, постоянно вспоминаю вас всех и отвлекаюсь работой. Не знаю, много ли выйдет из нее проку, но работаю постоянно, и даже для чтения чего-нибудь не относящегося к делу не остается и 1/4 часа. На днях послал детям и Анне коллекцию зверей, растений и камней, очень убогую, конечно, т.к. иную послать не смог бы, но все же дающую некоторое представление о местной природе, тем более, что младшие морской природы не видывали и не имеют о ней представления. Вернулась ли тетя Соня? Здорова ли ты, дорогая? Поцелуй Люсю, кланяйся Лиле с семьей и потомством, Шуре, Андрею с семьей, если будешь писать им. Крепко целую тебя, дорогая мамочка, заботься о своем здоровье. Еще раз целую. Тороплюсь закончить письмо, т.к. уже половина третьего, а завтра утром последний срок подачи декабрьских писем. Еще раз целую.

23–24 декабря 1936 г., быв. Кожевенный завод

1936. XII.23–24. Соловки. №85. Дорогая Наташа, присылаемые снимки маленького меня очень утешают в моем одиночестве. По ним я слежу за

его ростом и развитием. Каждый снимок показывает маленького в новом виде. Теперь, т.е. по ноябрьским снимкам, он уже приобрел осмысленное выражение, и, видимо, способность направлять движения согласно своему желанию. Мне он очень нравится, и я им вполне доволен, лишь бы был здоров. Нравится он также и другим, кто видит у меня его снимки. Впрочем, я не держу их открытыми, неприятно, когда будет смотреть на них всякий посторонний, вошедший ко мне в келлию. В настоящее время я живу, можно сказать, в затворе, никуда не выхожу, кроме ежедневного прохода в Кремль – обедать, и, через день, в Кремль же за завтраком. Через день – это потому, что с одним знакомым мы в видах лучшего распределения еды по времени и ради экономии времени решили носить завтрак «домой» и делаем это поочередно. Вы спрашиваете относительно прикармливания маленького. Я думаю, отнимать от груди его не следует, а прикармливать надо. Во-первых, будет более разнообразное и более обильное питание, а во-вторых, он приучится к пище, которую придется есть впоследствии, так что переход не будет слишком резок. Летом делать такой скачок вообще нежелательно, и при его плохом пищеварении могло бы быть и рискованным. Мне кажется, далее, что было бы хорошо давать ему морковный сок – натереть моркови и выжать через чистую тряпочку. Впрочем, спросите об этом у врача. Думаю, что регулировало бы его пищеварение и, кроме того, давало бы ему витамины. Как жаль, что не могу видеть его развития, и ко мне он не привыкнет. Но что же делать, – Продолжаете ли занятия английским языком? Кланяйтесь своей учительнице²⁶⁸ от меня. Музыка напрасно забросили, надо играть хотя бы понемногу, но каждый день, да и маленькому надо приучаться к звукам. Играйте ему Баха и Моцарта, пусть он пропитается их ритмами. Печально, что наш дом, несмотря на мои старания и убеждения, не звучит, это очень было бы важно для душевного равновесия. Всего хорошего, будьте здоровы и добры, берегите мне внука.

П. Флоренский.

13 февраля 1937 г., быв. Кожевенный завод

Дорогая Наташа, Вы что-то давно не сообщали, как растет мой маленький внучок. А я непрестанно не то что думаю о нем, а живу с ним. Очень, очень жаль, что не вижу его роста и развития, как раз в то время, когда закладывается самый каркас личности. Все остальное, позднейшее – только вариации на тему раннейшего детства. Старайтесь окружать его впечатлениями прекрасного, но только действительно прекрасного, первозрядного. Эти впечатления станут зародышами кристаллизации, на которых будет впоследствии отлагаться прекраснейшее, а все чуждое

выбрасываться вон.

Занимаетесь ли английским? Как решилось с вашей учительницей, остается ли она в Загорске, или уезжает? Занимаетесь ли музыкой? Было бы печально, если бы вы бросили ее, играть непременно надо, хотя бы для маленького, если не для себя. Здоров ли он теперь? Думаю, как полезно было бы ему давать водоросли, они так благотворно действуют на желудок. Или хотя бы агар-агар. М.б. не теперь, а позднее. Ему можно было бы наварить на агаре мучной кисель.

Всего хорошего.

20 апреля 1937 г., быв. Кожевенный завод

1937.IV.20. Соловки. №98. Дорогая Аннуля, 15 апреля получил твое письмо №9 от 20 марта. Не удивляйся, что долго не писал: в этом месяце можно написать лишь 2 письма. Веточку псевдомимозы (акации) получил, она напомнила мне Батум, с его улицами, обсаженными этими деревьями, а потому – и детство. Ты меня неверно поняла, когда я писал о маленьком Павлике: я вовсе не огорчаюсь, я радуюсь, что есть у вас предмет внимания и утешения, пусть он и заменяет меня, может быть, когда вырастет, то и заменит, если не для вас, то в работе. Ведь наследственность нередко перескакивает через одно поколение. Впрочем, я не хочу сказать, что мои прямые дети не заменят меня. Ты знаешь, как я люблю их и верю в них. Но строение мысли и характера у детей обычно не таково, как у родителей, а ближе подходит к дедам и вообще к поколению через одно. У меня было слишком много научных замыслов, чтобы хватило сил их осуществить. Но может быть маленькому удастся продолжить нить размышлений, хотя, конечно, это будет по-новому, и пусть будет лучше и в лучших условиях. Оглядываясь назад, я вижу, что у меня никогда не было действительно благоприятных условий работы, частью по моей неспособности устраивать свои личные дела, частью по состоянию общества, с которым я разошелся лет на 50, не менее – забежал вперед, тогда как для успеха допустимо забегать вперед не более как на 2–3 года. Но все это, все-таки, пишу не о себе, т. е. не ради себя, а ради маленького, – хочу пояснить, почему я радуюсь вниманию к нему. – Относительно Мики. Да, ему не следует оставаться предоставленным самому себе, да кроме того необходимо, чтобы он набирался впечатлений от природы. Если нельзя устроить ничего другого, то пусть поживет у Коли,²⁶⁹ но необходимо просить Колю смотреть за ним и не давать распускаться. Пусть летом ведет запись наблюдений над природой, рисует с натуры. Может быть у Коли есть какие-нибудь метеорологические установки, хорошо бы поручить их Мику для систематических

наблюдений. А вы постарайтесь воспользоваться весной и летом, чтобы побольше видеть лес, луга, цветы, облака. Ведь это – лучшее, что есть в жизни и самое успокоительное, надо пользоваться. И маленькому тоже можно будет пользоваться, в природе – самое лучшее воспитание. – В одних воспоминаниях («Русская старина», 1887, т. 26, ноябрь, стр. 324) я вычитал любопытный факт бытового характера: в XVIII веке диваны (конечно большие, как это было принято и позже) устраивали со ступеньками. Вероятно такие диваны были очень высокие и на них было тепло как на полатах. – Мне кажется, это лето должно быть жарким и засушливым. Боюсь, с садом у тебя будет плохо, т.к. растениям потребуется поливка. Но не унывай заранее, м.б. мои соображения и ошибочны. Хотелось бы, чтобы было побольше зелени. Налегай на салаты. Очень вкусный салат из звездчатки (*Stellaria media*), и если к нему прибавлять чего-нибудь питательного (хотя бы молока), то наверно вам он понравится. Детям надо давать побольше свежей зелени, а маленькому – овощей, особенно моркови или, пока, морковного сока. Ты пишешь, что Оле хочется вкусного. Но ведь вкусное делается таковым главным образом от приправы: необходимо давать пище запах, хорошо прожаривать, придавать остроту или сладость, и тогда самые простые припасы обращаются во вкусные кушанья. Русская кухня страдает от безвкусной, распаренной, переваренной пищи; в средней полосе портят всякие припасы, превращая их в мазучее месиво, без строения, без запаха и вкуса. В этом отношении, посмотри, как умеют готовить на Кавказе: из любого припаса, которого у нас и есть не стали бы, делают восхитительное кушанье, положив туда трав, чего-нибудь для запаха и т.д. Делаешь ли ты детям когда-нибудь мой сыр? Это хорошая приправа к каше, самой безвкусной, и делает ту же кашу или картошку нарядной. А есть надо только то, что по вкусу, иначе еда мало полезна. Поджаривай хлеб, помажь его немного сыром, посыпь укропом – это будет приятный завтрак, не требующий хлопот и возни. Если бы я был с вами, я варил бы вам мармелад – расход сахара в общем остается тем же, если не меньше, а впечатление совсем другое. Хочу сказать: надо уметь жить и пользоваться жизнью, опираясь на то, что есть в данный момент, а не обижаясь на то, чего нет. Ведь времени потерянного на недовольство никто и ничто не вернет. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля. Следующее письмо напишу уже в мае. Еще раз целую.

«Священник, не снявший с себя сана»

Прошли годы, выросло два поколения наших соотечественников. Палачи тщательно стирали следы своих преступлений. Они рушили бараки, ровняли с землей могилы, жгли документы, смывали невинную кровь кровью своих сообщников. Так что будто ничего и не было. Не было БАМЛАГа, Беломорканала, СЛОНа и СТОНа. Но было. И подобно тому, как вечная мерзлота исторгает из земли в оттепель истлевшие корни деревьев, камни острогов и обрывки колючей проволоки, так и река времени неизбежно выносит в поток вечности свидетельства о жизни, ставшей житием.

Теперь нам известны события последних месяцев жизни отца Павла Флоренского и обстоятельства его мученической кончины. Последнее письмо от з/к Флоренского П.А. пришло в Загорск 19 июля 1937 года. На запросы было сообщено, что Флоренский П.А. снова осужден «сроком на 10 лет без права переписки». И всё. Два десятилетия неизвестности и... надежд. Поминали всегда «О здравии». Новое сообщение о судьбе осужденного з/к Флоренского П.А. было получено в связи с возбуждением дела о его реабилитации. В свидетельстве о смерти П.А. Флоренского, выданном Невским ЗАГСом г. Ленинграда 3 ноября 1958 года, сообщалось, что реабилитированный П.А. Флоренский умер 15 февраля 1943 года. Эта дата соответствует сроку осуждения в 1933 году на 10 лет, но она близка и к датам смерти, которые указывали при реабилитации в 50-е годы. Хотя дата эта и вызывала сомнения, но теперь помянуть о. Павла стали «За упокой» и по просьбе Анны Михайловны Флоренской был совершен наместником Троице-Сергиевой Лавры архимандритом Пименом (Хмелевским), позже архиепископом Волгоградским и Саратовским, чин погребения.

«Вы спрашиваете о подробностях погребения о. Павла в Лавре (заочном), – отвечает 29 апреля 1987 года Высокопреосвященный Пимен в ответ на вопрос В.А. Никитина, родственника Флоренских, церковного публициста. – Мне уже трудно вспоминать подробности. Пришла ко мне Анна Михайловна Флоренская (я был наместником Лавры) и сказала, что получила откуда-то справку, в которой говорилось, что П.А. Флоренский умер в 1943 году. Она просила отслужить погребение. Погребение я отслужил в Духовской церкви Троице-Сергиевой Лавры 15 декабря 1959 года (П.В. Флоренский вспоминает, что это происходило в Трапезном храме. – Ред.) Присутствовали при службе: Анна Михайловна, Кирилл

Павлович, Павлик, Ваня (второй сын Василия Флоренского. – *Ред.*), Наталья Ивановна, Ольга Павловна, Саша, Маша и Анна Васильевна. Затем они все были у меня в покоях, что-то рассказывали (уже не помню что, но много житейского, из своей жизни)».

Таким образом, священник Павел Флоренский был церковно погребен лишь спустя 22 года после мученической кончины, о которой стало известно еще через тридцать лет. Смерть всегда больше, чем просто факт, тем более смерть священника, смерть насильственная, мученическая. Она приобретает символическое значение, и каждая деталь ее, подробность бесконечно важна, ибо становится предметом не биографии, а жития. Лишь в июне 1989 г., по запросу семьи в управление КГБ СССР по г. Москве и Московской области, было произведено расследование обстоятельств осуждения и смерти священника Павла Флоренского. На основании полученных новых сведений 24 ноября 1989 г. ЗАГС Калининского района Москвы выдал семье новое свидетельство.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович умер 08 декабря 1937 г. в возрасте 55 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти 1989 г. ноября месяца 02 числа произведена запись за № 6в.

Причина смерти – расстрел.

Место гибели: область Ленинградская.

Место регистрации – отдел ЗАГС исполкома Калининского Райсовета г. Москвы.

Дата выдачи – 24 ноября 1989 г.

Заведующий отделом (бюро) ЗАГС (подпись) VIII-МЮ № 423815.

(Печать учреждения, выдавшего документ).

В результате хлопот семья получила сначала ксерокопию отдельных листов дела и пыточную фотографию подследственного Флоренского П.А., но только анфас, а также рукопись его работы «Предполагаемое государственное устройство в будущем», которую он написал после завершения следствия в Бутырской тюрьме. Позже, в феврале-апреле 1991 г., в дни Великого Поста, в архиве КГБ СССР с делом осужденного и реабилитированного Флоренского П.А., которое имеет архивный номер 212727, работал П.В. Флоренский. Ему удалось переписать более тысячи страниц протоколов допросов, служебной переписки и других документов. Позже ксерокопия всего дела была предоставлена семье. Сведения, почерпнутые из дела, дополнены материалами, добытыми подвижниками Ленинградского отделения «Мемориала»: трагически погибшим В.В. Иоффе и И.А. Резниковой, а также расстрельными списками соловчан,

найденными в архиве ФСБ Архангельской области Т.В. Сошиной. Собранные материалы обобщены в очерке А. Разумова и В. Груздева «Скорбный путь соловецких этапов» (Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Том 4. 1937 год. СПб. 1999. С. 658–664). По этим материалам и излагаются некоторые подробности последних месяцев жизни и мученической кончины священника Павла Флоренского.

В год 20-летних юбилеев Октября и органов ВЧК-ОГПУ-НКВД Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение раз и навсегда избавиться от всех неблагонадежных и «социально опасных граждан». Избавиться к дню Сталинской конституции 5 декабря. Летом 1937 года партией и правительством было принято решение о сокращении количества заключенных в лагерях. Началась подготовка к выполнению решения и в Соловецком лагере. Связь с внешним миром предназначенных к ликвидации заключенных была прервана уже в июне, и систематические письма перестали приходить и от Р.Н. Литвинова, и от Н.Я. Брянцева, и от других з/к. Дальнейшая их судьба стала на полвека тайной.

В июне 1937 г. Соловецкие лагеря особого назначения, составляющие часть Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР (СЛОН ББК НКВД СССР) перевели в ведение 10-го (тюремного) отдела ГУГБ НКВД СССР для реорганизации в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН). 4 июня начальником Соловецкой тюрьмы вместо П.С. Раевского был назначен ст. майор ГБ И.А. Апетер, служивший с 1934 г. начальником санитарно-курортного отдела АХУ НКВД СССР.

В августе 1937 г. были изготовлены типографские бланки приказа Народного комиссара Внутренних дел Союза ССР, генерального комиссара Госбезопасности товарища Ежова. В стандартном бланке были оставлены свободные места, куда вписывалось название лагеря и число запланированных к расстрелу заключенных. Соловецкому лагерю 16 августа была спущена разрядка на расстрел 1200 з/к. 19 августа эта директива поступила в Ленинград, и начальник УНКВД АО А.М. Заковский передал ее для исполнения своему заместителю В.Н. Гарину, руководившему всей репрессивной кампанией в Ленинградской области и Соловецкой тюрьме.

Вот как описывает Ю.И. Чирков атмосферу, царившую на Соловках: «Прекратило деятельность и проектно-сметное бюро, в завершение составив проект перестройки монастырских помещений в тюремные. П.А. Флоренский и другие видные сотрудники ПСБ, очевидно, были тоже под замком. В кремлевских дворах было сравнительно малоллюдно. Цветники во втором дворе уничтожены. Закрытые щитами окна первой колонны

выглядели как ослепленные... Произошла смена погоды. Стояли пасмурные дни, листва с деревьев облетела. Плохая погода, наступление мрака и холода всегда нервировали соловчан, а тут еще неопределенность. Что будет с нами? Кого оставят в этой тюрьме особого назначения? Кого вывезут и куда? Вопросы, вопросы... Ясно было одно: все изменения к худшему. В газетах бушевал шквал ненависти и подозрительности. Термин «враги народа» упоминался почти во всех статьях. Создавалось впечатление о множестве «врагов» во всех звеньях госаппарата, на производстве, в литературе, армии и т.п. Все действовало угнетающе. Казалось, все руководство вместе с Великим сошло с ума. Газеты читали молча, без обычных комментариев, что уже стало и в Соловках опасным: были случаи ареста тех, кто вслух высказывал возмущение происходящим». (Ю.И. Чирков. А было все так... М., 1991. С. 170–172).

Среди рассказанных, написанных и опубликованных свидетельств сохранились последние письма Р.Н. Литвинова и Н.Я. Брянцева, каким-то чудом прорвавшиеся домой в сентябре 1937 года. На письме Р.Н. Литвинова рукой Варвары Сергеевны Литвиновой поверх порядкового номера написано «последнее письмо. 1937.IX.19»:

«...Итак, очень любимая Варька, по старому стилю 5 сентября, т.е. я перевалил еще одну годовщину... ночью придется дежурить (одно слово зачеркнуто цензурой – *Ред.*), то есть сидеть ночью у дверей с 12 до 6 ночи, так как сегодня моя очередь. До сих пор у меня нет работы. Это нехорошо в смысле еды, потому что безработные получают (замарано цензурой две трети строки – *Ред.*), а при длительном отсутствии это начинает сказываться... Нужно добавить, что, учитывая возможность далеких передвижений, я продал серое пальто за 30 рублей, так как это выгоднее, чем выбрасывать... В прошлую выдачу писем я не получил ничего. А так как выдача идет теперь два раза в месяц, 1 и 15, то теперь жди две недели, что очень грустно, потому что главная тяжесть моей жизни состоит в беспокойстве о тебе и семье. О себе самом я как-то не беспокоюсь – создается какое-то фаталистически насмешливое отношение к своим злоключениям. Безработное состояние я использую для занятий математикой и аэродинамикой и провожу время довольно интересно... лучше бывает, если получаешь письмишко или в крайнем случае бандероль. А этого нет. Ни от тебя, ни от Любы. Как Колька? Не собираешься ли ты сфотографировать его? Ему я не буду писать, потому что он мне не пишет. Да и не знаю я его. Помню маленьким, а теперь парень большой со своими интересами, которых я не знаю. Изменения идут, и логически нужно ждать еще более крупных, но ничего

определенного предчувствовать нельзя, а логические рассуждения обладают недостатком в том смысле, что выходит не так, как рассчитывают. Чтобы не ошибиться, лучше не загадывать ничего, окружение смешанное, есть приятное, но есть и отвратительное, профессионалов (воров – *Ред.*). Но не исключена возможность переезда, а куда – пес его знает, потому что мои пункты считаются очень опасными. А самое главное, будь здорова, не падай духом, помни, что я тебя крепко люблю и не забывай о твоём Р...»

В соответствии с Приказом к началу сентября 1937 г. были подготовлены списки к осуждению на расстрел 1116 соловчан. 21 октября их вывезли в Кемь. «...В конце октября, – продолжает рассказ Ю.И. Чирков (с. 173) неожиданно выгнали всех обитателей открытых камер кремля на генеральную проверку. На проверке зачитали огромный список – несколько сотен фамилий – отправляемых в этап. Срок подготовки – два часа. Сбор на этой же площади. Началась ужасная суета. Одни бежали укладывать вещи, другие – прощаться со знакомыми. Через два часа большая часть этапиремых уже стояла с вещами. В это время из изоляторов вышли колонны заключенных с чемоданами и рюкзаками, которые направлялись не к Никольским воротам, где была проходная, а к Святым воротам, которые выводили на берег бухты Благополучия. Я подбежал к краю «царской» дороги еще до приближения колонн и видел всех проходивших мимо, ряд за рядом, по четыре человека в ряду. Мелькали вперемешку знакомые и незнакомые лица. На всех было одно общее выражение – собранность и настороженность. Все стали какие-то суровые, отчужденные... Кремль совсем опустел. 9 ноября было интенсивное северное сияние. В черном небе сходились и расходились не обычные многоцветные полосы, а багрово-красные дуги, что толковалось некоторыми, как грозное знамение... Прошел страшный слух, будто второй этап был утоплен в море. Все это не способствовало хорошему настроению».

Расстреливали этап 27 октября и 1, 2, 3, и 4 ноября под Медвежьегорском в лесном массиве Сандормах на 16 км дороги на Повенец. Не случайно расстрел проходил в канун октябрьских праздников, по традиции совершать кровопролитие перед «красными» днями календаря. Что же касается слухов о том, что этап был утоплен, то это отражение драмы, происшедшей с транспортом «Джурма», перевозившем заключенных в Магадан и вмерзшем в лед недалеко от парохода «Челюскин», пассажиров которого героически спасали летчики, ставшие первыми Героями Советского Союза.

Еще до расстрела первого этапа в Соловецкой тюрьме были подготовлены дополнительные 509 справок и тюремных дел з/к, также подлежащих расстрелу уже в порядке перевыполнения плана. Эти справки объединили в три повестки к заседаниям Особой тройки УНКВД ЛО. Заключение к повестке №199 по групповым делам 12 «троцкистов», 63 «шпионов», 61 «террориста», 32 «вредителей» и 25 «контрреволюционеров», к которым был отнесен и з/к Флоренский П.А., подписаны Шилиным в Ленинграде 22 ноября. Эти заключения и составили основу расстрельных протоколов №134 (от 10 ноября 1937 г.), №198 и №199 (от 25 ноября 1937 г.), которые были утверждены Тройкой в составе Ваковского Л.М, Гарина В.Н., Позерна и секретаря Егорова М.А. 26 ноября сотрудники 8-го отдела УГБ УНКВД Нудель и Анстрем сверили 4 экземпляра протокола №199, а члены Тройки его подписали.

28 ноября 1937 г. Л.М. Заковский направил на Соловки И.А. Апетеру указание немедленно приготовить всех 509 осужденных к сдаче начальнику конвоя согласно протоколам Особой Тройки. На левом поле копии этого документа подпись Н.И. Антонова-Грицюка. Вслед депеше в Кемь был отправлен железнодорожный эшелон для доставки обреченных в Ленинград. На Соловках подготовили новый «список осужденных, содержащихся в Соловецкой тюрьме ГУГБ, подлежащих направлению в лагерь» – 509 имен. На последнем листе списка подпись П.С. Раевского с датой: «3/ХП декабря 1937 г. ост. Соловки». По-видимому, из Соловков этап, в котором был и з/к Флоренский П.А., переправляли по морю в Кемь 2–3 декабря.

Справа от фамилии каждого заключенного в этом этапном списке проставлены фиолетовым карандашом числа от 1 до 15. Около имени П.А. Флоренского стоит цифра 8. Предполагается, что это номер вагона. В вагоне №8 ехало 42 человека, это был один из самых перегруженных вагонов.

По прибытии эшелона в Ленинград и размещении з/к в тюрьме, 7 декабря Заковский подписал предписание Поликарпову на их расстрел.

Судя по имеющимся документам, 509 человек казнили, быть может, в ночь с 8 на 9 декабря, а может быть, в течение 3 ночей – с 8 по 10 декабря. Все акты по приведению в исполнение приговора подписаны комендантом УНКВД АО Поликарповым и датированы 8 декабря. Рабочая ночь – 8 часов, 480 минут. Получается меньше минуты на человека, а если расстреливали три ночи, то три минуты на человека... Добавим, что начальника Соловецкой тюрьмы И.А. Апетера 11 декабря 1937 г. арестовали, 26 декабря уволили из органов НКВД, а 22 августа 1938 г.

расстреляли.

Итак, з/к П.А. Флоренского не стало 8 декабря. День не случайный – 9 декабря 1937 года весь советский народ с энтузиазмом пошел голосовать в соответствии со Сталинской конституцией за блок коммунистов и беспартийных – снова расстрел перед «красным днем» календаря. «Когда я получил Дело, то я не мог слушать инструкцию архивиста, – рассказывает П.В. Флоренский. – Я искал две бумажки – последняя связь с дедом, которому оставалось несколько часов жизни. Первая, тонкая, на 3 строки – полоска, вырезанная из листа протокола. Вторая – акт о приведении в исполнение ВМН по отношению к Флоренскому Павлу Александровичу – я знал, что она на 694 странице Дела и сразу же нашел ее».

Еще в начале семидесятых, спустя полтора десятилетия после массовой реабилитации репрессированных, их потомки, приезжая на Соловки, скрывали свою кровную с ними связь, тем более, что никто не мог знать имен соузников своих близких. Наверное, о встречах с каждым из соловчан через их потомков можно написать рассказы. Постепенно страх стал ослабевать, а поиски потомков соловчан, систематически проводимые подвижниками из «Мемориала», а потом и организуемые ими коллективные поездки на Соловки привели к образованию некоего соловецкого братства. Соловчане объединены общей могилой, где перемешался прах их предков. Удивительны пересечения судеб потомков соловчан. Обозначим лишь троих из тех, кто был расстрелян в страшную ночь перед всенародными выборами с 8 на 9 декабря 1937 года, чей прах навечно остался вместе с прахом священника Павла Флоренского. В основу биографических справок о них взяты сведения из расстрельных списков.

Абдулкадыров Хасан, 1892 г. р., уроженец и житель Чеченской АО, чеченец, беспартийный, служащий, б. прапорщик Царской армии и переводчик в Добровольческой армии. Коллегией ОГПУ 16 октября 1933 г. приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ. Расстрелян 8 декабря 1937 г. Это был представитель образованной семьи, общественный деятель, ему посвящены материалы в республиканском музее. Обстоятельства гибели Хасана Абдулкадырова его родственники, проживающие в чеченском селе Надтеречное, узнали в 2000 году от П.В. Флоренского. И только тогда они смогли справить тезет – тризну по погибшему. Ведь у чеченцев пропавший без вести мертвым не считается. Так и бродит его душа неоплаканная и не отмоленная. В селе Надтеречное живет дочь Хасана Абдулкадырова, его сын и внук живут в Самаре, а племянница Раиса в Москве. В роду Абдулкадыровых помнят о Хасане,

который был гордостью семьи, героем Первой мировой войны, хранят его письма и фотографии.

Литвинов Роман Николаевич – последний друг П.А. Флоренского. (О нем – см. примеч. к письму от 24 октября 1934 г., на с. 75). В письмах они постоянно говорят друг о друге. Его сын Николай Романович, а позже и внук Роман Николаевич Литвиновы любезно предоставили материалы для этой книги.

Столяров Корнилий Тимофеевич, 1892 г. р., уроженец с. Алексеевка Башкирской АССР. Его дед Матфей был священником, а родители Тимофей Матфеевич и Матрона Никитична очень религиозными людьми. У них было шесть сыновей и четыре дочери. Корнилий, окончив учительскую семинарию, стал сельским учителем. Во время Первой мировой войны был призван в армию, войну закончил поручиком. После Октябрьской революции вернулся в родную деревню, летом 1918 года был мобилизован в армию Директории, служил помкомроты в 15-м Белебеевском и 16-м Уфимском полках. После поражения Колчака попал в плен, после которого поселился в Иркутске. В 1920 г. К.Т. Столяров поступил в Иркутский университет, в 1921 г. женился на Софии Доминиковне Мукус, в 1922 г. у них родилась дочь Ирина. В 1922 г. К.Т. Столяров с семьей перебрался в Москву, где окончил географический факультет 2-го Московского университета. Работал учителем географии в школе, затем преподавал в Московском геодезическом и других институтах. Как гласит семейное предание, в январе 1933 года К.Т. Столярову предложили стать секретным сотрудником (с.с. – сексотом) и доносить о благонадежности студентов, на что он ответил: «Честь офицера себе дороже».

В марте 1933 года Корнилий, его брат Павел, сестра Гликерия и племянница Анастасия Столяровы были арестованы по делу «контрреволюционной межвузовской группы студентов и преподавателей г. Москвы». Они обвинялись в ведении буржуазной и фашистской пропаганды, подготовке террористических актов и свержения советской власти. 8 июня 1933 г. постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ «за участие в контрреволюционной организации по ст. 58/10–11 УК РСФСР» К.Т. Столяров был подвергнут лишению свободы сроком на 5 лет. Он был этапирован сначала в Дмитлаг ОГПУ, а потом в Соловецкий лагерь особого назначения.

Последнее письмо из заключения было написано им 12 апреля 1937 года. Корнилий Тимофеевич Столяров, чей срок пятилетнего заключения истекал летом, бодро и жизнерадостно сообщал дочери: «В моей жизни

особых существенных перемен нет. Отрадным является то, что я чувствую себя исключительно хорошо со стороны здоровья, совсем не то было прошлой весной... Совсем хорошо будет, если я сохраню в таком виде свое здоровье до своего освобождения. Новостей у нас особых нет. Хожу на работы на разные объекты. Работа не трудная. По всем признакам начинается весна. Солнце греет, со всех крыш потекли ручьи. Прилетели чайки и криком своим внесли разнообразие в нашу жизнь... Осталось мне пребывать на далеком севере несколько месяцев, точно сколько я боюсь сказать, но во всяком случае свободным я буду к началу нового учебного года, т.е. не позже августа».

25 ноября 1937 года постановлением тройки УНКВД по Ленинградской области з/к Столяров К.Т. был приговорен к расстрелу и расстрелян 8 декабря 1937 года. (Эту справку составил его племянник Вячеслав Павлович Столяров, один из составителей комментариев и иллюстраций к этой книге.)

У узника Соловецкого концлагеря Павла Александровича Флоренского был арест, этап на восток, БАМ-ЛАГ, этап в Кемь, а затем на Соловки. Было заседание Тройки и приговор к ВМН, трюм баржи, взявшей курс на материк, ленинградские застенки, ночное построение, подвал, выстрел в затылок, погрузка тела в грузовик, пустынное место, братская могила, безмолвие народа. Имя палача, или, как писалось в официальных документах, «исполнителя наказания», всплыло на поверхности реки времени. Известны не только обстоятельства его жизни, но и смерти. Говорят, что на палаче крови нет, у него нет имени, нет лица. В средневековье палач надевал маску. В самом кровавом в истории России веке казни были анонимными. Так стоит ли называть имя палача, вглядываться в черты его лица? Стоит. Не для того, чтобы доказывать, что есть возмездие, что преступление возвращается бумерангом к пославшему его, ибо в нашем случае ни раскаяния, ни покаяния не было, а был самосуд, и кару насылали друг на друга сами палачи. Так бывало, когда революции пожирала своих детей. Нам не хотелось бы судить и осуждать. Мы хотим только взглянуть в портрет времени, в лица участников, свидетелей, палачей, чтобы ясней узреть лики мучеников, не склонившихся, не сломившихся, не сгубивших себя, свои души, чтоб рельефней стал их подвиг на Голгофе времени.

«Мотичка, прощай навсегда. Если когда чем обидел, прости. Морально тяжело устал, никаких преступлений не делал, причину смерти написал т. Гоглидзе, тебе знать не надо. Записка в служебном кабинете на столе. О случившемся позвони по телефону 30–14. Целую последний раз.

Прости. Сашка».

Такую записку обнаружили вечером 14 марта 1939 года в Ленинграде, в доме №34 по улице Воинова. На полу лежал мертвый человек в форме НКВД. Его голова была обмотана окровавленным полотенцем. Рядом с телом лежал кольт 45-го калибра.

Самоубийцей был Александр Романович Поликарпов, комендант управления УНКВД по Ленинградской области, исполнитель массовых расстрелов 1937 года. В 1938 году, после расстрела Ежова, пошла массовая зачистка и борьба с ежовщиной, время, о котором сказано: «Им не хватает ночей, палачи казнят палачей...» 8 января 1939 года в Красном зале УНКВД на Литейном проспекте состоялось партийное собрание, после которого новый начальник управления Сергей Гоглидзе, правая рука Бериин, поставил резолюцию на деле старшего лейтенанта госбезопасности А.Р. Поликарпова: «Уволить немедленно!» Это был конец. Поликарпов был человеком пунктуальным. В своем служебном кабинете он привел в порядок документы, разложил их по стопочкам, к ключам приделал бирочки, на которых написал, какой от какого замка. Затем положил на стол белый листок бумаги, взял чернильный карандаш и написал (документ приводится с сохранением авторской орфографии и пунктуации):

Начальнику УНКВД ЛО Комиссару гос. без. II рангу т. Гоглидзе.

За весь период моей работы в органах НКВД я честно и преданно выполнял круг своих обязанностей.

Последние два года были особо напряженные по оперативным заданиям.

Тов. Комиссар я ведь не виновен в том, что мне давали предписания я их выполнял ведь мое в этом отношении дело исполнительное. И я выполнял и отвечать за это конечно было бы неправильно...

И вот теперь, когда идут целый ряд разговоров об осуждении невиновных, когда я стал уже замечать что на меня косо смотрят вроде указывают пальцами, остерегаются вроде не доверяют, будучи и так в очень нервном состоянии, и болезненном у меня язва желудка я совсем морально упал и пришел к выводу, что дальше я работать не могу нигде... я решил уйти сосчитают за малодушие ну что ж не мог вынести...

Тов. Комиссар простите за мое малодушие, поработавши столько конечно я не человек я жил только работой не знал дома.

Моя последняя просьба не обижайте жену, она больная после потери обоих ребят, у нее рак, в служебные дела я ее не посвящал и причин смерти она не знает.

Прощайте. Поликарпов

Вернувшись домой, он написал записку жене, приколот ее булавкой к стене, обмотал голову полотенцем, чтобы не испачкать кровью комнату, и пустил себе пулю в висок.

...В римской провинции Иудея два тысячелетия тому назад на горе Голгофа состоялась публичная казнь. Ее орудием были деревянный крест, терновый венец, гвозди, копие, боль и жажда. У Того, кто пришел спасти мир, были Мать и верные ученики. Но были и палачи, поделившие Его одежду, палачи-стражники, проверявшие копием границу между жизнью земной и вечной. До того были предательство, арест, судилище и беснование толпы, требовавшей: «Распни...» Был путь на Голгофу, жены-мироносицы. Потом весь мир провалился в бездну небытия. Земля и небо соединились, и Жизнь восторжествовала...

Свидетели и участники тех событий либо остались в вечности, став мучениками, либо вошли в историю как их современники. Разбойник на кресте, стражник, пронзивший копием тело Страдальца, горстка женщин, не оставивших Учителя, преданный ученик стали – благочестивым разбойником, святым Лонгином, женами-мироносицами, апостолом Иоанном Богословом. Читая «Символ веры», мы обозначаем то время словами «При Понтийстем Пилате...»

В вечности пребудут события семидесятилетней давности. При Иосифе Сталине 8 декабря 1937 года в ленинградском застенке был расстрелян, а затем погребен в братской могиле в Токсово, в 30 километрах от города, мученик, иерей Православной Церкви Павел Флоренский, который, несмотря на мучения, остался «не снявшим с себя сана».

Члены семьи – адресаты писем

Флоренская (Сапарова) Ольга Павловна (25.03 (7.04) 1859–30.10.1951) – мать П.А. Флоренского, с 1915 г. жила в Москве на углу Долгого и Новоконюшенного переулков.

Флоренская (Гиацинтова) Анна Михайловна (31.01(13.02) 1889–18.03.1973) – жена П.А. Флоренского. Родилась в крестьянской семье в Сапожковском уезде Рязанской губернии. У П.А. и А.М. Флоренских было пятеро детей: Василий, Кирилл, Ольга, Михаил и Мария-Тинатин. См. о ней: *Игумен Андроник (Труфане)*. Голубка моя бедная // Литературный Иркутск. 1989. Окт. С. 14–15.

Флоренский Василий Павлович (21.05 (3.06) 1911–5.04.1956) – старший сын П.А. Флоренского. Доцент Московского нефтяного института им. И.М. Губкина, геолог-петрограф, исследователь глубинного строения нефтегазоносных областей. После ареста отца стал основным кормильцем семьи. См. о нем: Т.А. Лапинская, П.В. Флоренский. Василий Павлович Флоренский (1911–1956). Сер. «Выдающиеся ученые ГАНГ им. И.М. Губкина». М., 1996. 44 с.

Флоренская (Зарубина) Наталия Ивановна (5/18.09.1909–15.07.1996) – жена В.П. Флоренского.

Флоренский Кирилл Павлович (14.12 (27.12) 1915–9.04.1982) – второй сын П.А. Флоренского, ученик В.И. Вернадского, один из основателей сравнительной планетологии. Его именем назван кратер на обратной стороне Ауны. Именно усилиями К.П. Флоренского в 60-е годы была начата систематическая публикация трудов о Павла Флоренского. См. о К.П. Флоренском: *In memoriam Cyril Pavlovich Florensky* // *Ikarus*, 1985. N 3. P. 351–354, а также подборку статей в сб.: «Историко-астрономические исследования». Вып. 20. М., 1998, с. 227–309 и Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика Вернадского. №14. М, 1995.

Трубачева (Флоренская) Ольга Павловна (р. 21.11.1918) – старшая дочь П.А. Флоренского. Ботаник.

Флоренский Михаил Павлович (26.10.1921–15.07.1961) – младший сын П.А. Флоренского. Специалист в области бурения скважин, погиб в экспедиции на Камчатке. См. о нем: Е.И. Флоренская в кн.: П.А. Флоренский. Оро. М., 1998.

Флоренская Мария-Тинатин Павловна (р. 11.11.1924) – младшая дочь П.А. Флоренского. Химик.

Примечания

¹ - Со старцем Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры иеромонахом Исидором (Грузинским) Флоренский познакомился в 1904 г., окормлялся у него во время обучения в МДА. Скончался 4 (17 н. ст.) февраля 1908 г. Ему посвящен очерк «Соль земли» (см.: Священник Павел Флоренский. Сочинения в 4-х томах. Т. 1. с. 571–637).

² - Епископ Антоний (Флоренсов) (1847–1918) – духовник П.А. Флоренского в 1904–1918 гг., благословил его на семейную жизнь.

³ - Киселева Наталия Александровна – настоятельница Приюта сестер милосердия Красного Креста. Отец Павел был священником в домовом храме Приюта во имя равноапостольной Марии Магдалины. Тучкова Софья Сергеевна – сестра милосердия Красного Креста в Сергиевом Посаде. Эмигрировала в Чехословакию в 1934 г. Огнева (Киреевская) София Ивановна (1846–1940) – жена профессора Московского университета, гистолога Ивана Флоровича Огнева. Записала под диктовку Павла Александровича ряд его работ, в т. ч. «Иконостас», «Детям моим».

⁴ - З/к П. А. Флоренский сообщает о прибытии на станцию «Ксениевская» Уссурийской ж.д. (у о. Павла – Забайкальской – это ошибка), где располагалось 7-е отделение БАМЛАГа ОГПУ.

⁵ - П. А. Флоренский родился 9 (22 н.ст.) января 1882 г. около местечка Евлах Елисаветпольской губернии (ныне Азербайджан). Вот как он пишет об этом в своей «Автобиографии»: «Отец мой, инженер путей сообщения, сын врача, строил участок Закавказской железной дороги, и вся семья жила в товарных вагонах железной дороги на месте будущей станции».

⁶ - Юлия Александровна: «Дорогой Павля! Наконец, имею возможность написать тебе несколько слов о всем семействе. Ты, конечно, понимаешь, что мое молчание до сих пор вызвано заботами о маме и страхом оставить ее без достаточных забот. Много мы пережили, и среди всего горя этих дней твой отъезд был, как мне кажется, наиболее чувствительным ударом. Она пережила это событие очень болезненно и перенесла свою любовь к тебе на детей, особенно на Васю, о котором старается заботиться по мере своих сил. Мама, конечно, постарела и сделалась меньше, но гораздо приветливее, чем была раньше. В противоположность своей прежней малоподвижности, теперь она все время что-то делает, то готовит изобретенные новые блюда, то убирает,

штопает, шьет, вяжет – одним словом, ни одной минуты не остается без дела, говорит, что так ей легче и тоскливость делается меньше. Ея посещают знакомые, главным же образом Вася; если он не бывает раза 2 в неделю, то мама начинает волноваться; готовит особо кушанья и не хочет кушать без Васи. К сожалению, Васюшка никак не может понять, что его посещения поддерживают в бабушке бодрость, он явно стесняется приходить часто, то есть каждый день, и питаться у бабушки. Между тем, Аня говорит, что кроме бабушки он нигде и ничего не ест, т.к. столовых избегает. Наши уговоры помогают не всегда, и на днях, например, вышла целая драма. Вася хотел отлить из тарелки суп, бабушка нарочно убрала кастрюлю; тогда Вася рассердился, отказался кушать и убежал. После этого инцидента оба были в депрессии и по-видимому оба считали свои отношения непоправимо испорченными. Шуре пришлось взять на себя успокоение Васи, а мне – мамы. Через день Вася все-таки заглянул к нам, и инцидент был исчерпан. Не удивляйся, что пишу тебе эти мелочи – они позволят тебе подойти ближе к нашей жизни. Олечка созрела не по возрасту – все это время она поражает нас своей выдержкой и энергией. Помогала матери и была ей настоящим другом, успокаивала братьев, таскала на себе вещи, продукты; период тяжелой тоски разрешился у нее деятельностью, она очень стойка, но боюсь, что иногда слишком прямолинейна – может быть по-детски и это может произвести впечатление вызывающего поведения, для тех, кто не задумывается над её душевным состоянием. Думаю, что встреча с тобой внесет мир в ее душу. Учится она серьезно и настойчиво, свою работу не приостанавливает, несмотря на все переживания и вопреки советам. К сожалению, мы видимся мало, т.к. в Москве она бывает, хоть и довольно часто, но все время в бегах, все по делам. Кира бодр, он поражает всех своим большим умом, своей неожиданной одаренностью; работает очень много, но успевает и забежать к нам, и погулять с товарищами, и съездить домой. Конечно, как и прежде, на него, как на более устойчивого, стараются свалить все ответственные и неприятные дела, и он безропотно несет их. И Васю, и Киру, как тебе известно, должно быть, из писем Ани, пропечатали за отличия в стенгазету, а Киру даже с портретом. На службе с ними, видимо, считаются и уважают. Работают они, правда, слишком много, иногда даже кажется, что Васе это не под силу – он старается возможно больше Денег принести в семью и набирает всякие добавочные работы. Аня борется с этим, но ведь Вася упрям и упорен в своих решениях. Тика первое время была очень бледна и растеряна, но последнее время ее щечки порозовели; она упорно учит счет, решает задачи и старается с честью

нести свое звание школьницы. Свой авторитет поддерживает некоторой внешней резкостью в отношении окружения – покрикивает и требует; Аня огорчается, называя эти проявления грубостью, но мне кажется, что она просто концентрирует свои переживания и в отношении тебя и в отношении счета. – Одним словом, маскирует сложности, которые не хочет выявлять. Мика очень нежен со всеми, он поражает своей добротой, отзывчивостью благородством. Даже когда мы играли в блошки, он старается защитить свою старую тетку и поддавать свои блошки. Все дети держатся за семью и полны любви друг к другу, все поддерживают мать, кто как умеет. Больше всего нервничает, конечно, Вася – он болезненно переживает каждые шероховатости жизни; такому состоянию нервной системы способствует, конечно, и малярия, которая треплет и отравляет его довольно жестоко. ...Не приходится писать тебе, что мы все живем постоянной мыслью о тебе. Сейчас напряженнее, чем раньше, чувствуется близость всей семьи и взаимное желание помочь друг другу. Аня стала нам особенно дорога. Между прочим – она похудела – и так похорошела и помолодела, что кажется сестрой своих сыновей. Ея кротость и любовь к окружающим кажется безграничной – на всех хватает сердца. Она очень энергична и не опускает рук в борьбе за своих детей. Домик твой стоит так же, и вообще Аня старается все поддерживать в полном порядке. Целую тебя, дорогой мой Павля. Если бы ты знал, как все мы любим тебя и готовы испытать общее горе. О материальном положении семьи не беспокойся. Все есть. т. Люся».

⁷ - Статья о «Жизни изделий» не издана. Михаил Владимирович – лицо неустановленное. "СОРЕНА" – журнал «Социалистическая Революция и Наука», в котором публиковались статьи П.А. Флоренского

⁸ - Начальник – В. Утц, историк и этнограф, он снабдил о. Павла Флоренского при переезде в г. Свободный рекомендательным письмом, с просьбой предоставить ему возможно лучшие условия для работы и жизни.

⁹ - Отец П.А. Флоренского, Александр Иванович Флоренский (1850–1908), – инженер-путеец, строил военную Батумо-Ахалцыхскую дорогу.

¹⁰ - Л. М. Горбкий в 1933 году побывал на Соловках и опубликовал восторженное описание этого лагеря: очерки «Правда социализма» и «Первый опыт» в книге: «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства». М., 1934 г.

¹¹ - Флоренский Андрей Александрович (1899–1961) – младший брат П.А. Флоренского, специалист по корабельным и береговым орудиям,

лауреат Сталинских премий. Флоренский Александр Александрович (1888–1938) – средний брат П.А. Флоренского. Геолог, археолог, этнограф. Скончался в концлагере в пос. Сусуман Магаданской обл. Кониева (Флоренская) Елизавета Александровна (1886–1959) – сестра П.А. Флоренского, художник, педагог. В письмах – Лиля.

¹² - Флоренский Леонид Андреевич (род. 18.08.1933) – племянник П.А. Флоренского, сын Андрея Александровича Флоренского.

¹³ - Флоренский неточно цитирует строки 6-й песни «Одиссеи»: «... где не подымлет метелей зима, где безоблачный воздух » Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут...» – в переводе Б.А. Жуковского.

¹⁴ - Флоренская Юлия Александровна (1884–1947) – старшая сестра П.А. Флоренского, врач, психиатр-логопед. В письмах – Люся.

¹⁵ - Каптерева Елена Сергеевна – жена Павла Николаевича Каптерева.

¹⁶ - Каптерев Павел Николаевич (1889–1955) – сын профессора Московской Духовной Академии Николая Федоровича Каптерева (1847–1917), вместе с о. Павлом Флоренским – один из организаторов Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры (1918–1922). Арестован вместе с о. Павлом в 1933 году. Сослан на Дальний Восток, где они будут работать на Опытной Мерзлотной Станции в Сковородине. Соавтор, вместе с Н.И. Быковым, работы «Вечная мерзлота и работа на ней» (М., 1940). В письмах – П.Н.

¹⁷ - Михаил Тимофеевич – лицо неустановленное, по-видимому, знакомый о. Павла по Москве.

¹⁸ - Гиацинтова Надежда Петровна (1862–1940) – теща П.А. Флоренского, жила в его семье в Загорске

¹⁹ - Сковородинская Опытная Мерзлотная Станция (ОМС) стала местом работы о. Павла в течение полугода (с 10 февраля по 10 августа 1934 г.). Здесь он целиком посвятит себя исследованию вечной мерзлоты, сделает ряд открытий в этой области. ОМС станет последним местом, где о. Павлу были предоставлены нормальные условия для научной работы по интересующей его проблеме, в дальнейшем, на Соловках он не раз будет вспоминать Сковородино и сожалеть о незавершенном труде, который обещал интереснейшие научные перспективы.

²⁰ - Архангельский Алексей Иванович – ученик о. Павла по Московской Духовной Академии, писал ему в годы ссылки. А.М. Флоренская пишет о нем мужу: «Ал. Ив. все время беспокоится о тебе и о нас – это единственный, а твои сослуживцы все о нас забыли...» (письмо от

1934.ІІІ.04). В письмах – А.И. или А.Ив.

²¹ - Мушкетов Иван Васильевич (1850–1902) – русский геолог, исследователь Средней Азии, Урала, Кавказа. Автор «Физической геологии» (ч. 1–2, 1888–1891).

²² - Быков Николай Иванович (1855–1939) – заведующий Сквородинской Опытной Мерзлотной Станцией на БАМЛАГе, между о. Павлом и Н. И. Быковым сложились дружеские отношения, а также плодотворное сотрудничество по изучению вечной мерзлоты. Для о. Павла особый интерес представляла его генеалогия, в его роду были представители родов Пушкиных и Гоголей.

²³ - Флоренский сблизился со всей семьей Н. И. Быкова. На ОМС с ним жили: жена Ольга Христофоровна, дети: Кирилл, Игорь, Ирина и Николай. Старший сын жил отдельно, о. Павел его не упоминает в письмах.

²⁴ - Старикович П.К., – житель Сергиева Посада, учившийся в одной из школ, бывшей женской гимназии.

²⁵ - Сузин Александр Владимирович – преподаватель палеонтологии в МГРИ, московский знакомый о. Павла. Имяславец, репрессирован по делу «Истинно Православной Церкви» вместе с Д.Ф. Егоровым, А.Ф. Лосевым, В.Н. Щелкачевым.

²⁶ - Нанагры – населенный пункт на этапе в лагерь.

²⁷ - Село Толпыгино связано с памятью близкого друга П.А. Флоренского Сергея Семеновича Троицкого (1881–1910), сокурсника по Московской Духовной Академии, с которым Флоренский жил в одной комнате с 1905 г.; он является прототипом «друга», которому адресованы письма, составляющие книгу «Столп и утверждение истины». Он был сыном священника церкви Воскресения Словущего в с. Толпыгино Нерехтского уезда Костромской губернии, где Флоренский побывал в сентябре 1905 года, собирал фольклорный материал, на основе которого напишет книгу «Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда» (вышла в 1905 г. в Костроме). Село Кутловы Борки Рязанской губ. памятно о. Павлу, поскольку там, 25.08.1910 г., состоялось его венчание с Анной Михайловной Гиацинтовой.

²⁸ - Библиотека о. Павла – и в Москве, и в Загорске – была конфискована, и никакие хлопоты и попытки вернуть хотя бы часть книг не увенчались успехом. Семья очень тяжело пережила утрату книг. А.М. Флоренская писала мужу: «Книги у нас отняли твои и наши любимые. Очень тяжело смотреть, как чужие люди возятся в любимых вещах, но что

делать, приходится претерпеть все. Мика сегодня целый день, бедняга, проплакал о книгах. Все время получаем ранения в самые больные места» (письмо от 4.III.1934). На просьбу оставить Пушкина «на проработку в школе» – был получен ответ: «Ну вот еще, Пушкина прорабатывать в школе – он запрещен – я сам был исключен из института за Пушкина».

²⁹ - Письмо, действительно, было доставлено Ольгой Христофоровной Баковой семье о. Павла, и другое – его маме. О получении письма напишет Кирилл (апрель 1934): «Позавчера, 7 апреля, в субботу, должен был я идти заниматься химией своей, но очень не хотелось. С полпути я повернулся и пошел к бабушке. Около Зубовской площади встретил тетю Лилю, которая шла с телеграммой в руке с тем, чтобы отправить ее к нам для вызова мамы к Ольге Христофоровне. Кроме того, оказалось, что в этот день рождения бабушки там была баба Соня и все очень веселые, от полученных известий о тебе. Поехал я в этот вечер домой, вскоре приехал Вася и мы встретили Пасху дома, да еще с таким подарком, как известие о тебе и о том, что получено разрешение на свидание с тобой. Видел твою фотографию, папочка, не мог насмотреться! Мики-Тики у нас здоровы, Тинка совсем отчаянная девчонка и балует всюю. Оля очень много занимается, но сердитая. Мама расцветает при мысли о встрече с тобой. Вася и Мик по-прежнему путаются в ее понятиях. Целую тебя крепко, дорогой папочка, милый. Твой Кира. P.S. Вчера был на субботнике метростроя, работал. Сегодня от этого хочется спать».

³⁰ - Музей в Загорске – Государственный Сергиевский историко-художественный музей. Директор музея – В.Д. Дервиз, научный руководитель – Ю.А. Олсуфьев. Семьи Дервизов и Олсуфьевых были близки семье Флоренских. Непосредственно с деятельностью музея была связана и Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры, в которой работал о. Павел. Благодаря музею и Комиссии удалось сохранить многие бесценные сокровища Лавры.

³¹ - Флоренский говорит о посещении могилы его младшей сестры, Раисы Александровны, скончавшейся 5.09.1932 г. от туберкулезного менингита в Загорске, похоронена на Кокуевском кладбище. Р.А. Флоренская (р. в 1894 г.) – художник, училась во ВХУТЕМАСе, где Флоренский читал лекции по искусствоведению, участник литературно-художественного объединения «Маковец», в которое входил и Флоренский. См.: Раиса Александровна Флоренская, Павел Александрович Флоренский во ВХУТЕМАСе и «Маковце»: Каталог выставки. М., 1989.

³² - Андрей Белый (литературный псевдоним Бориса Николаевича

Бугаева, 1880–1934) – поэт-символист, дружил с П.А. Флоренским в студенческие годы, напишет о нем в своих воспоминаниях (глава III. разнбой. «Аяксы»: Белый Андрей. Начало века. М., 1990, с. 298–304). П.А. Флоренский считал А. Белого значительной фигурой русской культуры эпохи рубежа веков, внимательно следил за его творчеством и литературными исследованиями, в письмах из ссылки неоднократно говорит о нем. Отец Б.Н. Бугаева – Николай Васильевич Бугаев (1837–1903), математик, профессор Московского Университета, был одним из любимых учителей Флоренского в бытность его студентом Московского Университета.

³³ - Речь идет о книге: Флоренский П.А. Мнимости в геометрии: Расширение в области двухмерных образов геометрии (опыт истолкования мнимостей). М., 1922. Отец Павел просит передать книгу Ольге Христофоровне Быковой, которая должна была побывать в Загорске, для ее мужа – Н.И. Быкова. Книга была передана, этот экземпляр находится в фондах Областной библиотеки им. Н.Н. Муравьева-Амурского г. Благовещенска.

³⁴ - Отец Павел сообщает о приезде в Сквородино жены с младшими детьми – Ольгой, Михаилом и Марией-Тинатин где они проживут до 16 августа. Это будет последняя встреча с семьей А.М. Флоренская так описывает пребывание в Сквородине: «Приходит он (о. Павел. – Ред) к нам обедать, а потом часов в 10–10 1 / 2 ночевать. Уходит в 7 утра. Говорить приходится мало, т.к. тут он так же занят, как был в Москве. Но сделано у них очень много и интересно. Жалею, что мало взяла консервов. Все пресное ему приелось... Папа все такой же умеренный и ест очень мало. После обеда он занимается с Игорем и Олей (Игорь – сын Н.И. Быкова начальника сквородинской ОМС. – Ред). Оля устроилась играть на пианино и уходит с утра, а потом дома почти целый день за уроками Они сошлись с Игорем и вместе занимаются физикой, немецким и математикой. Тиночка тоже занимается. Один Мик гуляет и наслаждается ничегонеделанием. С ужасом думаю о возвращении» (письмо Н.П. Гиацинтовой от 01.VII. 1934). В это время появились надежды на улучшение положения о. Павла, предполагалась даже возможность его освобождения и возвращения в Москву. Именно так воспринималась семьей его отправка в г. Свободный 10 августа. Но за этим последовал перевод в Соловецкий лагерь, в гораздо более тяжелые условия. Для о. Павла это обернулось еще и полным прекращением работ по изучению мерзлоты, несмотря на достигнутые в этой области успехи и открывшиеся

в период работы на ОМС интереснейшие перспективы дальнейших исследований в этом направлении.

³⁵ - Карамян (Сапарова) София Павловна (1866–1938) – тетья П.А. Флоренского по матери, жила в Москве.

³⁶ - Александр Андреевич Флоренский (1926–1957) – племянник П.А. Флоренского, старший сын Андрея Александровича Флоренского.

³⁷ - Первое письмо после большого перерыва – после отправки з/к Флоренского из Сквородина. В Кеми располагалось Управление Беломоро-Балтийского исправительно-трудового лагеря ОПТУ.

³⁸ - На окраине Кеми, на берегу Белого моря, находился поселок Попова гора (Попов остров), где располагалась пересыльная тюрьма – Кемский пересыльный пункт. До революции здесь было подворье Соловецкого монастыря.

³⁹ - Вот как обстоятельства переезда в Соловецкий лагерь в августе 1934 г. описывает Р.Н. Литвинов: «...За время, прошедшее со времени попадания в лагерь, со мной произошло столько изменений что даже трудно описать. Первые дни в Кеми было тяжело, потом было совсем хорошо, почти уютно, и хотелось побыть там. Но случилось, что перебросили на морсплав, а через 3 дня я очутился в Соловках. Конечно, меня опять обокрали – это почти неизбежно при здешней лагерной системе, когда, уходя на работу, оставляешь вещи на месте, около своей койки, охраны нет, или почти нет, а известный (слово пропущено. – Ред.) населения лагеря состоит из уголовников». Литвинов Роман Николаевич – з/к, сотрудник о. Павла Флоренского, соавтор патентов. С Литвиновым о. Павел познакомился еще в ссылке в Нижнем Новгороде, в 1928 г. На Соловках о. Павел постоянно оказывался рядом с Литвиновым, несмотря на постоянные переводы. «Литвинов Роман Николаевич, 1890 г.р., русский, гр. СССР, ур. г. Варшава (Польша), из дворян, служащий, обр. высшее, химик-технолог. Работал зав. кафедрой в г. Горьком. Осужден КОГПУ 01.06.34 по ст. 58–8-10 и 11 УК на 10 лет ИТЛ». Приговорен к ВМН 10.11 и расстрелян в одну ночь с о. Павлом Флоренским 8.12.1934 г.

⁴⁰ - Речь идет о вещах о. Павла Флоренского, оставшихся в Сквородино, которые он просит выписать через П.Н. Каптерева. Вещи, в том числе рукописи и письма, были возвращены и стараниями А.М. Флоренской сохранились.

⁴¹ - Быков Игорь Николаевич – сын Н.И. Быкова.

⁴² - Лаборатория на берегу бухты Благополучия – небольшое кирпичное строение. Сохранились его старые изображения, сейчас на его

месте – лишь остатки фундамента.

⁴³ - Центральная лаборатория Йодпрома располагалась в бывшей Филипповой пустыни, называвшейся так по имени свт. Филиппа.

⁴⁴ - Эту же дорогу описал и Р.Н. Литвинов: «Идешь по сказочной еловой роще, по снежной дороге, снег совершенно не тронут (отойдя в сторону от дороги) – ни следа ни птицы, ни зверя, ни человека. Ходишь уже в темноте, но темнота такая, что все видно. Почему – не знаю точно» (письмо от 1934.ХП.8).

⁴⁵ - П.А. Флоренский родился 9/22 января 1882 года.

⁴⁶ - Микина Катя – так звали в семье С.И. Огневу.

⁴⁷ - Лисев Василий Иванович – сотрудник о. Павла Флоренского по Всесоюзному Электротехническому Институту (ВЭИ). В 1920 году пригласил о. Павла на работу на московский завод «Карболит». Отец Павел жил у В.И. Лисева, на Спасской улице в Москве в 20-е годы.

⁴⁸ - Лисева Екатерина Ивановна – мать В.И. Лисева.

⁴⁹ - Бах Иоганн Себастьян (1685–1750) – великий немецкий композитор и органист. В своих «Воспоминаниях», говоря о той роли, которую играла для него музыка в детстве, о. Павел пишет и о своем первом впечатлении от музыки Баха: «Я всегда был полон звуков и разыгрывал в воображении сложные оркестровые вещи в симфоническом роде, причем потоки звуков просились в мою душу непрерывно, днем и ночью, и стоило мне остаться без очень ярко выраженного интереса в другой области, как мои оркестры начинали улаживать меня, а я ими дирижировал... Когда много лет спустя, уже окончив Университет и Академию, я прикоснулся к Баху, я понял, чего искал я в детстве и в какую сторону представлялся мне необходимым еще один шаг музыкального развития. В Бахе я узнал приблизительно то, что звучало в моем существе все детство, – приблизительно то, но все-таки не совсем. Может быть, той, экстатической музыки вообще не выразить звуками инструментов и слишком рационализированными ритмами нашей культуры» («Детям моим», с. 80–81).

⁵⁰ - Это Центральная лаборатория Йодпрома, куда з/к Флоренского поселили 16 февраля 1935 г.

⁵¹ - Место, где располагалась Центральная лаборатория Йодпрома, бывшая Филлипова пустынь, с 1925 г. называлось Биосад, а в 1927 он преобразован в «Питомник пушных зверей» и Биостанцию, но прежнее название осталось в употреблении.

⁵² - Святитель Филипп, митрополит Московский (1507–1569, в миру Феодор Степанович Кольчев) – происходил из древнего боярского рода Кольчевых, в царствование Иоанна Грозного, отказавшись от придворной карьеры, удалился в Соловецкий монастырь, где в 1538 г. был пострижен в монашество с именем Филипп, через 10 лет стал игуменом обители, в 1566 г., уже в разгул опричнины, был поставлен в митрополиты, отстояв перед царем «право печалования» (возможность заступаться за несправедливо обижаемых). Обличал Иоанна Грозного в несправедливости, гонениях и убийстве невинных людей, чем и вызвал гнев царя – был извержен волею Иоанна Грозного из святительского сана, заточен, сослан в Тверской Отроч монастырь, где содержался в тяжелейших условиях. Был задушен Малютой Скуратовым по приказу Иоанна Грозного 9 января (с. с.) 1569 г. В 1652 г. причислен к лику святых.

⁵³ - Действительно, эти события: «история с рабочими» – расстрел демонстрации рабочих в Петербурге, т.н. «кровавое воскресенье», положившее начало первой русской революции 1905–1907 гг., убийство сест. Филиппа пришлось на 9 января с. с. – день рождения о. Павла Флоренского. Неточно названа только дата смерти В.И. Ленина (1924), который скончался вечером 21 января – 8 января по старому стилю, но объявлено об этом было также 22 января.

⁵⁴ - Начало деятельности митрополита Филиппа – его пребывание на Соловках сначала простым монахом, затем игуменом.

⁵⁵ - Примерно в это время поступил донос на работников лаборатории, автор которого, с/с с псевдонимом «Карелин», – один из жителей Филипповой пустыни.

⁵⁶ - О.П. Флоренская родилась 25.03/7.04.1859г.

⁵⁷ - О быстротечности времени пишет и Р.Н. Литвинов в письме от 1935.ІІІ.13: «...Работа наша понемногу движется. Уже работает электрохимическая установка, собранная по частям со всего острова. Результаты пока что не окончательные, но обещающие. Работы так много, что даже страдает самым решительным образом чтение английских романов, а это, как ты понимаешь, признак серьезный. Дня и вечера как будто не хватает. В Кремле почти не бываю. Нужно было бы по существу сходить в библиотеку, потом по общественной работе зайти в колонну (это наша административная единица) потому что я цех-уполномоченный. Но некогда. Даже письмо тебе сел писать в такое неприличное время, что не хочется смотреть на часы. Действительно, стрелки указывают на третий час, а публика не спит. Кто пишет, кто возится с химическими

реактивами. Нужно укладываться спать, все равно списков на дополнительные письма нет и завтра письма все равно не отправить...»

⁵⁸ - Описание поездок в Аджарис-Цхали занимает особое место в воспоминаниях («Детям моим», ее. 95–114). Прочитируем несколько фрагментов воспоминаний Флоренского, касающихся тех реалий поездок, которые он вспоминает в письме: «Мы (дети. – Ред.) прочно считаем Аджарис-Цхали своим поместьем, гораздо более своим, нежели батумскую квартиру... на пригорке стояла каменная двухэтажная инженерная сторожка для остановки проезжающих. В нижнем этаже жил чрезвычайно преданный папе, как и все папины подчиненные, сторож Ахмет, а в верхнем – было две или три комнаты, разделенных коридором. Мы считали эту сторожку собственным нашим домом, т.е. не отца своего, а нашим, детским, и одна комната была моя, другая – Люсины. Приехав, располагались в этих комнатах гораздо свободнее, чем дома: ведь дома нужно было соблюдать порядок, не разводить грязи, а тут, в почти пустых комнатах, можно было делать почти все, что угодно... я ясно чувствовал себя владетельным князьком Аджарских гор...». Флоренский описывает те редкие, экзотические растения, которые насаждал его отец, и говорит о своей любви к растениям и цветам: «Во мне жило убеждение, убеждение моего сердца, что цветы – мои цветы, любимые мною, – любят меня, цветут именно для меня, и что мое невнимание к их красоте было бы оскорблением, скорее ранюю, их горячему ко мне чувству... Своим долгом, долгом ответной любви, считал я оборвать все цветы, а тем более – фиалки. Но предо мною расстилались густо поросшие цветами, теми же фиалками, поляны, за полянами – другие, и все, как в лучшем цветнике, сплошь покрытые цветами. Как ни старался я, а моей работы, даже на ближайших местах, не было нисколько видно: ведь ворох цветов можно было набрать там не сходя с места... День клонится к вечеру, папа зовет нас собираться домой. Я говорю: «сейчас» – и продолжаю рвать; потом снова зовут: «Папочка, подожди немного», – и опять рву, уже судорожно, а сам плачу от жалости, целую цветы, обливая их слезами, испрашивая прощения, обещаю очень скоро приехать и тогда уж наверное сорвать их... Все эти букеты, веники, ветви, венки, куски дерна, целыми растениями, наконец, просто охапки цветов с большим трудом и совокупными усилиями всех, начиная от папы и кончая Ахметом, размещаются в фаэтонах буквально со всех сторон, так что нам самим еле можно втиснуться... По шоссе катится цветочная корзина...» Флоренский, вероятно, вспоминает о поездке на Кавказ в 1925 г.

⁵⁹ - Кониев (Кониашвили) Георгий Георгиевич (1883–1967) – муж сестры П.А. Флоренского – Елизаветы Александровны.

⁶⁰ - Обстановку жизни работников лаборатории подробно описывает в своем письме от 1935.III.23 Р.Н. Литвинов, там же он впервые подробно говорит об о. Павле: «В нашей лаборатории мы взяли большую проблемную тему о комплексном использовании водорослей и занимаемся ею с утра до поздней ночи. Я занимаюсь в основном конструированием и постройкой лабораторной аппаратуры и электрохимическими процессами. Приходится все делать из ничего, что неприятно, но зато, когда это удастся, то становится хорошо. Общество. Я уже тебе писал, что я очень подружился с одним московским ученым. Помнишь, может быть, как много лет тому назад, в Нижнем, я говорил тебе о том, что я не прочь был бы устроить его у себя на квартире, а ты сказала, что вряд ли он в этом нуждается, и что некоторым вещам и психологическим состояниям нельзя научить. Ну, относительно квартиры дело удалось, правда не так комфортабельно, как это можно было бы сделать в Нижнем, и живем мы с ним в одной комнате, но это делает разговоры более частыми и интересными. Действительно, это хорошая компенсация многих неприятностей. Он очень близко знал тех литературных светил, которыми мы в свое время увлекались, и рассказывает про них очень интересные подробности. Кроме того, он часто говорит со мной на темы научные из области точной науки, в которой он глубоко разбирается, а иногда касается и не точной науки. В общем, это дает мне в отношении научного общения во много раз больше, чем я получил за все время работы в университете от своих товарищей. Когда-нибудь я тебе напишу самое интересное из того, что он рассказывал о московской группе писателей. В отношении поэзии наши вкусы совпадают абсолютно, хотя в отношении Фета мы не сторговались. Он чувствует в нем струи, родственные по крови Гейне, чего я никогда не ощущал. Он крупный математик, и это я использую, посещая его лекции в кружке И.Т.Р. Таким образом, ты видишь, что и в отношении компании тут не плохо. С едой, одеждой, квартирой, отоплением, освещением (электричество) все благополучно. Во всяком случае, не будь семейства и Тары, я бы чувствовал себя отлично в этом уютном и спокойном месте. Нужно сказать, что после всех приключений в Горьком, сумасшедшего этапного петляния Нижний – Бологое – Полоцк – Витебск – Кемь – Морсплав – Соловки, самое приятное, это, конечно, Соловки. Не знаю, можно ли питать надежды на близкое изменение состояния, но пока что из всех зол – Соловки являются, пожалуй, добром».

⁶¹ - Голубкина Анна Семеновна (1864–1927) – скульптор, знакомая о. Павла Флоренского по ВХУТЕМАСу.

⁶² - Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – ученый-естествоиспытатель, академик, переписывался с о. Павлом во время ссылки, о. Павел очень ценил его как ученого, учеником Вернадского был сын Флоренского, Кирилл.

⁶³ - «Разговоры Гете с Эккерманом» – мемуары Иоганна Петера Эккермана (1792–1854), личного секретаря И.В. Гете.

⁶⁴ - Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832) – великий немецкий поэт, писатель, мыслитель и естествоиспытатель. Его мироощущение с детства было близко о. Павлу Флоренскому, это любимый писатель и мыслитель его отца: «...с детства, с тех пор почти, как научился я читать, у меня был в руках «Гете и Гете без конца» – т.е., конечно, не брошюра Дюбуа Реймона, а самый Гете. Он был моей умственной пищей. Рассудочно я мало его понимал, но определенно чувствовал – это и есть то самое, что сродно мне» («Детям моим», с. 158).

⁶⁵ - Речь идет о книге: Метнер Э.К. Размышления о Гете. М., 1914 г.

⁶⁶ - Правильно – Лихтенштадт: Лихтенштадт Владимир Осипович (1882–1919) – народоволец, переводчик И.В. Гете. В 1920 году вышел составленный им сборник трудов Гете по естествознанию, в его переводе – Гете И.В. Борьба за реалистическое мировоззрение: искания и достижения в области изучения природы и теории познания. Пг., 1920. Перевод был сделан во время заключения в Шлиссельбургской крепости.

⁶⁷ - Флоренский Иван Андреевич (1815–1866) – дед о. Павла Флоренского по отцовской линии, врач, главный лекарь лазарета в Грозном во время Кавказской войны, погиб от холеры, похоронен в Моздоке. Прадед, Андрей Матвеевич Флоренский, – о нем о. Павел пишет: «Прадед мой Андрей Матвеевич Флоренский состоял при Христорожественской церкви села Борисоглебского Костромской губернии Макарьевского уезда, недалеко от Юрьевца, в 10-ти верстах, дьячком, в 20-х гг. прошлого, XIX столетия» («Детям моим», с. 286). Предположительные годы его жизни – 1790–1829. Прапрадед Матвей Афанасьевич (Иванович – описка о. Павла) – также служил дьяконом в церкви Рождества Богородицы в Костромской губернии. Сведения об этой «костромской ветви» своей семьи о. Павел нашел в клировой ведомости 1795 г. «Родословие священно-церковнослужителей церкви в честь Рождества Богородицы с. Пречистенского погоста Костромской епархии».

⁶⁸ - Соловьева Анфиса Уаровна (18?–1850) – первая жена И.А.

Флоренского, бабушка П.А. Флоренского. О ней о. Павел пишет: «...в отцовском роде музыкальная наследственность, несомненно, тянулась от матери отца, Анфисы Уаровны Соловьевой, которая была хорошей музыкантшей. И с отцовской, и с материнской стороны она должна была быть музыкальной и вращалась в музыкальных кругах; между прочим, к дому ее родителей были очень близки оба Гурилева, и отец, и сын» («Детям моим», с.81., см. примеч. 3 к следующему письму). Флоренский также пишет, что роды сына Александра – его отца – «стоили ей жизни». Флоренская (урожд. Ушакова) Елизавета Владимировна (1830–1911) – вторая жена И.А. Флоренского. С семьей Пекоков Павел Флоренский постоянно общался в Москве, в бытность свою студентом Университета.

⁶⁹ - Александра Готлибовна Пекок – оперная певица, выступавшая под псевдонимом Алина Марини. О ней Флоренский пишет: «...тетя Алина, как мы ее называли, была для нас полумифическим существом, известным нам по рассказам тети Юли... Имя этой тети протягивало от нас нити в Москву, в Милан, и вообще в Италию, и даже на оперную сцену. К тому же личность тети Алины была повита загадочностью, о ней таинственно не могли ничего толком узнать, и чувствовалось – это неспроста» («Детям моим», с. 79).

⁷⁰ - Четвертая сводная сестра А.И. Флоренского – Лидия Ивановна. Одной из сестер – Людмиле Ивановне, в замужестве Струковской, Флоренский посвящает несколько страниц в своих заметках по истории семьи, она была фельдшером, общественной деятельницей, служила в переселенческой организации («Детям моим», с. 349–354).

⁷¹ - Сапаров Павел Герасимович (1820–1878) – дед о. Павла Флоренского по материнской линии. О древнем армянском роде Сапаровых Флоренский собрал обширный материал. Он отмечает «чувство превосходства, свойственное роду», его богатство, высокую культуру. О самом Павле Герасимовиче пишет: «Один из первых богачей на Кавказе, щеголь и законодатель мод, любитель красивых вещей, дед мой Павел Герасимович Сапаров вовсе не был противник иных культур, чем патриархальная армянская... В его доме восточные обычаи сочетались с симпатиями к русской государственности и европейской роскоши» («Детям моим» с. 25–26), – по делам он постоянно бывал во Франции (откуда вместе с лионским шелком привез в дом туберкулез, который стал бичом рода Сапаровых – многие члены семьи скончались от этой болезни). Тем не менее именно то, что его дочь – мать Флоренского – собиралась выйти замуж за русского, стало причиной семейного конфликта, отец так

и не дал благословения на этот брак. В результате этого конфликта мать не любила рассказывать о своей семье, это было запретной темой. «Мать сознавала себя оторвавшейся от своего рода...» – пишет в своих воспоминаниях Флоренский. Из деликатности, чтобы не задеть чувства жены, отец Флоренского тоже мало говорил о своей семье. Поэтому семья жила в отрыве от корней – даже ближайших предков: «И в пространстве и во времени были мы “новым родом”, новым поколением – сами по себе. Мы, дети, почти не знали прошлого своей семьи, не говоря уже о нашем роде... Я рос без прошлого». Флоренский очень сокрушался по этому поводу и всю сознательную жизнь заполнял этот разрыв поколений, собирая все до мельчайших подробностей о своем роде. Сапарова (Паатова) София Григорьевна (?–1866) – бабушка о. Павла Флоренского по материнской линии, жена П.Г. Сапарова. В «родословных росписях» семьи есть сведения и о более дальних предках Флоренского по этой линии – Герасиме Сапарове, Григории Паатове и его жене Калинке и др. («Детям моим», с. 471, раздел «Родословные росписи»).

⁷² - Юлия Ивановна Флоренская (1848–1894) – младшая сестра А.И. Флоренского, любимая тетушка Павла Флоренского, о ней он пишет в воспоминаниях: «Она была мне и другом, и товарищем, и учителем; с ней я делился своими горестями и радостями, от нее получал выговоры и наказания (хотя таковых бывало очень мало), вообще все человеческое было у нее. Она не подавляла меня своей отрешенностью от мелочей жизни; с нею можно было поболтать о нарядных платьях, кружевах, бантиках и шляпах, до чего я был большой охотник; с нею можно было собирать цветы и делать букеты; вообще с нею можно было жить» («Детям моим», с. 38).

⁷³ - Тетки Павла Флоренского со стороны матери: Елизавета Павловна Мелик-Беглярова (1854–1919), Варвара Павловна Чрелаева (1861–1891), Репсимия Павловна Коновалова (1865–1930 (?)), София Павловна Карамян (1866–1939). Дядя – Аркадий Павлович (1859-до 1921).

⁷⁴ - Дети тети Лизы – Мелик-Бегляров Давид Сергеевич (1875–1913) и Оганесян (Мелик-Беглярова) Маргарита Сергеевна (1872–1920 (?)). Рядом с местом рождения о. Павла – Евлахом, находилось имение Мелик-Бегляровых «Карачинар», одним из хозяев которого был Сергей Теймуразович Мелик-Бегляров – муж Елизаветы Павловны, Флоренские часто бывали в этом имении.

⁷⁵ - Дети тети Вари – София Степановна Чрелаева, Александр Степанович Чрелаев, Василий Шиоевич. Дети тети Сони: Карамян Хамяк

Николаевич (1891–1939) – репрессирован, погиб в лагере. Дочери – Грета Николаевна Карамян (1896–1916) и Эльза Николаевна Карамян (1894–1920) – умерли от туберкулеза.

⁷⁶ - Арманд Тамара Аркадьевна (1880–1960) – двоюродная сестра Павла Флоренского, была замужем за Львом Армандом, братом мужа Инессы Арманд. Другие дети – Елена, Нина, Павел, Екатерина и Мария.

⁷⁷ - Алиханова (Сапарова) Нина Аркадьевна – Флоренский упоминает «...двоюродную сестру Нину Сапарову, учившуюся в Москве, которая поражала всех, совершенно исключительной, какой-то неземной хрустальностью своего голоса и умерла после первого или второго выступления» («Детям моим», с. 81). Умерла она от семейной болезни Сапаровых – туберкулеза

⁷⁸ - Ольга Александровна (Флоренская) Троицкая (1892–1914) – третья сестра Флоренского, художник-миниатюрист, поэтесса. В 1909 г. вступила в брак с С.С. Троицким, другом Флоренского, была близка кругу Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, состояла в переписке с ними. Отошла от них под влиянием Павла Флоренского.

⁷⁹ - Иванов Сергей Васильевич (1864–1910) – русский живописец и график, передвижник, член Союза русских художников, автор многих произведений на темы крестьянской жизни. О нем о. Павел Флоренский записал рассказ художника М.В. Нестерова (см. «Детям моим», с. 368–370). То, что именно С.В. Иванов – потомок рода Ивановых, из которого происходит прабабушка Флоренского, – является предположением Флоренского, не подтвержденным фактами.

⁸⁰ - В «Записках» Погодина упоминается другой брат – Николай Уарович, действительно, в 1832 г. блестяще поступивший в Университет вместе с И.С. Тургеневым, бывшим его товарищем. Конкордий Уарович в 1834 г. также поступил в Московский Университет, но «сторонним слушателем», в дальнейшем стал врачом. Третий брат – Дмитрий Уарович, врач.

⁸¹ - Гурилев Александр Львович (1803–1858) – композитор, пианист, автор популярных романсов и песен. Сохранилось собрание романсов Гурилева, бережно переплетенных в одну книгу: Романсы и песни. Музыка А. Гурилева. Тт. 1, 2. Москва. Издание А. Гутхейль, с автографом: «...Из книг священника Павла Флоренского. 1915.12–1916.1». Оглавление написано о. Павлом. В воспоминаниях он говорит о том, что Гурилев бывал в доме его бабушки по отцу, Анфисы Уаровны Соловьевой, вместе с отцом, тоже музыкантом – Л.С. Гурилевым.

⁸² - Речь идет о книге Василия Марковича Флоринского «Домашняя медицина» (9-е изд. СПб., 1908).

⁸³ - Автор портрета Иванов Дмитрий Иосифович (1880–1938), до ареста работал в Ленинграде, в разных учебных заведениях преподавателем графики. Был арестован в 1932 г. Портрет датируется апрелем 1935 года. В 1938 году Д.И. Иванов был осужден к высшей мере наказания, расстрелян 20.02.1938. См. портрет на с. 166.

⁸⁴ - Оз (геол.) – гряда в виде узких извилистых валов с волнистой линией гребня.

⁸⁵ - Приведем письмо Р.Н. Литвинова этого же времени, где говорится о жизни сотрудников лаборатории и рассказывается об о. Павле (1935.IV.21): «С каждым месяцем становится труднее писать письма, так как впечатлений новых, в сущности, нет, а то необыкновенное, что бросалось в глаза, становится привычным и писать об этом не имеет смысла. Я на Острове «только» 9 месяцев, т.е. почти что новичок... Эстетические мои потребности полностью удовлетворяются курсом высшей математики, который имеет место в Кремле через три дня в четвертый (лектор на курсах – з/к Павел Флоренский. – Ред.) и пейзажами. Разговоры наши очень редко касаются злободневных островных тем, как будто бы мы и не были островитянами. Разве что расскажут какой-нибудь местный анекдот или последнюю новость. Иногда – но это бывает, когда мы не очень устали, т.е. довольно редко, ночью, уже в постели (нельзя писать – в диванах, как это есть на самом деле) я с однокомнатником некоторое время тихо беседуем. О чем угодно, начиная с философских тем, переходя то на поэзию и теорию стиля, то на термодинамику или органическую химию. Нужно сказать, что редко я встречал настолько образованного человека и в то же время такого глубокого. В то же время он очень беспомощен в таких простых делах, как например, ну забивка гвоздя, путается в арифметических действиях и к тому же бесконечно деликатен, так, что даже когда делают глупости – он делает вид, что это, видимо, так и надо. В общем, все имеет свои компенсации. Для меня он большое утешение. Кажется мое общество ему тоже не является неприятным. Он пишет домой очень мелким почерком, еще убористее моего, и так как у него семья большая, то письмо пишется с таким расчетом, чтобы его можно было бы разрезать на полосы и отдать каждую адресату. Так в невинных изобретениях проходит понемногу время. А летит оно поразительно быстро, вероятно, оттого, что нет никаких вех для зацепления». Через два дня – 1935.IV.23– Р.Н. Литвинов посвящает

Флоренскому почти половину письма: «Работа двигается вперед. Тут мы ищем разрешения практической проблемы, а пока что пришлось наткнуться и справиться с теоретической задачей. Это было очень весело. Название задачи – потенциалы концентрационной цепи серебра, азотнокислое серебро, галоиды серебра и серебро в зависимости от температуры и концентрации. Зачеты идут, по здешнему масштабу великолепные, точно не помню какие, настолько по существу они незначительны... Мой сожитель, о котором я с тобой говорил в Нижнем, очень милый человек и относится к людям первого порядка. Образован чрезвычайно – от ассирийской клинописи до физикохимии – от метрики и ритмики до сверхвысшей математики. Крайне беспомощен в делах хозяйственных. До предела деликатен. Суждения и вкусы литературного порядка совпадают с моими на 100%. В работе экспериментального порядка я сильнее, в работе теоретического порядка – он. Хотя, как нарочно, раньше он много работал именно экспериментально, но по рассеянности обязательно что-нибудь ... перепутает. В общем, мы стали большими друзьями, хотя, вероятно, он доставляет мне больше интересных мыслей, чем я ему. Он с тобой заочно знаком и просил передать от него поклон. Что я и делаю. Очень любопытные вещи он рассказывал и о А. Белом, и о В. Брюсове. С первым из них он был в личной дружбе, а со вторым – совсем нет. Много говорит о Розанове и В. Иванове, которые были близкими его знакомыми. Вообще же говоря, тот подход к вопросам трансцендентного порядка, о котором мы с тобой когда-то говорили (если ты не забыла), совершенно неожиданно оказался очень реальным. В той мере, которую он применяет, многое совершенно для меня приемлемо. К сожалению, абсолютно мало времени для разговоров, которые не представляют интереса для других обитателей нашего скита. Нужно сказать, что по случаю отсутствия реальных помех этому делу, балуемся мы стихосложением. Возобновил я это занятие в подвальчике на М. Покровке (от нечего делать), а он на БАМе. Таким образом, он ночью читает мне отрывки из своей поэмы (о вечной мерзлоте), а я ему более сжатые вещи и хвалим друг друга. Как видишь, во всем есть утешение. Конечно было бы лучше, если бы не приходилось утешаться. Но приходится...» Это письмо – яркий пример иносказания. Понятно, что собеседники говорили о религии, а говорить об этом было опасно: «абсолютно мало времени», «всюду помехи», а разговоры «не представляют интереса для других». Слова «подход к вопросам трансцендентного порядка, о котором мы с тобой когда-то говорили (если ты не забыла), совершенно неожиданно оказался очень реальным» можно

понять как указание на то, что Флоренский мог тайно совершать богослужения. «Отрывки из поэмы о вечной мерзлоте» – фрагменты поэмы «Оро».

⁸⁶ - Так звали в семье сестру П. Флоренского Ольгу.

⁸⁷ - Гиацинтов Михаил Михайлович (?–1915) – брат А.М. Флоренской, священник.

⁸⁸ - Вифания – скит Троице-Сергиевой Лавры.

⁸⁹ - Цитата из книги немецкого поэта Ангелуса Силезиуса (псевдоним Иоганна Шефлера; 1624–1677) «Херувимский странник» (1674). См.: Silesius Angelus. Cherubinischer Wandersmann. Herausgegeben von Georg Ellinger. Halle, 1895. S. 29; Силезиус А.

⁹⁰ - Вероятно, это Борис Васильевич Максоров, сотрудник П.А. Флоренского по ВЭИ, в соавторстве с которым были написаны многие статьи по материаловедению. Доверенности на его имя Флоренский посылал еще из дальневосточной ссылки.

⁹¹ - Об этом – Р.Н. Литвинов (1935.VI.21): «...Солнце почти что не заходит и круглые сутки поют птицы. Не знаю, установлено ли у них дежурство, но пение идет без перерыва. Ночь отличается от дня главным образом температурой. Днем – почти жарко, ночью – прохладней. Вода в озере согрелась настолько, что утром, вместо мытья, я в одном белье иду на озеро, с плота ныряю в глубину, плаваю, потом выхожу на плот, мылюсь и опять плыву, смывая с себя остатки мыла. Перед обедом, часов в пять, мы идем целой компанией – наша лаборатория, почти в полном составе, и тут уже идет основательное плавание и ныряние...»

⁹² - Об условиях жизни в лаборатории пишет Р.Н. Литвинов «1935.V.23): «...Бытовые условия тут совершенно исключительны. Нигде и никогда, конечно, не может повториться этот старинный и хорошо сохранившийся дом на горке около озера в лесу, окруженный малинником, уютные комнаты с электрическим освещением, великолепный вид на далекий Кремль и море. Воздух отличный, совсем беспыльный: неудивительно поэтому, что физически я поправился».

⁹³ - Катя – Гиацинтова Екатерина Александровна (1910–1991), племянница А.М. Флоренской.

⁹⁴ - Художник з/к Иванов Д. И.

⁹⁵ - Вот как пишет о распорядке жизни в лаборатории Р.Н. Литвинов (1935.V.19): «...Какие были события в этом месяце? Никаких. Ходил иногда в Кремль на лекции высшей математики, а так как сплю с лектором

в одной комнате, то и хожу вместе с ним, ведя по дороге разговоры на темы не математические, в частности больше всего о поэзии. Вероятно, он бы тебе очень понравился. Он очень образованный и интересный человек. Крупный математик, физик, философ, филолог и даже химик. Практических навыков никаких. Житейски беспомощен. Близорук. Очень умный, чуткий и добрый. Ясно, что мы с ним не ссоримся. Вообще, чтобы не сглазить, в этом отношении у нас хорошо – ни разу за все время не было ни одного столкновения. А когда люди живут в тесном и несменном общении – конфликт почти неизбежен. У нас на что ты кроткая, а и то... Начальство и остальные два члена нашей коммуны между собой иногда, очень редко, все-таки устраивают семейный шип небольшого масштаба, но мы с однокомнатником не включились. С соседями (у нас рядом маленький домик, где живут четыре сибиряка) видимся редко и всегда очень любезны. В “городе” связей почти нет, но знакомства делового характера есть и в большом количестве. Нельзя перечислить, сколько за это время появилось знакомств к великому ущербу для головного убора. Много любопытных экземпляров, а в общем невообразимый винегрет, писать о котором не стоит. Работа наша движется постепенно, оборудую лабораторию по-новому. Уже сейчас ее нельзя узнать сравнительно, ну скажем, с соседней. Электрохимический отдел полностью мною оборудован, и ты можешь делать все определения, которые необходимы с полной точностью. Многого, конечно, не хватает, но это совершенно понятно. В конце концов, образ жизни у нас, в частности, у меня, достаточно приятен. Встав ото сна, откушаем чаю. К нему селедка беломорская и картофель в мундире. Потом легкая и приятная физкультура – дровишки, дело, в котором я приобрел почти профессиональные навыки. Уборка – которую я тоже люблю делать – в твою честь и воспоминание. Потом лаборатория. Последнее время пришлось много чертить и вычислять. Это приятно. Перед обедом выйдешь на горку и поглядишь на далекий Кремль и море. Увидишь белую полосу льдов и кое-где свободную синюю воду моря. Обед из двух блюд. Суп с мясом или без. На 2-е каша, или горох, или чечевица. Потом чай. К нему хлеб или лепешки из ячменной муки, сладкие и солоноватые. После обеда – полчаса довольно длинных, в горизонтальном состоянии. Увы, никто не мешает, никто не сядет на «пять минут», никому не нужно рассказывать сказку про быка. Поднявшись, идешь в лабораторию. Иногда немножко считаешь – но именно немножко...»

⁹⁶ - Речь идет о «Словаре изоляционных материалов», который редактировал о. Павел Флоренский.

⁹⁷ - Фаворский Никита Владимирович – талантливый гравер, сын В.А.Фаворского (1886–1964) – художника, друга о. Павла Флоренского и В.И. Вернадского. Семья Фаворских жила в Загорске в 1920–1939 гг., В.А. Фаворский сотрудничал с о. Павлом во ВХУТЕМАСе. Кирилл рекомендовал Никиту В.И. Вернадскому в состав экспедиции.

⁹⁸ - Во время экспедиций в Забайкалье К.П. Флоренский под руководством А.М.Симорина, а затем самостоятельно, в течение двух полевых сезонов вел сборы образцов почв, растений, представителей фауны для решения загадки уровской болезни – тяжелого эндемического заболевания. Изучением этой особой биогеохимической провинции было по сути дела положено начало практическому применению новой науки – биогеохимии. В научной периодике удалось отыскать упоминания об участии К.П. Флоренского в сборе материала и изучении химического состава почв, вод и пород в Восточном Забайкалье, см.: Виноградов А.П. Геохимические исследования в области распространения уровской эпидемии// ДАН СССР. 1939. Т.23, с. 64–67.

⁹⁹ - В.И. Вернадский был организатором и первым директором Радиевского института, где, предполагалось, будет работать сын Флоренского, Кирилл, но этот план не осуществился.

¹⁰⁰ - 11 июля (24 июля н. с.) – день памяти св. равноап. княгини Ольги – именины матери о. Павла Флоренского и его старшей дочери. Кроме того, 1 июля – день рождения Юлии Александровны Флоренской (Люси), сестры о. Павла.

¹⁰¹ - Об этом – у Р.Н. Литвинова: «Я уже писал тебе о поразительной нежности и прозрачности красок облаков и неба. Нет-нет, а залюбуешься ими. Если взойти на пригорок в 30 шагах от нашей двери или попросту влезть на крышу – видно море, с мелкими каменистыми островками и бледный горизонт. Насколько соблазнительно Черное море, настолько же сурово и неприветливо Белое... Так и вспоминается песня Варяжского гостя и картины Рериха. Но никак нельзя сказать, что оно некрасиво, только безжизненно...»

¹⁰² - Дед Флоренского по отцу, происходивший из семьи потомственных священнослужителей (см. примеч. к письму от 22–23 апреля 1935 г., с. 108) – переведен из семинарии на медицинское отделение Московского Университета, стал военным врачом, погиб от холеры. В этом уклонении от служения алтарю о. Павел видел ошибку, которая тяготеет над всем их родом, с этим связывал и ранние смерти мужчин в их семье и считал необходимым для своего рода вернуться к

священническому служению (см. «Завещание»). Собрав сведения о самых разных, иногда отдаленных ветвях своего рода, Флоренский напишет В.В. Розанову (1915.Х.26): «...костромские дьячки одни только всецело привлекают мое внимание, и сердцем я именно с ними» («Детям моим», с. 282).

¹⁰³ - Р.Н. Литвинов, 1935.VII.22: «Раза три собирали грибы, я с Флоренским, ранний опенок, и варили в большой трехлитровой кастрюле. Появились подосиновики, но в очень малом количестве. Как ни странно, но я и по грибной части становлюсь опытным грибакой. Рябина, которой тут очень много, уже отцвела. Под окном цветет сирень и – что приятнее – малина. Было приятно видеть сплошные поляны брусничного цвета. В прошлом году было изобилие черники и голубики, но в этом году ее будет немного. Зато брусники! И морошки! Морошка уже налилась, в нашем районе ее столько, как в садоводстве клубники на грядках. Я ее ни разу не пробовал, но так как ее очень хвалил папа, то думаю, что по аналогии с другими вкусами морошка будет мне приятна. Таковы наши лесные новости...» И несколько позже – тоже о повседневной жизни сотрудников лаборатории (1935.VIII.17). «...Мы с приятелем взяли корзины и пошли бродить в окрестностях дома. За полтора часа мы набрали 11 кг грибов, из них 2 кг белых, а остальные березовики и осиновики. Понятно из того, что грибы мы готовим утром, в обед и вечером... Так как у нас на 4 человек 5 брюк, то двое сушат промокшие невыразимо над плитой, а сами ходят без оных. Свои суконные штаны я сдал в чинку приятелю, о котором я уже писал, и он их чинит, одновременно рассуждая о разности мировосприятия у Тютчева и Гете...»

¹⁰⁴ - П.А. Флоренский обвенчался с Анной Михайловной Гиацинтовой 25 августа 1910 г. Венчал их брат Анны Михайловны, священник Михаил Гиацинтов. В 1935 г. исполнилось 25 лет со дня венчания – серебряная свадьба. Об ошибке в письме (24 года) о. Павлу напишет Анна Михайловна, Он будет очень переживать о ней. Эта ошибка – одно из немногих свидетельств реальной обстановки в лагере и состояния самого о. Павла, всегда столь внимательного к датам и семейным событиям, а также подтверждение его ощущения, неоднократно упоминаемого в письмах, – об утрате чувства времени на Соловках.

¹⁰⁵ - Акварельный портрет работы Пакшина Петра Ниловича – з/к, художника, на Соловках работал декоратором в театре.

¹⁰⁶ - В конце августа сотрудники лаборатории, в т.ч. Р.Н. Литвинов и Н.Я. Брянцев, были переселены в поселок, в кузнечный корпус. Брянцев

Николай Яковлевич – з/к, соавтор о. Павла Флоренского по заявке на изобретения: «1889 г.р., ур. г. Варшавы, обр. высшее, работал в Новосибирске в Крайплане инженером». Приговорен к ВМН 09.10.1937 г. Расстрелян 27.10 или 1–4.11.1937 г. под Медвежьегорском. С нового места пребывания з/к Флоренского сразу последовали доносы: Совершенно секретно РАБОЧАЯ СВОДКА № 39. группа СПО III-й части 8-го Соловецкого отдела ББК-НКВД ПО СОСТОЯНИЮ НА 7 ОКТЯБРЯ 1935 г. РЕАГИРОВАНИЕ З/К НА ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТ 14 И 22 СЕНТЯБРЯ – 35г. 1. 25 сентября с/г в помещении Кузнечного корпуса з/к ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович (ст. 58–10–11 срок 10 лет), беседа с з/к БРЯНЦЕВЫМ Николаем Яковлевичем и ЛИТВИНОВЫМ Романом Николаевичем на тему о введении персональных военных званий Нач. состава РККА, высказывался: «В этом постановлении чувствуется тенденция на проявление сходства с буржуазными армиями, в частности с французской. В общем все-таки не совсем понятно введение в нашей армии чинов. Ведь раньше у нас эти чины, которые вводятся, например, полковник и др. были просто ругательными словами. Выходит так, против чего раньше боролись, теперь к этому возвращаемся снова», с/с «Хапанели» 23/IX – 35 г. РС N39 СПО 8 отд. Приписка к донесению: З/к Флоренский является участником СПО как АСЭ. Агнаблюдение за ним продолжается. (Архив УКГБ Москвы и Московской области, архивный N212727, т. 2, л. 680). Из писем и из авторского коллектива патентов следует, что в камере в кузнечном корпусе жило четверо: Р.Н. Литвинов, П.А. Флоренский, Н.Я. Брянцев и Ю.Е. Станилович. С/с высчитываем методом исключения. Вот как описывает обстановку в середине сентября 1935 г. с/с – секретный сотрудник, который носил кличку «Хапанели» – так называлась модель финских лыж, производившаяся на Соловках. БВГ 24.X.35 С/С «Хапанели» Прин. нач. 3 ч. Акимов 1935 г. 10/IX в комнате кузнечного корпуса, где живут профессор ФЛОРЕНСКИЙ П.А., ЛИТВИНОВ и БРЯНЦЕВ, велся разговор на следующую тему: БРЯНЦЕВ говорит, что он слышал по радио, где передавали, что в Австрии за антигосударственные преступления дали одному 1 1/2 года, другому – 10 месяцев и третьему – 9 месяцев – каторжных работ. Далее он поясняет, что если бы у нас в СССР сделать такое преступление, то наверняка дали бы «вышку» или в лучшем случае-10 лет через вышку. ФЛОРЕНСКИЙ говорит, что «да, действительно, у нас в СССР там ... карают даже ни за что». Далее разговор переходит на тему о том, как кто сидел на Лубянке и кого как допрашивали. ФЛОРЕНСКИЙ говорит, что меня следователь допрашивал все о том, чтобы я назвал целый ряд фамилий, с которыми я,

якобы, вел несуществующие в действительности контрреволюционные разговоры. Но после моего упорного отрицания мне следователь сказал, что «де мол нам известно, что Вы не состоите ни в каких организациях и не ведете никакой антисоветской агитации, но на Вас в случае чего, могут ориентироваться враждебные сов. власти люди, что вы не устоите, если вам будет предложено выступить против Сов. власти. Вот почему, говорит далее ФЛОРЕНСКИЙ, дают такие большие срока заключения, т.е. ведется политика профилактического характера, заранее. Предотвращают преступления, которые и не могут даже быть. Следователь мне и далее говорил (говорит ФЛОРЕНСКИЙ), что мы не можем так поступать, как поступало Царское Правительство, которое показывало на совершившиеся преступления, нет, мы предотвращать должны, а то как же так, ждать пока кто-либо совершит преступление, тогда его и наказывать, нет так далеко не пойдет, надо в зародыше пресекать преступление, тогда будет прочнее дело. После этого ЛИТВИНОВ говорит, что при такой политике весь СССР перебудет в лагерях. БРЯНЦЕВ – и действительно верно ведь от профилактической политики даже и члены партии затаивают в себе отрицательные мысли. Когда я был в Кузбассе, в Кемерове, я был хорошо знаком с начальником тепло-электро-централи Соколовским старым партийцем, пользующимся большим влиянием в высоких кругах, так как он как-то однажды в 1932 г. пригласил меня к себе в гости и за рюмкой водки, как он говорил «отвести душу» высказал такие мнения против политики, что если бы он не был партийцем, что я бы подумал, что он самый махровый контрреволюционер (Брянцев не сказал, что Соколовский говорил). Потом Секретарь Райкома (какого-то назвал), когда я уезжал (очевидно из Кемерово, т.к. Брянцев в этих краях работал на воле), то этот секретарь мне столько послал гостинцев на дорогу, и при этом сказал, «эх, поговорить бы теперь под душам, чтобы отвести душу, по совести». Как видите, даже члены Партии и то в душе иначе настроены. Далее разговор перешел на тему о внутри Советском положении и о международном положении. БРЯНЦЕВ говорил о том, что внутривнутрипартийное положение таково, что даже нет покоя и членам Партии. ФЛОРЕНСКИЙ: «Да, очень много сейчас сидят в изоляторах видных старых большевиков». ЛИТВИНОВ – соглашается с Флоренским По международному положению говорили больше всего об Итало-Абиссинском конфликте. ФЛОРЕНСКИЙ говорит, что вряд ли Италии удастся подчинить под свое влияние Абиссинию, т.к. Англия очень здорово заинтересована в Абиссинии и очевидно, не даст в обиду Абиссинию. ФЛОРЕНСКИЙ и БРЯНЦЕВ говорят о Германии, о политике Гитлера, что политика Гитлера

очень схожа с политикой СССР БРЯНЦЕВ). Правда она, эта политика очень грубая, но довольно меткая (ФЛОРЕНСКИЙ). КОПАНИН 11/К-35 В ларек зашел прибывший с новым этапом некий ТРЕГЕР, после покупки товара я у него спросил, откуда прибыл, он ответил, что из Москвы, прибыл недавно, помещается в перпункте, да все хочется повидаться с профессором ФЛОРЕНСКИМ, да не знаю – где он живет, я ему сказал, что ФЛОРЕНСКИЙ живет в Кузнечном корпусе, то он спрашивает, «а разве Вы знакомы с ним» получив утвердительный ответ, он назвал свою фамилию «ТРЕГЕР» и сказал, что хорошо знаком с ФЛОРЕНСКИМ. На вопрос, каково положение на воле ТРЕГЕР ответил, что внешне там как будто ничего, но аресты большие идут, а в особенности весной 1935 г.». На этом разговор был прерван. КОПАНИН п.п. 1833 II гр. СПО передать пакет в гр. СПО подпись неразборчива (Архив УКГБ Москвы и Московской области, архивный №212727, т. 2, лл. 681, 686). С/С «Хапанели» 23/IX-35 г. Прин. нач. 3 ч. Акимов р.6 № 51 часть 8 отд. 13 сентября с/г в помещении кузнечного корпуса з/к ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович разговаривал с з/к ЛИТВИНОВЫМ Романом Николаевичем (58–8Б10 ч. 11 срок 10 лет), на тему о лагерной жизни, и оба они рассказывали друг другу, за что высланы в Соловки. В процессе разговора з/к ЛИТВИНОВ сказал: «К концу второй пятилетки половина СССР перебудет в лагерях, так как хватают всех и как попало». Продолжая этот же разговор з/к ФЛОРЕНСКИЙ высказывался: «Наша жизнь после лагерей будет вся измята, и если, после нашего освобождения, возникнет в стране какое-либо явление ненормального характера, то нас сейчас же опять в первую очередь посадят». Продолжая беседу, з/к ЛИТВИНОВ сказал: «Со мной во время предварительного следствия сидел один человек (фамилию он не назвал), который получил три года за то, что стрелял в портрет Калинина в пьяном виде. На это з/к ФЛОРЕНСКИЙ ответил: «Неужели КАЛИНИН так высоко котируется?» Фигуранты состоят под агентурным наблюдением. На донесении имеется резолюция: «Т. Акимову, На этих зз. обратить особое внимание. Они работают ВНИИЛОБОЛОТОРИИ» (АрхивУКБ Москвы и Московской области, архивный N0212727, т.2, л, 682). Документы приводятся с сохранением особенностей орфографии оригиналов.

¹⁰⁷ - Перефразированная цитата из Ветхого Завета: 1Пар. 15, 29

¹⁰⁸ - Имеется в виду Проектно-сметное бюро. Поскольку лабораторные работы по добыче йода из водорослей завершились и возникла необходимость налаживания промышленного производства,

работников лаборатории перевели в Проектное бюро. Это особое учреждение было укомплектовано высококвалифицированными специалистами, которых свозили со всех концов России для того, чтобы проектировать громадные стройки Беломоро-Балтайского лагеря и промышленные комбинаты Севера. В Проектном бюро велась подготовка к открытию промышленного участка Йодпрома, в которой были заняты и бывшие сотрудники химлаборатории. Флоренский и Литвинов были определены на временную работу в Проектное бюро.

¹⁰⁹ - Возможно, имеется в виду книга: Лобко И.А. Стандартизация физико-математических единиц и величин. Термины, обозначения и определения. М; Л., 1935.

¹¹⁰ - Какую книгу имел в виду о. Павел, точно не выяснено. Очевидно, она нужна была для работы над поэмой «Оро».

¹¹¹ - Речь идет об очередном переезде, на этот раз в Никольский корпус Кремля, что связано с новым ужесточением режима.

¹¹² - Об этом же – Р.Н.Литвинов (1935.VI.4): «...Очень жалею, что взял с собой так много вещей. Во-первых – было тяжело, во-вторых, их разокрали, в-третьих, я ими, в сущности, и не пользуюсь. Самой существенной вещью оказалась книга, которую я использую на письма. Бумага тут остродефицитна, так что из книги снабжаю сожителя, который сидит без бумаги (действительно, письма П.А. Флоренского этого времени написаны на линованных листах из амбарной книги. – Ред.). При математических наклонностях можно было бы вычислить, на сколько времени ее хватит. Но существует столько непредвиденных возможностей, что расчеты, наверное, не оправдаются. Да, из других развлечений тут существует еще печатная газета (собственная типография). В ней я недавно поместил статью о возможностях организации химической промышленности на нашем острове. Кроме того, приезжало высокое начальство и нас с сожителем вызвали к 12 часам ночи (было совсем светло, и закатная заря переходила в рассветную), и мы беседовали с ними часа три о возможности создания новых производств. Личных выгод от этого ждать пока нельзя. А если придется, в самом деле, ставить эти производства, то мне придется солоно. Сравнительно спокойный образ жизни и мирную работу в лаборатории придется сменить на проектирование? Стройку, монтаж, пуск в ход и эксплуатацию. А тут? К сожалению, лиц пригодных к этому ... кроме меня нет. Но так как дело это требует довольно заметных капиталовложений, то можно пока что и не волноваться. Да ты знаешь, что я к волнениям не очень склонен...»

¹¹³ - Флоренский описывает общую камеру на III этаже Никольского корпуса Кремля.

¹¹⁴ - Очередной переезд из общей камеры на III этаже в камеру на 4–5 человек на II этаже Никольского корпуса. Водорослевое производство тогда же перевели в поселок, в здание бывшего кожевенного завода. Об этих переездах пишет и Р.Н. Литвинов (1935.Х.7): «...ты уже знаешь, что мы покинули Биосад, который вспоминается как приятный и нереальный сон. Потом мы жили вне Кремля в кузнечном корпусе. Внизу там была старинная монастырская кузница. Здание любимого мною стиля – громадные своды, как на картинах, изображающих средние века и алхимиков, а наверху монашеские келии, в которых жили монахи-кузнецы. В одной из них жил я с двумя инженерами. Все это стояло на берегу б. Святого озера, очень большого и красивого. На его берегу стоит и Кремль. Но в один печальный и дождливый вечер пришло распоряжение перебраться в Кремль. На следующий день после работы мы перетащились в камеру на 32 человека, меблированную в стиле вагона III класса. Общество там было совершенно прилично. Исключительно работники проектного бюро, в котором я работаю. Впрочем, житье тут тоже не было длительным. Через дней пять я совершил переход в этаж пониже, уже в келию, где нас 4 человека. Первый из них – твой муж, которого бы ты не узнала, такая у него длинная борода, второй – мой сожитель по Биосаду, ученый-математик и философ. И еще два инженера. Один из них очень интересен. Долго жил в Америке – лет десять, жил в Австралии, плыл девяносто дней на парусном корабле, видел очень много и умеет об этом рассказывать. При этом нужно сказать, что, конечно, у нас оказались общие знакомые, очень давно потерянные мною из виду. Таким образом, я узнал много о судьбе людей, которых считал совсем ушедшими с моего горизонта. Поэтому с каждым новым знакомым стараешься договориться – нет ли общих знакомых. Утром на работу нужно к 9 часам. Потом обед (забыл сказать, что утром перед работой завтрак из двух блюд). К 5 часам после обеда отдохнешь, а потом опять в бюро. Работа в бюро достаточно интересна. Мы сейчас проектируем кирпичный завод. Проект интересный, но трудный, так как очень мало материалов. В общем, я доволен работой. Там я что-то вроде маленького начальства. Получаю в месяц около 40 рублей. Теперь можно даже расходовать эти деньги. В бюро есть буфет. В буфете выбор небольшой, но есть. Простокваша – 20 к. стакан. Круглая булка размером с кулак – 43 к., коврижка размером 6x12x4 сантиметра (приблизительно), прослоенная брусничным вареньем, – 30 к. В ларек привезено много дынь. Продаются они 75 к. кило. Мы купили и

слопали 3 штуки. Очень хороши...» З/к, который жил в Америке и Австралии, вероятно, – Гендлин Евгений Исаакович (1890-?), путешественник, член РСДРП с 1904 г., окончил Гарвардский университет США, после революции работал там в посольстве СССР, вернулся на родину и работал в Госиздате. В 1931 г. арестован и осужден по статье 58–7 (вредительство). Отбыв срок, в 1941 г. освобожден и работал в Карелии.

¹¹⁵ - Голованенко Сергей Алексеевич – ученик о. Павла Флоренского по Московской Духовной Академии. До своего ареста посещал семью о. Павла в Загорске.

¹¹⁶ - Дервиз Елена Владимировна (1890–1973) – пианистка, родная сестра Марии Владимировны Фаворской (1890–1959), жены художника В.А. Фаворского.

¹¹⁷ - Речь идет о поэме «Оро».

¹¹⁸ - В воспоминаниях о. Павел пишет: «...цветочное царство в целом – любил до самозабвения и считал, что не могу не любить его, если даже моя фамилия, – как я тогда думал, – происходит от флоры, богини цветов» («Детям моим», с. 113).

¹¹⁹ - Лобко И.А. Стандартизация физико-математических единиц и величин. Термины, обозначения и определения. М.-Л., 1935.

¹²⁰ - Отец Павел Флоренский описывает свое новое место жительства при заводе Йодпром. Промышленное производство йода» альгина и агара из морских водорослей располагалось в здании старинного кожевенного завода монастыря, к которому пристроили обширный двухэтажный корпус. Туда же переселили всех специалистов, занятых организацией нового производства. Отец Павел перебрался на новое место жительства 20 февраля 1936 г. Флоренский и Литвинов вновь поселились в одной комнате. Окна комнаты выходили на север, к Банному озеру. Об этом новом месте жительства пишет и Р.Н. Литвинов (1936. II.23): «...Наверху в большой комнате, рядом с лабораторией живем «мы». Нас пятеро. Из них один мой постоянный спутник (Флоренский. – Ред), остальные – новые сожители. Живем тихо. Отопление паровое, пожалуй, слишком энергичное, так что спать под двумя одеялами жарко. Молено спать и без одеяла. Из других радостей можно отметить плитку, которую можно топить когда угодно, паровой кипятильник, так что можно когда угодно пить чай, и приятные виды из окон. Я привез сюда кое-какую мебель, так что устроился с комфортом. Очень много работы. Верчусь как волчок – и все-таки не успеваю сделать и половины нужного...»

¹²¹ - Агар (агар-агар) – вещество, содержащееся в клеточных стенках

красных водорослей, широко используется в кондитерской промышленности. О работе над получением агар-агара пишет Р.Н. Литвинов (1935. XII.16): «...Что мы сейчас делаем? Нужно сказать, что вожусь с водорослями. Вчера мы получили так называемый агар-агар из водоросли, которая носит имя анфельция пликата и в полу-засохшем виде на ощупь напоминает твои волосы. Из нее мы выварили вещество, которое прибавляется в мармелад для его застудевания. Вообще я много вожусь с водорослями. В них приятен запах – морской и немножко тяжелый, и из них мы делаем всякие вещи – и клей, и лаки, и проклеиваем бумагу, и делаем кальку и краски и т.д. Ставим производство, сначала небольшое, с тем, что если пойдет удачно, то развернуть его до грандиозных масштабов. Если удастся – то будет создана совершенно новая промышленность, не удастся – будет ценный опыт, которым полезно будет поделиться. За прошлый год мы написали несколько статей, которые должны быть напечатаны. Если напечатают, то я постараюсь послать тебе экземпляр, если, конечно, это будет возможно...» Таким образом, первый агар-агар получен 15 или 16 декабря 1935 г.

¹²² - Имеется в виду выбор имени для ожидавшегося ребенка Василия и Наталии Флоренских. О каком имени в данном случае шла речь, выяснить не удалось.

¹²³ - Быков ИМ. Речь идет о продолжении работы по изучению мерзлоты, начатой еще в ссылке на Дальнем Востоке.

¹²⁴ - Автор портрета не установлен. Портрет см. на с. 359.

¹²⁵ - Имеется в виду книга: Berard V. Les Pheniciens et L Odysee. Т. 1, 2– Paris, 1902–1903.

¹²⁶ - з/к Иванов Д.И.

¹²⁷ - Это работа по определению содержания ванадия. См.: О.А. Зильберминц., К.П. Флоренский. Полевое определение ванадия // Тр. Ломоносовского института геохимии, кристаллографии и минералогии АН СССР. 1936. Вып. 7. С. 355–361.

¹²⁸ - з/к Иванов Д.М. Портрет опубликован: Священник Павел корейский. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М., 1998, с. 417.

¹²⁹ - О том же – Р.Н. Литвинов (1936. III.24): «..Дела заводские идут прилично, работы много, читать некогда. Вертишься с утра до ночи, за день как будто ничего не сделаешь, а за месяц чувствуются изменение и результаты. Любопытно на почти необитаемом острове вводить новую технику, создавая, чёрт знает из какой дряни. Нет насосов – из выброшенного монахами котла делаешь паровой аппарат для перекачки,

самые современные вентиляторы делаешь из деревяшек. Совершенно излечился от радиотизма. У нас трансляция такая мерзкая, что когда у нас украли громкоговоритель, то этот факт был встречен больше с радостью, чем с огорчением. Журнал «Радио-Фронт» иногда просматриваю, но с неудовольствием. Ничего интересного. Нужно добавить, что с газетами у нас туговато. Попадают сравнительно редко, и поэтому от них как бы отвыкаешь. Дня все прибывает и прибывает. В восьмом часу вечера солнце стоит высоко над замерзшим морем. Безоблачной погоды не бывает, а облака окрашены в самые великолепные и нежные тона. Стоит неуклонно мороз очень небольшой. Начинаются весенние холодные северо-восточные ветры. Был день, когда ходить было довольно затруднительно. По ветру идешь вприпрыжку, против ветра еле ползешь. В выпарном котле пар вместо того, чтобы идти в вытяжку, уходит в цех, так что в двух шагах нельзя узнать человека. Быт наш не изменился. Та же столовая, та же жилище, те же люди, та же баня. Но нужно отметить, что с каждым переездом я к ней придвигаюсь ближе и ближе. В прошлом году расстояние было около 3-х километров, осенью и зимой около 15 минут хода, а теперь дошло до трех минут пути...»

¹³⁰ - В воспоминаниях о. Павел пишет о своем детском ощущении тайны: «...наиболее достойным внимания и наиболее привлекательным было для меня явно иррациональное – то, чего я действительно не понимал и что вставало передо мною загадочным иероглифом таинственного мира» («Детям моим», с. 83).

¹³¹ - Юдина Мария Вениаминовна (1899–1970) – пианистка, профессор Московской консерватории, близкий друг семьи Флоренских. Она не прервала общение с семьей после ареста и ссылки о. Павла.

¹³² - Леонтьев Константин Николаевич (в тайном постриге монах Климент; 1831–1891) – русский мыслитель, писатель, публицист. Отец Павел Флоренский, вероятнее всего, имеет в виду самые известные его беллетристические произведения – «восточные повести» и роман «Одиссей Полихрониадес», изданные в 1876 году в трехтомнике под названием «Из жизни христиан в Турции». В книге «Столп и утверждение истины» (1914) о. Павел упоминает Леонтьева. Уже в то время он был знаком со многими друзьями, учениками Леонтьева и его окружением в последние месяцы жизни в Сергиевом Посаде: о. Иосифом Фуделем, поэтом и филологом А.А. Александровым, писателем, философом и публицистом В.В. Розановым (другом Константина Николаевича по переписке в последний год жизни), будущими митрополитами Трифоном

(Туркестановым), Антонием (Храповицким) (в год смерти Леонтьева он был ректором МДА) и другими. В близкий круг общения о. Павла входили почитатели и исследователи творчества Леонтьева, в частности С.Н. Дурылин, написавший в 1920–30 годах ряд работ о Леонтьеве, оставшихся неопубликованными, а в 1935 г. опубликовавший с подробными комментариями его записки «Моя литературная судьба». Письмо о. Павла жене от 10.02.1936 свидетельствует, что он был знаком с рукописями Леонтьева. В издаваемом в МДА журнале «Богословский вестник» в 1910-е годы (в том числе в пору редакторства о. Павла) были впервые опубликованы многие письма и несколько произведений Леонтьева.

¹³³ - Имеется в виду ожидающийся ребенок Василия и Наталии Флоренских.

¹³⁴ - Фаворская М.

¹³⁵ - Вероятно, имеется в виду труд армянского писателя Раффи, о котором идет речь в письме Флоренскому инспектора Лазаревского института Восточных языков К. Костаньянца от 5 июня 1916 г.: «Есть на армянском языке труд армянского писателя Раффи, так называемый «Хамсай Меликутюнисреп ?», т.е. описание пяти Меликутюн родов...» («Детям моим», с. 389). Это ответ на запрос о. Павла, которого книга интересовала как источник информации по истории рода его матери.

¹³⁶ - Хлебникова Анастасия Федоровна- зубной врач, знакомая семьи, жила в доме Флоренских.

¹³⁷ - Огнева С.И.

¹³⁸ - Действительно, внук о. Павла тяжело заболел (см. примеч. к письму от 18–19 августа 1936 г., с. 194).

¹³⁹ - Флоренский описывает самую дальнюю и самую запомнившуюся ему поездку – на Кузовские острова. Это небольшой Беломорский архипелаг Кузова, расположенный в 35 км к западу от Соловков. Члены экспедиции побывали на Русском и Немецком Кузовах, на островах Средний, Верхний, Варяжный, Жилой, Сетной и Лодейный.

¹⁴⁰ - Это Кароньян Корсон Акопович, 1903 г.р., расстрелян в 1937 г.

¹⁴¹ - Флоренский поздравляет маму с прошедшими именинами – днем памяти св. равноап. княгини Ольги, который празднуется 11 (24) июля.

¹⁴² - Пионерская (быв. Дворянская) – улица в Загорске, где жила семья Флоренских.

¹⁴³ - У внука о. Павла начался сепсис, переместившийся в брюшину и представлявший серьезную угрозу жизни. По семейному преданию,

выздоровление внука было чудом, совершившимся по молитвам о. Павла и предстательству прп. Серафима Саровского: Ю.А. Флоренская помазывала младенца маслом от мощей прп. Серафима.

¹⁴⁴ - Имеется в виду поездка на острова Большой и Малый Муксалма.

¹⁴⁵ - Робинзона вспоминает и Р.Н. Литвинов, но по другому поводу: «...Тут приходится вспоминать великого островитянина Робинзона. Я вынужден был за отсутствием посуды открыть гончарный цех, за отсутствием насосов изобретать паровые пульсометры, за отсутствием конических шестеренок придумывать фрикционную передачу и т.д.» (1936.IV.21).

¹⁴⁶ - Цитата из «Вступления» к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник»: «И не пуская тьму ночную/На золотые небеса,// Одна заря сменить другую// Спешит, дав ночи полчаса».

¹⁴⁷ - Отец Павел вспоминает приезд жены с младшими детьми в Сквородино летом 1934 года (см. примеч. к письму от 2 июля 1934 г., с. 67).

¹⁴⁸ - Неточная цитата из В.Г. Ваккенродера: «Aberglaube ist besser, als Systemglaube» – «Суеверие все лучше СистеMOVEDERIA» (Ваккенродер В.Г. Об искусстве и художниках. М., 1914, с. 65).

¹⁴⁹ - Вот что пишет примерно в это же время Литвинов (1936.X.22): «...Погода у нас, было, тоже испортилась – тоже, потому что я слушаю по трансляции сводки о погоде. Вчера ночью мне пришлось идти в Кремль и из Кремля. Холодный ветер, глубокая грязь на дороге, слепые лужи и прибой моря. Очень жутко и неудобно. На море моргает маяк на Песей Луде. А сегодня погода опять наладилась. Легкий мороз, воздух такой прозрачный, что острова в 35 километрах от нас кажутся такими же близкими, как пароходы на Волге с откоса. Закат ярко пунцовый, а море интенсивно синего цвета, как эмаль на фарфоровой чашке. Все это настолько ярко, что скорее страшно, чем прекрасно. Завтра выходной день, и если не будет осложнений, то пойду поискать клюкву. Недели две тому назад я первый раз в жизни видел растущую в природном виде клюкву на моховом болоте. Сначала я подумал, что это какая-то незнакомая, может быть, ядовитая ягода, а потом оказалось, что это самая обыкновенная клюква. Я уже писал тебе о непортящемся варенье из рябины, которое не успело испортиться. Сегодня вечером я думаю сварить вторую порцию. Что-то нужно изобретать для утешения. Пока что занимался вентиляцией. У нас здание очень странное. Левое крыло очень старинке. Низ 16-го столетия. Это громадная комната с каменным столбом посередине. На

него опираются своды. На этом этаже покроен второй, уже в 18-ом столетии, напоминающий постройки монастыря в Печорах. Правое крыло построено уже в лагерные времена из кирпича, но поразительно паршиво и по стилю и по небрежности постройки. О нем разговора не будет. А в потолке старинной сводчатой палаты, в одной из высших точек, было отверстие. Жили мы тут и работали целый год, но никому в голову не приходило поинтересоваться этой дырой. Время от времени я на нее поглядывал. Наконец вчера я решительно посмотрел на нее, велел приставить лестницу, и, взяв в руки палку, каменщик полез к этому отверстию, чтобы определить его глубину. Палка ушла до конца, не достигнув дна. Взяли газовую трубу, и она тоже ушла целиком. Наконец, нашли шест около шести метров, который уткнулся во что-то. Это был пол чердака. Канал прошел через стену второго этажа, а раньше там, видимо, была теперь снятая вытяжная труба. Я ее восстановил, и дело пошло. Воздух стал совершенно другой. Раньше там был всегда пар и нехороший запах. А теперь стало отлично. Кроме этого удалось найти еще одно облегчение. В выпарном котле вытяжка действовала наоборот, т.е. вместо уборки пара набирала холодный воздух и с паром выбрасывала его в завод. При помощи трех старых мешков тягу удалось повернуть. Теперь в цеху воздух прозрачен, как в апреле. Зато конец октября снаружи дает себя очень чувствовать. Ветер холодный и резкий. Пришлось заклеить окна и начать понемножку пускать пар в отопление и проверить главные пути пара в наши радиаторы. В результате в комнате стало совсем тепло, но в других помещениях нет настоящего тепла. Этим делом займусь после выходного...»

¹⁵⁰ - Имеется в виду поездка на мыс Печак, самую южную оконечность Большого Соловецкого острова.

¹⁵¹ - Посылка, отправленная о. Павлом, дошла, и некоторые из предметов, находившихся в ней, хранятся до сих пор в семье Флоренских, а сама коробка – в музее П.А. Флоренского в Москве

¹⁵² - Новый год отмечали и на Соловках. Вот как это описывает Ю.И. Чирков («А было все так...». М., Политиздат, 1991, с.133–134): «Новый, 1937 год мы встретили еще в библиотеке, а накануне состоялся прекрасный новогодний концерт – последний в истории соловецкого театра. Все исполнители, предугадывая это, играли так, как перед смертью, отдавая все свои силы и вдохновение залу. Как пел Привалов, как исполнял Брамса и Рахманинова (2-й концерт) Выгодский! Все были растроганы, очарованы. (Кстати, Рахманинов, как белоэмигрант, был

запрещен для исполнения, и его подали как Чайковского). Какие миниатюры новогоднего содержания разыгрывали комики-эстрадники и артисты оперетты! Конферансье Андреев смешил публику до слез, в том числе и руководство лагеря, восседавшее в «правительственной» ложе. Экспромты Андреева были весьма смелыми и острыми. Например, он передал разговор двух чаек, соловецкой, прилетевшей на зиму на юг Европы и французской. Соловецкая чайка так хвалила Соловки, что французская захотела туда полететь весной. Соловчанке стало жалко французенку: «Ах! Ты болезная, да ты иностранка, тебе же пе ша пришьют (подозрение в шпионаже) и нас подведешь под монастырь (под монастырем расстреливали), не придется полетать над монастырем. Да и кого смотреть – монахов нет – Монахов есть». Французенка огорчилась и прощобетала: «Ну ваши Соловки к монаху». Начальство тут не смеялось. На другой день Андреев получил трое суток ШИЗО. Второго января пришел начальник колонны и объявил о переезде всех жителей библиотеки в колонну. Мне опять досталась 11-я камера во второй колонне, где кишело 80 человек».

¹⁵³ - О хозяйственных делах и увлеченности водорослями Флоренского пишет Р.Н. Литвинов 1937.1.9: «...Нужно сказать, что по существу тут кормят достаточно, а готовка пищи и глубокий интерес к этому процессу вызваны, должно быть, просто желанием создания чего-то личного, создания своего хозяйства, чего-то вроде очага. Мне-то лично лень заниматься этими делами, а главное я очень не люблю мыть посуду, да и времени вообще не хватает. Но, быть может, я уговорюсь на это дело. Приятель мой, с которым мы ведем вместе элементы хозяйства, т.е. получаем вместе хлеб, ходим вместе обедать и у которого я съедаю мясные кушанья (о. Павел, действительно, не ел мяса. – Ред), а взамен отдаю ему винегрет, давно уже уговаривает меня перейти на само-готовку. Но я опасаюсь, так как он человек рассеянный, и, когда начнет, например, сушить себе хлеб на ржаные сухари, очень им любимые, обязательно их сожжет. Он увлекается ботаникой водорослей. Смотрит в микроскоп, иногда показывает мне. Красиво, но не интересно. Как-то не тянет меня к ботанике».

¹⁵⁴ - Ризоиды – нитевидные образования у водорослей, выполняющие функции корня.

¹⁵⁵ - Так о. Павел называет внука Павла.

¹⁵⁶ - В своих воспоминаниях о. Павел много пишет об отце, о том, что из семейной жизни он хотел создать рай: «Я сказал слово «рай», ибо так

именно понимаю своего отца – на чистом поле семейной жизни возрастить рай, которому не была бы страшна ни внешняя непогода, ни холод и грязь общественных отношений, ни, кажется, сама смерть... Все тяготы жизни отец нес на себе, но вносить их в семью не хотел; и, не выдержав тяготы одинокого несения труда, и горя, и неприятностей жизни, ради того, чтобы семья была избавлена от них, он надломился и, когда увидел неосуществленность своей жизни, потерял равновесие и телесное, и духовное... семья была его идолом, его богом, а он – ее жрецом и жертвою» («Детям моим», с. 25). Причины этой неосуществленности о. Павел видел в том, что «...их (родителей. – Ред.) мировоззрение, бывшее попыткой семьей преодолеть нигилизм, их окружавший в дни их юности, само таило в себе «яды нигилизма''' (с. 26), поскольку семья строилась именно «на чистом поле», без связей с прошлым, с предками, с верой. Восстановление этой связи будет уже сознательным делом жизни о. Павла.

¹⁵⁷ - Фаворский Н.В.

¹⁵⁸ - Девиз Е.В.

¹⁵⁹ - Сергиев Посад, где семья Флоренских жила с 1910 г., а сам П.А. Флоренский поселился в 1904 г., после поступления в Московскую Духовную Академию, в 1930 г. был переименован в Загорск, в честь революционера В.М. Загорского (наст, фамилия – Лубоцкий, 1883–1919).

¹⁶⁰ - Вероятно, это з/к Зеликман Виктор Григорьевич, математик, г.р. 1911, расстрелян в 1937 г.

¹⁶¹ - Отец Анны Михайловны Флоренской – Гиацинтов Михаил Федорович (1850–1893).

¹⁶² - Гиацинтов М.М.

¹⁶³ - Речь идет о книге: В.Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40–50-е гг. Л., 1934.

¹⁶⁴ - Имеется в виду статья Н.А. Некрасова «Русские второстепенные поэты 55–56 гг.» Отца Павла в статье Некрасова возмутило то, что наряду с Д.В. Веневитиновым (1805–1827; поэт-романтик, шеллингианец) и В.П. Боткиным (1811/12–1869; поэт, писатель, критик) в числе второстепенных поэтов оказались его любимый лирик Федор Иванович Тютчев (1803–1873) и Афанасий Афанасьевич Фет (Шеншин) (1820–1892).

¹⁶⁵ - В 1937 году отмечалась столетняя годовщина со дня смерти А С Пушкина (29 января/11 февраля 1837 г.), поэтому газеты и журналы были наполнены публикациями о жизни и творчестве поэта.

¹⁶⁶ - Строфы XL-XLII четвертой главы романа в стихах А.С. Пушкина

«Евгений Онегин».

¹⁶⁷ - Соловецкие ветра описал в своих воспоминаниях Ю.И. Чирков: «Котляревский рассказывал, что однажды в бурный день начала зимы, когда густо валил крупными хлопьями мокрый снег, он встретил Флоренского и Литвинова по дороге в кремль. Ученые мужи тяжело брели навстречу ветру, опираясь на длинные палки. Шапки, бороды, лица у них были залеплены снегом. Они останавливались, протирали очки и шли дальше, при этом еще беседуя. Несколько раз под напором бури они падали на гололеде, скрытом снегом. Котляревский помогал им подняться, а Павел Александрович шутил и говорил о перспективах использования энергии ветра» (Чирков Ю.И. А было все так... М., 1991). Это не было только шуткой. См.: Флоренский П.А. Запасы мировой энергии. // «Электрификация», 1925, N1, с. 10–16, где говорится, что энергия будущего – это энергия солнца, тепловая и ветровая. Эти идеи после 1933 года пропагандировал А.И. Иоффе. Г.П. Котляревский – з/к, украинский филолог, погиб в 1937г.

¹⁶⁸ - П.А. Флоренский успокаивает близких. Р.Н. Литвинов в это же время бегло замечает (1937.І.23): «..Дела с заводом стали так себе: его ликвидируют. Таким образом и благополучная полоса как будто кончается. Некоторое время будет ликвидационный период а там наступит время неприятное, потому что работать будет негде. А в таком случае жить неважно и в жилищном и в съестном отношении. Тут-то было очень хорошо. Жить было просторно и спокойно. И еда приличная. А переезжать в Кремль совсем не хочется. Вот и все новости... На этом можно было бы в сущности окончить письмо, но не хочется оставлять столько пустой бумаги. Погода у нас наконец похолодала. Начались морозы, правда не такие уж суровые, во всяком случае наушников опускать не надо. Облаков мало. Ночью луна глушит северное сияние; но по ночам я больше сижу дома, так как ходить некуда. Какие путешествия – к знакомым? В Кремль ходить не хочется, в театре я не бываю, разве что раз в неделю пойдешь на занятия и оттуда идешь часов в 10, но я полагаю, что и курсы прекратятся, да и в Иодпром, за отсутствием его, ходить не придется. Но что будет – дело темное, вперед заглядывать не следует. Если чего-нибудь будет, опишу своевременно. Но в случае безработности, количество писем в месяц уменьшается, даже до одного... Сегодня был очень растерянный день. Все очень волновались в связи с ликвидацией нашего Иодпрома. Но теперь немножко выяснилось, что ликвидация протянется довольно долго, а заглядывать в далекое будущее нет никаких оснований. Не все же, в

самом деле, делается обязательно к худшему. По существу, были бы здоровы, да сыты, а остальное как-нибудь устроится...»

¹⁶⁹ - Кониашвили Олега Георгиевна (1913–1994) – племянница о. Павла Флоренского, дочь его сестры Елизаветы Александровны. В 1962 г. Ольга Георгиевна передала П.В. Флоренскому письма П.А. Флоренского в Тифлис и многие другие семейные документы. С этого началась планомерная подготовка к печати рукописей о. Павла. Тогда это делалось в большой тайне.

¹⁷⁰ - Махарадзе Ирина Дидимовна (р. 1931) – внучка старшей сестры о. Павла Флоренского, Елизаветы Александровны. Дочь Ольги Георгиевны Кониашвили и Дидима Варламовича Махарадзе.

¹⁷¹ - Об этом же – Литвинов (1937. II.22): «Поставили новую трубу, новый котел, ставим все новые и новые единицы в завод, улучшаем качество, и все время на что-нибудь натыкаешься новое. Все это очень заинтересовывает, но все время невольное чувство неудовлетворенности, потому что знаешь, что к лету все будет кончено и брошено. Что будет со мной – трудно предположить. Существует масса возможностей. Если останусь тут, вероятно, удастся устроиться в лаборатории, если она сохранится. Могут и вывезти. Но материк велик и есть очень далекие места, некоторые из которых не очень приятны. Поэтому, даже возможность вывоза не является по существу очень заманчивой. Но все это в неопределенном будущем, и пока не стоит задумываться о перспективах, тем более, что наверно будет именно то, чего не ожидаешь».

¹⁷² - Интересно, что главу «Раннее детство» своих воспоминаний о. Павел назвал «Уединенный остров», имея в виду жизнь в доме отца, протекающую в стороне от жизни окружающей: «... наша жизнь была жизнью на уединенном острове, ибо людей мы не особенно долюбливали и старались держаться в стороне. Люди были бы похитителями чистоты, невозмутимости и ригоризма этого островного рая, и потому они лишь терпелись, да и то до поры до времени» («Детям моим», с. 25). Пребывание на Соловках – все окрашено воспоминаниями о детстве, семье, в последних письмах о. Павел рассказывает сны, где ему снятся мама, отец, сестры и братья, свои дети – на этом фоне появление образа «уединенного острова», конечно, не случайно, при всей «отдаленности» этого острова от «острова» воспоминаний.

¹⁷³ - Н.И. Быков вернулся в Москву в 1937 г. по болезни.

¹⁷⁴ - В мае 1937 г. завод Йодпром был закрыт, производство йода переведено на остров Жижигин, недалеко от Соловецкого архипелага. Это

было связано с превращением Соловецкого лагеря в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН), ужесточался режим содержания заключенных. Р.Н. Литвинов – о закрытии завода (1937.V.5): «Работа завода подходит к концу. Уже начали сортировку товара, уже упаковываем, довариваем последние баки, сдаем ненужное уже оборудование, вообще вид полной демобилизации. А погода все улучшается, облаков нет, и в этом году парохода ждут ... да и раньше обычного 15–20, дней на 10 раньше. Написал отчет о производстве йода, сделал схемы и чертежи и теперь жду последних ... часов завода. Что будет дальше – дело темное. Многие ждали, ... что в этом году очень многих увезут, но никаких оснований реального порядка как будто не заметно. Во всяком случае можно определенно сказать, что без работы жить плохо, а относительно ее пока перспектив нет. А это значит и хуже с питанием и нет заработка. Раньше это имело еще одну невыгоду – отсутствие зачетов, но теперь это уже все равно, потому что их и так нет. На острове с работой перспективы более чем туманны. Возможно, что может быть придется и уехать. Так что все еще очень неопределенно и, надеюсь, что к ближайшим письмам положение будет более ясным. Хотя, если в частности многое и неясно, то в общем все определенно. Каким способом, тем или другим, а сидеть надо, и это не значит, что я упал духом. В дни, когда я собирался к отъезду из Горького, Грац говорил мне, что в 1937 году можно рассчитывать на конец злоключений. Я как-то и считал, что будет именно так. Но теперь похоже на то, что он просчитался. Но что будет впереди, пока неизвестно, и будем надеяться на лучшее».

¹⁷⁵ - 13 мая з/к Флоренский был переведен в Кремль в тюремные условия. Сначала о. Павла поселили в одной камере с бывшими сотрудниками по Йодпрому, вероятно, в Чоботной палате. Последняя камера, в которой проживал о. Павел, по устному свидетельству Ю.И. Чиркова, находилась на втором этаже Наместнического келейного корпуса, у Сельдяных ворот. В своих воспоминаниях Ю.И. Чирков пишет: «В камере, где жил Флоренский, на тумбочке у кровати стояли фотографии его близких. Перед сном, после молитвы, он несколько минут смотрел на эти фотографии, как бы желая родным спокойной ночи» (Ю. И. Чирков. Узник в пятнадцать лет. – Ветеран, N 11 (115) от 12–18.III.1990).

¹⁷⁶ - Музей был создан заключенными на базе материалов монастыря и краеведческих коллекций; при музее работало Соловецкое общество краеведения. Располагался музей в надвратной Благовещенской церкви, на участке галереи от церкви на север до прядильной башни, а также в Спасо-

Преображенском соборе. Открыт в 1925 году, закрыт в связи с ликвидацией лагеря и тюрьмы.

¹⁷⁷ - Этот час особенно любил о. Павел, это еще и час его рождения. «И вот, среди степи, в дикой местности, я родился 9-го января 1882-го года, вечером, часов около семи – в час, всегда бывший моим самым любимым. Этот вечерующий час между шестью и семью, всегда был моим часом, и по сей день нет для меня ничего сладостнее, милее и мистичнее, в хорошую сторону, чем этот час прозрачности, мира и наступающей прохлады. Зажигающаяся звезда Вечерняя, огонь в сумерки» («Детям моим», с. 30).

¹⁷⁸ - Загадки Мику – в этом же письме: «Дорогой Мик, вот тебе загадка: какая фамилия одного ученого пишется с тремя мягкими знаками? Другой вопрос: какого цвета хлорофилл? Третий вопрос: когда Россия собиралась присоединить к себе Англию? Как-то ко мне обратился с вопросом один (увы!) мой бывший ученик и спросил: «Было два Спинозы, один Барух, другой Бенедикт. Который же из двух был особенно замечателен?» Мне стало стыдно, почему? Можешь ответов мне не писать, а скажи их мамочке».

¹⁷⁹ - Застекленная веранда на третьем этаже – хоры в Благовещенской церкви – находится над святыми воротами, в северном крыле: из ее окна открывается вид на бухту Благополучия.

¹⁸⁰ - Морю посвящены целые страницы воспоминаний о. Павла. «Свои детские и отроческие годы я провел в постоянном и ненасытном, и никогда ненасытимом, созерцании моря... я помню свои детские впечатления и не ошибаюсь в них: на берегу моря я чувствовал себя лицом к лицу пред родимой, одинокой, таинственной и бесконечной Вечностью, из которой все течет и в которую все возвращается. Она звала меня, и я был с нею... Я любил море за его тайну. Была внутренняя близость между ним и мною» («Детям моим», с. 45–61). Интересно, что сначала море вокруг Соловков о. Павел воспринял отчужденно, считал его безжизненным, неинтересным, редко говорит о нем. Но в последних письмах появляются описания моря, в т.ч. напоминающие море детских воспоминаний (описание игры света на море в этом же письме очень близко описанию моря в гл. «Пристань», [с. 52–53], где также появляется образ «живой сетки» – переливов света на поверхности моря), хотя в воспоминаниях о. Павел напишет: «Того моря, блаженного моря блаженного детства, уже не видать мне – разве что в себе самом. Оно ушло, вероятно, куда уходит и время, – в область ноуменов. Но этот

ноумен когда-то воистину виделся, обонялся, слышался мною. И я знаю тверже, чем знаю все другое, узнанное впоследствии, что то мое познание истиннее и глубже, хотя и ушло от меня, – ушло, а все-таки со мною» (с. 50).

¹⁸¹ - Точно, кого имеет в виду о. Павел, не установлено. Это могут быть Истомин Петр Владимирович, Мещерский Иван Сергеевич или Дурново Николай Николаевич (крупнейший лингвист), отбывавшие ссылку на Соловках в это время.

¹⁸² - Гиацинтова Анна Васильевна (1892–1987) – племянница А.М. Флоренской.

¹⁸³ - Письмо Тики (23 октября 1933 г.; сохраняется детская орфография): «...Мне очень жалко что тебя унас нету. Я обтебе скучаю... Я целый день мамкую... Я тебя никогда не забуду своего папулицу... И все тебе желают здаровя. И добра. Тика».

¹⁸⁴ - День рождения младшей дочери о. Павла Флоренского Марии-Тинатин – 11 ноября

¹⁸⁵ - Соловецкая чайка – подвид серебристой чайки (*Larus argentatus*). Чайки были приручены монахами, в продолжение столетий гнездились даже под скамейками в сквере. О соловецких чайках ходили легенды. С ними связывают чудо. «В 1854 г., когда два английских фрегата начали бомбардировать монастырь, то чайки густым облаком взвились над самыми вражескими фрегатами и пронзительным своим криком как бы прогоняли англичан, и не одним криком они им докучали, так что неприятель должен был вступить в бой с птицами, запятнавшими его честь... Чайки в этом деле доказали свое мужество и преданность обители». (П.Ф. Федоров. Соловки. 1898.) «Монахи запрещали их трогать, и они несли яйца прямо посреди Кремля...тут же выводили тонконогих, безобразных, словно оципанных птенцов, путавшихся под ногами богомольцев». (Геннадий Андреев «Хомяков Г.А». Соловецкий остров. 1927–1929// Север. 1990. №9. С. 3–93.) В последние годы существования СТОНа чайки были уничтожены: «...вскоре после преобразования Соловков в СТОН были созданы бригады по уничтожению чаек. Находя гнезда, птенцов растаптывали, а во взрослых чаек стреляли. Остальных чаек добили после их возвращения весной 38-го года. Так был уничтожен эндемический вид «соловецкая чайка''' (Чирков Ю.И. А было все так... М., 1991).

¹⁸⁶ - Именины Тики праздновались 4 августа (н. ст.), в день св. равноап. Марии Магдалины.

¹⁸⁷ - Корякин Леонид Иванович – кристаллограф, знакомый семьи Флоренских, живший в Ярославле. Один из немногих, поддерживавших отношения с семьей Флоренских после 1933 г. и посещавших ее в Загорске.

¹⁸⁸ - Щенок Тики.

¹⁸⁹ - На Заяцких островах Флоренский был в командировке. Их описывает и Литвинов (1936.V.15): «...Никаких новостей у меня нет. Живу и работаю все на прежнем месте. Нужно по-прежнему сказать, что как первое, так и второе по местным масштабам очень завидно. Но конечно, это хорошо по-местному. Главное преимущество, действительно, существенное, заключается в возможности и необходимости дальних передвижений по берегу моря. Я уже исходил один берег острова – к северу километров на 12, к югу километров на 10. Кроме того, у нас есть еще хозяйство на разных мелких островах. В частности я сейчас вернулся из плавания на так называемые Заячие острова. В сущности это название неправильно. Монахи собирали на них птичьи яйца и поэтому назвали их Заяцкими островами. Их расстояние около 6 или 8 километров от Кремля. Плыли мы туда с начальником нашего предприятия на мотоботе. День был очень солнечный. Море не совсем гладкое, и путешествие было очаровательно. Все море в мелких островах. Некоторые мелкие и низкие, поросшие какой-то блеклой и бурьянной, еще прошлогодней, травой. Некоторые – просто груда валунов, а иногда кое-где из воды торчит просто валун. На иных, повыше, растут кустики. Первый и ближайший носит имя «Песьей Лудь». На Зайчиках – остатки церкви и каменных построек 15 века, совершенно милых. Как море тут довольно коварно, то около поселка была устроена гавань, такого же скромного и уютного характера, как и все постройки. Из валунов устроена дамба, окружающая бассейн размером с хорошую квартиру, в котором можно держать с полдюжины больших лодок. Валуны, из которых сложена дамба, неслыханных размеров, каждый побольше Фордовского автомобиля. А кругом море, волны и ветер без конца. На горизонте силуэты дальних островов и даже береговая линия. Когда в мальчишестве я читал романы с путешествиями и приключениями, то конечно путешествие на мотоботе на такие острова было бы верхом мечтаний. Нужно сознаться, что и сейчас это доставило мне меланхолическое удовольствие. Я томно вздохнул, проезжая мимо Песьей Луды, ассоциируя это название с событиями прошлых и приятных дней. Быть может, когда-нибудь я еще посету эти места в более приятной ситуации...»

¹⁹⁰ - Имеется в виду ожидавшийся ребенок Наталии и Василия Флоренских.

¹⁹¹ - Шокальский Юлий Михайлович (1856–1940) – русский океанограф и картограф, разработал методику картографических работ. Ему принадлежит капитальный труд «Океанография» (1917), внук А.П. Керн.

¹⁹² - Эту комету о. Павел Флоренский отметит в воспоминаниях, говоря о своем особом отношении к кометам в детстве: «Едва ли не наибольшее внимание мое привлекали к себе кометы. С томлением, которое можно уподобить разве что сильной жажде... хотелось мне увидеть своими глазами комету, и, за неимением подлинника, я разжигал свое воображение рисунками комет в «Konversation Lexicon» Мейера и в курсах астрономии. Но зато я получал некоторое удовлетворение от рассказов папы, как сам он видел кометы: по чувству единства с отцом, его глаза были для меня почти что моими, и комета, виденная папой, была вроде как бы виденная мною. Папа же говорил об одной комете, виденной им в юности, вероятно, об августовской комете 1876 г., и о другой, бывшей в год моего рождения, сентябрьской комете 1882 г., считавшейся, по словам Ньюкомба «самым замечательным зрелищем в нашем столетии» (с. 163).

¹⁹³ - Речь идет о поездке Мика в Тифлис, где жили брат и сестра Флоренского – Елизавета Александровна и Александр Александрович.

¹⁹⁴ - Батумо-Ахалцыхская дорога – дорога, которую строил А.И. Флоренский и с которой связаны воспоминания детства о. Павла. (См. примеч. 3 к письму от 6–7 апреля 1935 г., с. 98.)

¹⁹⁵ - Имеется в виду внук о. Павла – сын Наталии и Василия Флоренских.

¹⁹⁶ - Имеется в виду поездка в северную часть острова, где находился поселок Ребалда. Об этих местах пишет и Р.Н. Литвинов (1936.VI.23): «...Нужно сказать, что Соловецкие острова ледникового происхождения, а потому в основном состоят из валунов и гравия разных размеров. Если есть известь, то привезенная монахами. Северный берег живописен и волнистее южного. Как ни странно, но климат там осязательно лучше и теплее. Это потому, что сюда заплывает язык Гольфштрема, как говорят старожилы. Растительность там настоящая и приличная. Крупные сосны, березовые рощи и масса всякой зелени. К югу все это мельчает и портится. Сосна заменяется елью, появляются осины, становится больше тундровых участков, а местность становится гладкой. И все-таки всюду и везде озера.

Очень красивые и очень пустынные. Штук 70 из них соединены перетоками и каналами, по которым может ходить и ходит небольшой пароходик и таскает баржу с грузами. Из этой же канальной системы вода поступает и в бывшее Святое озеро, на берегу которого стоит кремль, и оттуда на турбину электростанции. Все это сделано (кроме парохода и турбины) игуменом Филиппом, который по преданию был задушен Малютой Скуратовым, который в те времена занимал соответствующую должность...»

¹⁹⁷ - О. Павел вспоминает комнату, в которой он жил, будучи студентом Московской Духовной Академии, в Троице-Сергиевой Лавре.

¹⁹⁸ - Сочинения А.С. Пушкина с объяснением их и сводом критики. Изд. Л. Поливанова для семьи и школы. Т. 1–5. М., 1887 (переиздана в 1898 и 1905 гг.).

¹⁹⁹ - Речь идет о книге: Кернер фон Марилаун А. Жизнь растений. В 2 т. СПб., 1899.

²⁰⁰ - После ареста о. Павла Ольгу не принимали в школу, вернуться в школу она сможет только в феврале 1934 г. после бесконечных обращений в различные инстанции.

²⁰¹ - Бобылева Мария Афанасьевна – преподавательница музыки в Загорске, учила младших детей о. Павла Флоренского.

²⁰² - Быков Н.И.; его сын – Игорь.

²⁰³ - Отец Павел говорит о поэме «Оро», которую восстанавливал на Соловках по памяти, но некоторые отрывки просит прислать.

²⁰⁴ - Парафраза евангельских слов: «Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть» (Лк. 12, 25).

²⁰⁵ - А.К. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928.

²⁰⁶ - Сербский эпос. Перевод Н.В. Берга, Н.М. Гольковского, Н.И. Кравцова. М.Л.: Academia. 1933.

²⁰⁷ - С.П. Жихарев. Записки современника. Т. 1. М.-Л.: Academia. 1934.

²⁰⁸ - Е.Э. Бертелье. Абул-Касим Фирдоуси и его творчество. Л. М., 1935.

²⁰⁹ - Соколов Петр Федорович (1791–1848) – русский живописец, акварелист. Автор портретов многих своих знаменитых современников; его сын – Петр Петрович Соколов (1821–1899) – русский живописец и рисовальщик.

²¹⁰ - Хлебников Велимир. Око: Орачонская повесть. // «30 дней».

1932. №2.

²¹¹ - Детские впечатления о море см. в примеч. к письму от 18 июня 1937 г., с. 250.

²¹² - Об этом же в воспоминаниях: «Оглядывая теперь вспять свое детство, я вижу исключительную бедность батумского берега выбросами и отменную ничтожность наших находок; кроме камешков, действительно приятных, мы не находили ничего ценного и занятного. Но тогда эти находки радовали бесконечно, хотя я и был избалованным ребенком, радовали, как дары великого синего моря, лично мне дары, знаки внимания, доверия и покровительства» («Детям моим», с. 49).

²¹³ - Цитата из «Вступления» к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник». «Адмиралтейская звезда» – описка, надо – «игла».

²¹⁴ - Вероятно, о. Павел имеет в виду строку из третьей песни поэмы А.С. Пушкина «Полтава» – «Горит восток зарею новой», поскольку далее говорит о Полтаве и Украине. В том виде, как ее цитирует Флоренский, она ближе к строкам из «Вступления» к поэме «Медный всадник»: «Одна заря сменить другую // Спешит, дав ночи полчаса».

²¹⁵ - Персонаж романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

²¹⁶ - Ефимов Иван Семенович (1879–1959) – скульптор, народный художник РСФСР. Один из близких друзей о. Павла Флоренского, который не забывал его семью после 1933 г.

²¹⁷ - Шубертовские и глинковские романсы – в детстве Флоренский постоянно слышал романсы Шуберта и Глинки в своем доме: «...мне помнятся сравнительно немногочисленные, но прижившиеся в доме романсы Шуберта и Глинки – кстати сказать, и теперь мне представляющиеся наиболее совершенными из всего, что знаю, произведениями в этом роде» («Воспоминания», с. 82).

²¹⁸ - Флорина Мария Викторовна – уроженка Тифлиса, детский врач семьи Флоренских.

²¹⁹ - Н.А. Алиханова (Сапарова).

²²⁰ - Сестра о. Павла – Ольга.

²²¹ - Отец Афоний (Вишняков) – монах Троице-Сергиевой Лавры, расписывавший коробочки, брошки в духе федоскинской миниатюры. Отец Афоний по просьбе о. Павла и по его проекту оформил портрет П.Г. Сапарова – украсил и вставил в рамку («Детям моим», с. 401).

²²² - Буюкли Всеволод Иванович (1873–1921) – русский пианист, известный интерпретатор творчества А.Н. Скрябина. Рубинштейн Николай

Григорьевич (1835–1881) – русский пианист, дирижер, организатор Московской консерватории.

²²³ - Имеется в виду художник С.В. Иванов, по предположению о. Павла Флоренского – предок его по отцовской линии (род Ивановых, см.: «Генеалогические исследования», «Детям моим», с. 367–372).

²²⁴ - Генрих VIII (1491–1547) – английский король с 1509 г. Карл II (1630–1685) – английский король с 1660 г., из династии Стюартов.

²²⁵ - Письмо Кирилла (1933.Х.21): «... Съездил я хорошо, поездкой доволен – интересный народ узбеки...Привез мамочке луковицы горных растений и семян. Приобрел кое-какие познания в геологии россыпей, точнее, по обращению со шлихами – тяжелыми минеральными остатками. Зимой буду работать в 2-х местах – по палеонтологии и минералогии в Таджикской экспедиции... В институте учусь... За маму ты не беспокойся, мы уладимся, только вот без тебя скучно и пусто очень... Целую тебя крепко, дорогой папочка, не беспокойся о нас, пожалуйста, и устраивайся как можно лучше. Пиши почаще. Еще раз целую. Кира».

²²⁶ - Речь идет о книгах: Самойлов Я.В. Биолиты. Л., 1929; Вернадский В.И. Биосфера. Л., 1926; Вернадский В.И. История минералов земной коры. Т.2: История природных вод. Л., 1933.

²²⁷ - Статья «Измерение формы», написанная в соавторстве с Я.Я. Ханом, опубликована не была. Рукопись сохранилась без одного листа. Методику удалось реконструировать и использовать. "Сорена" – см. примеч. 4 к письму от 1933Х13–14, с. 37.

²²⁸ - Флоренский П.А. Скважность. // Техническая энциклопедия под редакцией Л.К. Мартенса. Т. 21. М.: «Советская энциклопедия». 1933. С. 73–113.

²²⁹ - Василий и Кирилл работали в Таджикско-Памирской экспедиции, Василий – в районе реки Варзоб, а Кирилл – в Фергане.

²³⁰ - Метнер Э.К. Размышления о Гете. М., 1914. Книга Лихтенштадта – см. примеч. 4 к письму от 22–23 апреля 1935 г., с. 108.

²³¹ - В. Утц.

²³² - 12 февраля – день памяти св. Василия Великого, в праздник трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста – именины старшего сына о. Павла Василия и его родственника, Василия Михайловича Гиацинтова, брата А.М. Флоренской.

²³³ - Ле Шателье Анри Луи (1850–1936) – французский физико-химик и металлург. Сформулировал (1884) общий закон смещения

термодинамического равновесия (принцип Ле Шателье-Брауна; Браун Карл Фердинанд/1850–1918» – немецкий физик).

²³⁴ - Томсоны – Флоренский неточно называет инициалы, имеются в виду английские физики Джордж Паджет Томсон (1892–1975) и Уильям Томсон (1824–1907).

²³⁵ - «Справочник» и «Техническая Энциклопедия» – издания, в которых принимал участие П.А. Флоренский, будучи сотрудником ВЭИ.

²³⁶ - Руководитель Кирилла – Зильберминц Вениамин Аркадьевич (1887–1938?) – минералог, руководитель лаборатории в Институте прикладной геохимии и металлургии (позже – БИМС), создатель и заведующий кафедры кристаллографии и минералогии Московского нефтяного института (ныне РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина). Репрессирован и расстрелян в 1938(?) г. Кирилл работал под руководством Зильберминца в 1932–1935 гг., вплоть до ареста своего учителя.

²³⁷ - Иловайский Давид Иванович (1878–1935) – профессор палеонтологии в Московском нефтяном институте им. И.М. Губкина. Совместно с ним К.П. Флоренский написал книгу «Верхнеюрские аммониты бассейнов рек Урала и Илека» (М., 1941).

²³⁸ - Иловайская Софья Владимировна – вдова Д.И. Иловайского.

²³⁹ - К.П. Флоренский закончил работы в Таджикско-Памирской экспедиции (1933–1935). С апреля 1935 г. был зачислен в биогеохимическую лабораторию, возглавлявшуюся акад. В.И. Вернадским, где будет работать под руководством А.М. Симорина.

²⁴⁰ - Федоров Евграф Степанович (1853–1919) – русский минералог и кристаллограф, один из основоположников современной структурной кристаллографии и минералогии, создатель научной школы.

²⁴¹ - Текстура – преимущественная ориентация кристаллов в поликристаллах или молекул в аморфных телах.

²⁴² - Свита (кол.) – основная единица, характеризующая последовательность формирования горных пород.

²⁴³ - Имеется в виду письмо от 21 августа 1935 г., адресованное Кириллу, где о. Павел рассказывает о персах и приводит этимологию некоторых персидских названий.

²⁴⁴ - В.И. Вернадский. *Le problème de radiogeologie*, Paris, Herman, 1935.

²⁴⁵ - Номография – раздел математики, в котором изучаются теория и способы построения особых чертежей – номограмм, с помощью которых

можно, например, не производя вычислений, получать приближённое решение уравнений или приближённые значения функций.

²⁴⁶ - Оолиты – минеральные образования в виде мелких округлых зерен.

²⁴⁷ - Сапропель – органические иды, отложения водоемов суши, состоящие в основном из органических веществ и остатков водных организмов. Используют как удобрение.

²⁴⁸ - Парафраза цитаты из стихотворения А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье»: «Без божества, без вдохновенья, / Без слез, без жизни, без любви».

²⁴⁹ - Двое чеченцев – Абдулкадыров Хасан и Саиев Абуязит, 1904 г.р., уроженец села Москеты (Ножай-Юртовского района), б/п, КОГПУ от 16.10.33 по ст. 58–2, 11 УК осужден к расстрелу с заменой заключения в ИТЛ на 10 лет. Приговорен к высшей мере наказания 9.X.1937, расстрелян 25.X. или 1–4.XI под Медвежьегорском. В конце 90-х годов отыскались его потомки, которые сообщили подробности его жизни. Абуязит Саиев, которого о. Павел Флоренский в своем письме называет «чеченским муллой», был набожным человеком, изучал Коран, призывал людей к праведной жизни. Вероятно, это и стало причиной его ареста. Последнее письмо из соловецкого концлагеря родные получили от него весной 1937 г. В нем Абуязит пишет своему брату: «Судя по всему, не выбраться мне из этой тюрьмы. Поэтому прошу, Баезд, наречь именем тюрьмы сына, если таковой в твоей семье родится. Пусть это станет живой памятью обо мне и напоминанием потомкам, что такая тюрьма есть на свете». Первенец в семье Саиевых получил имя Соловка. Он прожил нелегкую, но праведную жизнь. Когда Соловке было 5 лет, его семья, как и все чеченцы, были высланы в Киргизию, где бедовали 13 лет. В 1956 году чеченцам было разрешено вернуться на родину. Соловка поселился в селе Червленое, стал механизатором, успешно трудился, женился, завел детей, был уважаемым в республике человеком. Зимой 1995 г. в Червленую прибыли беженцы из пылающего Грозного. Дорогой их караван бомбили. Погибла целая семья. И тут произошло чудо. Погибшая женщина исторгла из своего лона младенца. Ребенок был жив. Ни имени погибшей семьи, ни откуда она была родом, никто не знал. Младенца было решено передать самому уважаемому жителю села Соловке Саиеву. Мальчика назвали Шамилем. Он стал сыном Соловки и живет в его дружной семье. Обо всем этом П.В. Флоренскому сообщил их близкий родственник чеченский поэт Умар Саиев. В мае 2002 г. Соловка Саиев скончался.

²⁵⁰ - Имеется в виду ожидавшийся тогда внук о. Павла Флоренского.

²⁵¹ - Спасо-Преображенский собор (XVI в.) – главный храм Соловецкого монастыря.

²⁵² - Нина Яковлевна Симонович-Ефимова (1877–1948) – близкий друг семьи Флоренских, художник-график, автор книги «Записки петрушечника» (М., 1925), предисловие к которой было написано о. Павлом (опубликовано в издании 1966 г.), автор портретов П.А. Флоренского.

²⁵³ - Речь идет о сыне Н.Я. Симонович-Ефимовой – Адриане.

²⁵⁴ - Сыновья В.И. и М.В. Фаворских.

²⁵⁵ - В конверт была вложена вышивка-ришелье на лоскутке белой льняной ткани. О рукоделии, ручном труде о. Павел Флоренский пишет в «Воспоминаниях»: «В произведении руки человеческой, каково бы оно ни было, в самом грубом, всегда есть таинственное мерцание жизни, как непосредственно чувствуется это мерцание в какой-нибудь раковине, камне, обточенном морскими волнами, в слоистости агата или сердолика, в тончайших сплетениях жилок листа. Машинная же вещь не мерцает, а блестит, лоснится мертво и нагло. Ясно помню, хотя и не всегда умел отчетливо сказать, но непосредственно, почти физиологически, – как состояние своего тела, – ощущал я с полной живостью качественную разницу ручного и машинного» («Детям моим», с. 60). Интерес П.А. Флоренского к художественному шитью продолжал традиции рода Сапаровых – в семье хранились ковры кавказской работы и редкие ткани, образцы золотошвейного шитья. Работа в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры обогатила его представления о древнерусском и византийском шитье. Изучением орнамента занималась и его двоюродная сестра – Тамара Аркадьевна Арманд. В ее книге «Орнаментация ткани» (М.-Л.: Academia, 1981) приведены интересные стилистические сопоставления орнаментов разных стран и эпох но вне соприкосновения с музыкальным искусством.

²⁵⁶ - Павлинов Павел Яковлевич (1881–1966) – художник, друг и коллега о. Павла Флоренского по ВХУТЕМАСу. Иллюстрировал его работу «“Диэлектрики” и их техническое применение» (М., 1924).

²⁵⁷ - Имеется в виду книга «Имена»; впервые полностью: Флоренский Павел, священник. Имена. М., 1993. Труд о. Павла «Имена» содержит как исследование природы и смысла имени вообще, так и развернутые характеристики ряда имен.

²⁵⁸ - Внук о. Павла родился 7 июня 1936г. В честь деда он был назван

Павлом.

²⁵⁹ - Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945) – советский химик и минералог, один из основоположников геохимии. "Пегматиты"(1931) – его фундаментальный труд.

²⁶⁰ - Описка о. Павла – речь идет о собрании сочинений Кондратия Федоровича Рылеева.

²⁶¹ - Брэмзен Генриетта Густавовна – бабушка Наталии Ивановны по линии отца.

²⁶² - В этом же письме – поздравление Василию: «Поздравляю тебя с сыном. Мне конечно очень радостно, что это произошло при нашей с мамою жизни. Ты, я, мой отец и дед росли и родились уже без дедов, а кроме тебя – и без бабушек, и в детстве я думал с горечью, почему у меня нет ни дедушки, ни бабушки. А у твоего сына есть два деда, две бабушки и три прабабушки (а может быть четыре? не знаю). Поэтому будет, кому его баловать, и он будет вправлен в паз времени, если выразиться по-шекспировски («время вышло из своих пазов», – говорит Гамлет). Быть в пазе времени очень важно для понимания жизни и правильного ее направления».

²⁶³ - Закон Вебера-Фехнера – в психологии закон о зависимости между ощущениями и раздражителями, назван по имени ученых Эрнста Генриха Вебера (1795–1878), немецкого анатома и физиолога, основателя экспериментальной психологии, и Густава Теодора Фехнера (1801–1807), немецкого физика, психолога и философа.

²⁶⁴ - Фация (геол.) – одна из характеристик физико-географических особенностей ландшафта.

²⁶⁵ - Наливкин Дмитрий Васильевич (1889–1982) – советский геолог и палеонтолог. Разрабатывал учение о фациях. См.: Наливкин Д.В. Учение о фациях. Условия образования осадков. Л., 1932.

²⁶⁶ - Родители Наталии Ивановны: Зарубин Иван Иванович (1887–1945), агроном и Зарубина (Николаева) Анна Лаврентьевна (1887–1959) – учитель русского языка и литературы.

²⁶⁷ - В. А. Фаворский, в конверт был вложен лист бумаги, обработанный альгинатом.

²⁶⁸ - Малиновская Екатерина Антоновна. Она же преподавала английский язык детям Флоренского.

²⁶⁹ - Н. И. Быков.

Содержание

Все думы – о Вас священник Павел Флоренский	1
Завещание	2
Письма семье	6
Письма детям	91
Письма младшим детям Мику и Тике	92
Письма дочери Ольге	109
Письма старшим сыновьям Василию и Кириллу	136
Письма о внуке	161
«Священник, не снявший с себя сана»	176
Члены семьи – адресаты писем	187
Примечания	189